

Никлас Луман

ВЛАСТЬ

образ общества

Niklas Luhmann

MACHT

Ferdinand Enke Verlag
Stuttgard 1975

Никлас Луман

ВЛАСТЬ

перевод с немецкого
А.Антоновского

Праксис
Москва 2001

ББК 60.5

Л 85

Издательство «Праксис» выражает глубокую признательность председателю Совета Директоров ЦПК «Никколо-М» Игорю Евгеньевичу Минтусову, при моральной и финансовой поддержке которого вышла в свет эта книга.

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии А. Родченко «Детали „АМО“», 1922.

Луман Никлас

Л 85 **Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001. — 256 с. — (Серия «Образ общества»).**

ISBN 5-901574-06-0

Работа крупнейшего современного немецкого социолога, создателя оригинальной концепции социальных систем, посвященная рассмотрению одной из ключевых проблем современной социальной и политической теории — проблеме власти. В своем анализе автор предлагает своеобразную трактовку власти как средства социальной коммуникации.

Книга будет интересна социологам, политологам, философам, а также всем, кому небезразличны проблемы общества и политики. На русском языке публикуется впервые.

ББК 60.5

This edition is published by arrangement with Lucius & Lucius Verlagsgesellschaft, Stuttgart.

Original copyright 1988 © Lucius & Lucius Verlagsgesellschaft. Title of the German original: Niklas Luhmann, Macht

© А. Ю. Антоновский, перевод с нем., послесловие, 2001

© М. Хорьков, общая редакция, 2001

© А. Кулагин, А. Мосина, художественное оформление, 2001

© Издательская группа «Праксис», 2001

ISBN 5-901574-06-0

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
I. Власть как средство коммуникации	11
II. Отношение действия	34
III. Кодовые функции	51
IV. Власть и физическое насилие	95
V. Жизненный мир и техника	110
VI. Генерализация влияния	116
VII. Риск власти	126
VIII. Общественная релевантность власти	139
IX. Организованная власть	151
Примечания	178
Библиография	206
<i>А. Ю. Антоновский. Социальные системы</i> Никласа Лумана	223

ВВЕДЕНИЕ

Известно много противоречивых попыток подвести феномен власти под теоретически и эмпирически адекватное понятие власти. Ввиду этого, создавая свою теорию власти, мы не можем довольствоваться таким описательным истолкованием и анализом сущности власти, которые бы в той или иной степени уже заведомо предполагали нечто такое, что может быть получено лишь в качестве результата. Попытки анализа понятия власти самого по себе, обнаружение в нем различных смысловых оттенков также никогда ни к чему не приводили; они всегда были излишне осторожными и в конце концов разочаровали исследователей. В такой ситуации невозможно поступательно двигаться вперед, заранее имея в своем распоряжении некое понятие власти. Поэтому необходимо попытаться использовать более общие концепции, находящие применение в иных сферах и могущие послужить основой привнесения в сферу теории власти уже обоснованных проблемных постановок и способов образования понятий, а также сравнения этой сферы с исследованиями в иных, сопредельных предметных областях.

В поисках возможных подходов мы прежде всего сталкиваемся с представлением, согласно которому власть является воздействием, реакцией на возможное сопротивление, так сказать, каузальным следствием неблагоприятных обстоятельств. Недавно появились также теория обмена и теория игр, выдвигающие на первый план калькуляционную

сторону все еще понимаемого каузально, хотя и полного разнообразных альтернатив процесса¹, анализ которого может осуществляться различными путями.

Сначала мы хотели бы исследовать различные способы образования понятия «власть» на предмет имманентных возможностей логического вывода и верификации, трудностей измерения и, наконец, понятийных предпосылок². Прежде этот путь приводил скорее к расщеплению теории власти, нежели к ее консолидации. По-видимому, это произошло из поспешности в теоретизации отдельного феномена.

Затем можно воспользоваться социологической техникой постановки вопросов, подтверждающей свою надежность со времен Дюркгейма. Это поможет прояснить предпосылки жизненно-мировых, заведомо обладающих интерпретацией и понятных установлений. Если власть является каузальным процессом, то следует задаться вопросом о непричинных основаниях каузальности. Если власть исчисляется как меновая величина, то следует спросить об основаниях обмена, не подлежащих уже никакому обмену. Если власть — это игра противников друг с другом, то надо искать не-игровые основания игры. Эта техника постановки вопросов возвращает нас к обществу как условию самой возможности власти. Она приводит нас к теории, рассматривающей власть на окольных путях теории общества.

По этим окольным путям мы как раз и хотим направиться. При этом мы не должны упускать из виду определенную макросоциологическую системную референцию, а именно референцию, охватыва-

ВВЕДЕНИЕ

ющую всю систему общества. Поэтому прежде всего мы ставим вопрос о функциях образования власти именно на данном уровне³. Это отнюдь не исключает использования экспериментальных социально-психологических видов исследования. Однако можно предположить, что образуются и такие символические генерализации, которые осуществляются не в процессе отдельных интеракций, а возникают на уровне общества в целом. Примером такой генерализации является право. Локализуя анализ на уровне общественной системы в целом, мы можем воспользоваться более современными теориями общества, строящимися вокруг трех различных, но допускающих интеграцию концепций: 1) теорией образования и дифференциации систем, 2) теорией эволюции и 3) началами теории символически генерализованных средств коммуникации. Эти подходы выводят нас за рамки понимания власти как простого выражения или независимой величины, свойственных обществу как социальному факту. На уровне образования систем, релевантных всему обществу, предметы перечисленных теорий следует рассматривать как взаимозависимые. При этом мы опираемся на предположение, что общественная эволюция ведет к образованию более широких, более комплексных и дифференцированных общественных систем, которые для предотвращения дальнейшей дифференциации формируют предельно генерализованные и одновременно специализированные средства коммуникации, наделяя каждую общественно значимую частную систему своим коммуникативным средством. В этой книге мы не можем рассмотреть эту взаимосвязь во всей ее полноте, но вынуждены ограничиться лишь частной

ВВЕДЕНИЕ

задачей — понять феномен власти как символически генерализированное средство коммуникации и проанализировать его в связи с теорией общества в целом.

I. ВЛАСТЬ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Теория средств коммуникации в качестве основания теории власти обладает тем преимуществом, что открывает возможность сравнения власти с коммуникативными средствами иных видов, например с истиной или деньгами. Такая постановка вопроса служит, следовательно, не только прояснению феномена власти, но одновременно и более широкому компаративистскому интересу и обмену теоретическими подходами, существующими в различных областях коммуникативных средств. Отсюда следует, что теория власти включает в себя также, помимо прочего, необходимость обзора форм влияния, рассматриваемых вне рамок ограниченной концепции власти. Такой подход помогает избежать часто наблюдаемой перегруженности понятия власти признаками процесса влияния, понимаемого слишком широко и неопределенно⁴.

В качестве введения я считаю необходимым сделать некоторые общие замечания к теории средств коммуникации⁵.

1. В своих главных составных частях, доставшихся нам от XIX века, общественная теория понимается, с одной стороны, как теория социальной дифференциации на группы и функциональные подсистемы, а с другой — как теория социокультурной эволюции. Оба исходных пункта объединяются в тезисе, согласно которому социокультурная эволюция усиливает дифференциацию. Однако в рамках

этих отношений остаются непроясненными вопросы коммуникации и мотивации, а именно, что заставляет нас принимать и развивать те или иные коммуникации. Отчасти их рассматривают как чисто психологические, целиком зависящие от индивидуальных факты, которые можно не учитывать в макросоциологических исследованиях. Частично же они сводятся к таким специфическим понятиям, как консенсус, легитимность, неформальная организация, массовые коммуникации и тому подобному. Оба эти способа рассмотрения проблемы привели к образованию концепций более низкого порядка и более узких, нежели те, что связаны с понятиями дифференциации и эволюции. Вопросы коммуникации и мотивации, были, таким образом, хотя и не полностью исключены из общественной теории, но уступили в правах другим главным понятиям. Против этого можно было бы, конечно, выступить от имени пресловутого гуманистического интереса и высказать сожаление об утерянной обращенности к человеку, но это не привело бы равным счетом ни к чему, кроме разве что самого протеста, выраженного в неподобающем для него месте⁶.

На устранение этого недостатка и ориентирована попытка сформулировать общую теорию символически генерализированной коммуникации и связать ее как с концепцией общественной дифференциации, так и с высказываниями о механизмах и фазах социокультурной эволюции. При этом следует избегать как обращения к «субъекту» в смысле трансцендентальной философии, так и попыток рассмотрения человека исключительно как органически и психически конкретного индивида. Первый подход был бы для социологической теории слиш-

ком абстрактным, второй — слишком конкретным⁷. Вместо этого мы исходим из более глубокой гипотезы, в соответствии с которой социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации, то есть мы изначально предполагаем, что разнообразные селективные процессы антиципативно или реактивно взаимно определяют друг друга. Социальные системы возникают прежде всего из необходимости селективного согласования. С другой стороны, сама эта необходимость может быть воспринята только в социальных системах. Условия для образования возможности подобной связи являются результатом эволюции и изменяются вместе с ней. Точно так же, как эволюция демонстрирует временной смысловой характер общественной системы, а дифференциация — ее предметный смысловой характер, коммуникация артикулирует социальный смысловой характер.

Коммуникация реализуется только в том случае, если в ней осознается селективность сообщения. Это означает, что оно может быть использовано для селекции состояния собственной системы⁸. Отсюда следует контингентность обеих сторон коммуникации, то есть возможность отклонения коммуникативно передаваемого предложения выбора. Эти возможные отклонения — как возможности — не могут быть элиминированы. Коммуникативный ответ на отклонение и тематизация этого отклонения в рамках социальных систем называются конфликтом. Все социальные системы потенциально конфликтны. Варьируется лишь степень актуализации этого конфликтного потенциала, которая, в свою очередь, зависит от степени дифференциации систем и общественной эволюции.

В этих конститутивных условиях выбор между «да» и «нет» не может управляться лишь с помощью языка, поскольку последний содержит в себе обе возможности. Этот выбор не может быть также и делом случая. Поэтому в каждом обществе помимо языка формируются еще и дополнительные учреждения, которые обеспечивают возможности селекции в требуемом объеме. Потребность в этих учреждениях возрастает, а их форма изменяется в ходе эволюции общественной системы. В простых обществах эта функция выполняется преимущественно благодаря «конструкциям реальности», которые являются общими для жизненного мира образующих эти общества индивидов. Эти конструкции, лежащие в основе всех процессов коммуникации, являются в простых обществах чем-то само собой разумеющимся⁹. Язык в основном и служит для удостоверения подобных само собой разумеющихся естественных оснований. Его потенциалы информации и отрицания в данном случае достаточны¹⁰. Лишь в более развитых обществах формируется потребность в функциональной дифференциации как языкового кода в целом, так и в особенности таких символически генерализованных коммуникативных средств, как власть или истина, которые специально обуславливают и регулируют мотивацию принятия селективных предложений. Благодаря этой дифференциации в обществе могут взаимно усиливаться и потенциалы конфликта, и потенциалы консенсуса. Все более расширяется спектр эволюционных механизмов вариации и отбора доказавших свою пригодность, социально успешных, наследуемых селекций, что ускоряет социокультурную эволюцию, поскольку теперь уве-

ВЛАСТЬ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

личивается возможность выбора на основе более специфических точек зрения.

Историческим импульсом для возникновения особых символизированных средств коммуникации, видимо, стало изобретение и распространение письменности, которая необъятно расширила коммуникативный потенциал общества и вывела его за пределы интеракции непосредственно присутствующих, а значит, и из-под контроля конкретных систем интеракции¹¹. Без письменности было бы невозможно выстраивать комплексные цепи власти внутри политико-административной бюрократии, не говоря уже о демократическом контроле над политической властью. Остракизм предполагает письменность. То же самое важно и для дискурсивного развития и письменного обеспечения более комплексных связей, ориентирующихся на код истины¹². Сортирующая функция логически схематизированного кода истины становится необходимой лишь в том случае, если она применяется к письменно формулируемой системе идей. Но также и моральная генерализация особых кодов (*Sonder-Code*), использовавшихся в ситуации дружбы-любви (*philia, amicitia*) в греческом полисе, стала реакцией на городскую письменную культуру, компенсацией уменьшившейся плотности интеракций между непосредственно присутствующими (*philoi*). Эта зависимость от письменности становится еще более очевидной в отношении кода денег. Лишь двойное кодирование языка письменностью смогло избавить общественный коммуникативный процесс от его обусловленности социальными ситуациями и само собой разумеющимися реалиями в такой значительной степени, что

для мотивации принятия коммуникаций теперь должны были формироваться специальные коды, которые также обуславливают ведущие к успеху замыслы и притязания.

2. На основании вышесказанного под коммуникативными средствами должна пониматься некая дополняющая язык инстанция, а именно код генерализированных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции. В дополнение к языку, который в нормальных обстоятельствах обеспечивает интерессубъективную понятность, то есть распознавание как селекции того, что реализовано в качестве такой селекции кем-то другим, коммуникативные средства обладают, следовательно, еще и функцией мотивации, поскольку они способствуют принятию чужих селективных достижений и, в нормальных обстоятельствах, делают это принятие желанным. Поэтому коммуникативные средства всегда могут образоваться там, где *способ отбора, осуществляемого одним из партнеров, одновременно служит для другого мотивационной структурой*. Тогда символы этого единства селекции и мотивации берут на себя функцию посредника и проясняют связь обеих сторон, которая, будучи связью предвосхищаемой, может, в свою очередь, усиливать селективность и дополнительно ее мотивировать.

Эта концепция коммуникативных средств содержит в себе ряд условий и предположений, приложимых в том числе и к теории власти и задающих ей определенное направление.

Первое важнейшее условие состоит в том, что управляемые этими средствами коммуникативные процессы связывают партнеров, *каждый* из кото-

рых реализует свои *собственные* селективные достижения и знает о том, что то же самое делает и другой¹³. Назовем этих партнеров «Эго» и «Альтер». Все коммуникативные средства предполагают социальные ситуации, характеризуемые наличием возможностей выбора со стороны каждого из участников, то есть ситуации с обоюдно контингентной селективностью. Именно это и обеспечивает им их функцию — управлять процессами трансляции селекций во всей их селективности от Альтера к Эго. С этой точки зрения исходная проблема всех символически генерализированных средств коммуникации — одна и та же, и применительно к власти она формулируется точно так же, как и в отношении любви или истины. В каждом случае оказывающая влияние коммуникация ориентируется на партнера, который должен руководствоваться ею при осуществлении своих селекций¹⁴.

Трансляция результатов отбора означает поэтому в строгом смысле слова *воспроизводство* селективных достижений в упрощенных, абстрагированных от исходных констелляций условиях. Для подобного упрощения и абстрагирования требуются символы, которые замещают конкретное начало, исходный контекст цепи селекций. Поэтому коммуникативные средства в целях общей ориентации развивают символически генерализированные коды. Каждая последующая фаза процесса остается поэтому селекцией в той же мере, что и предыдущая. Средства коммуникации комбинируют тем самым общность ориентаций и не-идентичность селекций. Власть как коммуникативное средство функционирует также лишь при этом основном условии¹⁵. Она упорядочивает социальные ситуации своей обоюдо-

направленной селективностью. Кроме того, необходимо различать селективность Эго и селективность Альтера, так как относительно каждой из них в случае с властью возникают совершенно различные проблемы.

Фундаментальное условие всякой власти состоит поэтому в том, что в отношении селекции, осуществляемой властью имущим Альтером, возникает некоторая *неопределенность*¹⁶. Альтер всегда выбирает — безразлично на каком основании — из нескольких альтернатив. При совершении своего выбора он может *поселить* в своем партнере неуверенность либо *устранить* ее. Этот постоянный переход от производства неопределенности к ее устранению является основной предпосылкой существования власти, условием, которое образует пространство генерализации и спецификации особого коммуникативного средства, а отнюдь не представляет собой чего-то вроде особого источника власти наравне с другими.

Также и по отношению к Эго, подчиненному чужой власти, эта власть предполагает открытость другим возможностям действия. Власть предлагает результаты предпринятого ею отбора и благодаря этому обладает способностью оказывать влияние на селекцию действий (или бездействия) подчиненных перед лицом других возможностей. Власть становится более могущественной, если она оказывается способной добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия. С увеличением свобод подчиненных она лишь усиливается.

Власть поэтому следует отличать от *принуждения* к какому-либо конкретному действию. У того, кто

подвергается принуждению, возможности выбора сводятся к нулю. В своем крайнем варианте принуждение сводится к применению физического насилия и тем самым подмене собственными действиями действий других людей, которые власть не в состоянии вызвать¹⁷. По мере усвоения функций принуждения власть утрачивает свою функцию наведения мостов между полюсами двойной контингенции. Принуждение означает отказ от преимуществ символической генерализации, отказ от того, чтобы управлять *селективностью* партнера. По мере осуществления принуждения практикующий его возлагает на себя бремя селекции и принятия решений. В большинстве случаев можно говорить о том, что к насилию прибегают ввиду недостатка власти. Редукция комплексности не распределяется пропорционально между властью и подданными, но целиком отходит в сферу компетенции власти. Имеет ли это смысл, зависит от того, насколько комплексными и изменчивыми являются ситуации, в которых следует принимать решение о том, как надо действовать.

Лишь в самых простых системах использование принуждения может быть централизованным. Более комплексные системы способны централизовать лишь решения об использовании принуждения (или всего лишь решения, создающие предпосылки решения принять решение). Это означает, что для того, чтобы сделать принуждение возможным, в этих системах уже должна существовать особым образом сформированная власть. Введенное Максом Вебером понятие «орган принуждения» характеризует именно такое положение дел.

Уже эти простые исходные соображения показы-

вают, что более точное определение, операционализация и измерение конкретных отношений власти становится чрезвычайно сложным предприятием. Необходимо в отношении *обеих* сторон (при образовании цепей решений — в отношении *всех* участников) установить такую единицу измерения, которая бы учитывала *многомерный характер* всего комплекса возможностей, из которых обе стороны могли бы выбирать то или иное действие¹⁸. Власть того, кто ею обладает, усиливается, если он может выбирать большее количество разнообразных решений для ее реализации. Если же власть имущий в состоянии осуществлять власть в отношении своего партнера, который, в свою очередь, также обладает огромным числом разнообразных альтернатив, его власть становится еще больше. Власть усиливается по мере увеличения степени свободы *обеих* сторон, например, она возрастает в каком-либо обществе по мере увеличения в этом обществе возможных альтернатив.

Этим мы обозначаем не только научные и методические проблемы¹⁹. Данное усложнение приводит к тому, что общество оказывается перед необходимостью развивать *субституты для точного сравнения властных уровней* и что эти субституты сами становятся фактором власти. В качестве таких субститутотв в одном случае могут служить иерархии, которые постулируют асимметричное распределение власти. Предполагается, что начальствующий имеет больше власти, чем его подчиненный (хотя в бюрократических организациях нормальным представляется как раз обратный случай)²⁰. Другим субститутотом может выступать история системы. Речь в данном случае идет о прецедентах успешного раз-

решения конфликтных ситуаций, которые откладываются в памяти, превращаются в нормы, генерализируются как ожидания. С этой функцией в качестве основания для сравнения тесно связана символическая взрывоопасность проблем статуса или отдельных событий, которые слишком отчетливо высвечивают действительное положение власти. В-третьих, важные субститутивные возможности заключаются в договоробразных регуляциях, посредством которых облеченный более высокой властью партнер устанавливает свои отношения с теми, кто избегает власти или ведет себя по отношению к ней нелояльно²¹. Во всех этих случаях прямое коммуникативное обращение к власти заменяется обращением к символам, накладывающим на обе стороны нормативные обязательства и одновременно принимающим в расчет подразумеваемый перепад между властными уровнями.

Все рассмотренные варианты представляют собой функциональные эквиваленты измерения власти и ее тестирования, являющиеся предпосылками принятия решений в общественной реальности. Институциональное закрепление и возможность применения таких субститутов делают ненужным точное определение меры власти, да к тому же любые попытки подобного рода являются слишком проблематичными. В качестве следствия из данного положения можно указать на то, что наука, если ей удастся точно измерить пределы власти, изменит социальную действительность, а именно разрушит субституты, то есть разоблачит их ложные предположения. Однако более вероятным представляется то, что она разовьет собственные субституты измерения власти, которые в других сферах общества

станут рассматриваться лишь в качестве научной системы идей.

3. Функция средств коммуникации заключается в трансляции редуцированной комплексности. Селекция Альтера, вследствие того, что она допускает коммуникацию в определенных, узко задаваемых условиях, ограничивает возможности селекции Эго. От общих интерференций и взаимно создаваемых препятствий (когда, например, Альтер слушает радио и тем самым мешает спать Эго) зависимости, циркулирующие в сфере средств коммуникации, отличаются тем, что они предполагают некий процесс коммуникации, условия которого могут задаваться посредством символов. Поэтому они оформляются культурой, изменяются в ходе эволюции и оказываются совместимыми с большим количеством системных состояний.

При рассмотрении власти нас также в первую очередь интересует эта трансляция результатов селекции, а не конкретное влияние тех или иных определенных воздействий. Власть предполагает не только пограничные случаи, когда Альтер предписывает Эго конкретные действия, например, ставит его в узкие рамки своим приказанием завернуть данный винт как можно сильнее. Более типологически точно и всеобъемлюще было бы определить власть — подобно любому другому коммуникативному средству — как ограничение пространства селекций партнера²². Теоретическое представление о каузальности²³ не должно в данном случае отрицаться; оно лишь абстрагируется. Это представление характеризует отнюдь не инвариантную смычку конкретных состояний мира, то есть тех или иных форм проявления власти и поведения. Оно

также ограничивает действенность власти не в том смысле, что поведение Эго вне его определяемой властью коммуникации протекало бы по-иному²⁴. В связи с этим было бы неправомерно полагать, что готовое волевое решение, которое впоследствии не удастся реализовать, реально наличествует всегда (и может быть эмпирически зафиксировано). Фактически различия во властных уровнях и возможность предвосхитить решения власти делают наличие воли у подчиненного вообще бессмысленным. Функция власти состоит как раз именно в том, что власть устанавливает возможные сцепления событий абсолютно независимо от воли подчиненного этой власти человека, совершающего те или иные действия, желает он этого или нет. Каузальность власти заключается в нейтрализации воли подчиненного, а вовсе не обязательно в ее сломе. Она затрагивает этого подчиненного даже и в том случае, когда он хочет действовать заодно с властью, а потом понимает, что он должен поступать по-другому. Функция власти состоит в регулировании контингенции. Как любой другой медийный код, код власти также имеет отношение к возможным (!), а не обязательно действительным, расхождениям между результатами селекций Альтера и результатами селекции Эго, а именно — он их «эгализирует».

Поэтому описание власти того, кто ею обладает, не исчерпывается определением власти имущего в качестве причины либо в качестве потенциальной причины. Скорее, власть можно сравнить с комплексной функцией катализатора. Катализаторы ускоряют (либо замедляют) ход тех или иных событий. Они изменяют время либо вероятность событий, ожидаемых в рамках случайных отношениях

между системой и внешним миром, сами при этом не меняясь. Таким образом, они производят выигрыш во времени — фактор, который для структуры комплексных систем всегда оказывается критическим. При этом, если прибегнуть к кантовскому понятию схематизма, катализаторы имеют более универсальный характер, чем соответствующие продукты, в производстве которых они участвуют. Катализаторы в ходе катализа не изменяются либо изменяются не в такой степени, в какой ускоряемый (либо замедляемый) ими процесс способствует или препятствует образованию того или иного.

Если постоянно держать в уме, что, говоря о власти, мы имеем в виду реальную структуру (а не только аналитическую связь)²⁵, то можно сформулировать, что власть представляет собой шанс повысить вероятность возникновения прежде невероятных селективных связей²⁶. Реально существующим вероятностям внутренне свойственна тенденция самоусиления: если известно, что нечто является вероятным, то с наступлением события будут считаться скорее, чем с его ненаступлением, и чем выше его релевантность, тем ниже тот порог, который приводит процесс реализации в движение. Однако сказанное касается также, как это известно каждому водителю, и событий невероятных. Следовательно, возникает необходимость в некоем предварительном решении относительно того, будет ли какое-либо событие, статус которого пока еще не определен, рассматриваться как весьма (довольно, мало) вероятное либо как мало (довольно, абсолютно) невероятное. При этом некоторую роль могут также играть и чисто психологические закономерности²⁷. Отсюда следует, что на процесс принятия данного

ВЛАСТЬ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

предварительного решения всегда оказывают влияние социальные ситуативные дефиниции, а также то, что в данном случае воспринимается в качестве вероятного либо невероятного. А, кроме того, сами социальные ситуативные дефиниции могут, со своей стороны, посредством символически генерализированных средств коммуникации приобретать соответствующую модальность.

На основании вышесказанного каталитическая функция власти основывается на уже ставших очень комплексными каузальных связях. Именно поэтому власть может быть понята только как символически *генерализированное* коммуникативное средство. Посредством абстрагирования в направлении символически контролируемых селективных связей достигается то, что власть перестает рассматриваться как зависимая лишь от непосредственно осуществляемого воздействия власть имущего на того, кто этой власти подчинен²⁸. В центре внимания оказывается коммуникация вообще, то есть то, что подданный любыми обходными путями так или иначе знает о селективности (а не только о существовании!)²⁹ прошлых или будущих властных действий руководителей. Функция генерализации такого коммуникативного средства, как власть, заключается именно в том, чтобы делать возможными подобные обходные пути, не уничтожая при этом возможность идентификации кода власти и коммуникативных тем.

4. Для всех средств коммуникации типично то, что в основе их дифференциации лежат *особые интеракционные констелляции* и осуществляемые в их рамках специфические постановки проблем. Средства коммуникации лишь там выделяются из

ВЛАСТЬ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

само собой понимаемых реалий совместной жизни, где властное влияние осуществляется контингентно и вследствие этого представляется прежде всего и по преимуществу невероятным. Лишь в том случае, когда количество благ оказывается ограниченным, вмешательство одного действующего лица становится проблемой для другого, и именно эта ситуация регулируется затем с помощью коммуникативного средства, переводящего селекцию действий одного партнера в соперничество другого и делающего его, таким образом, более приемлемым для последнего³⁰. В горизонте подобного дефицита благ властное влияние испытывает затруднения особого рода, так что в результате для разрешения этой особенной ситуации может образоваться специфически генерализированное средство коммуникации, которое делает возможным трансляцию редуцированной комплексности именно для данного, а не для какого-либо другого случая. Аналогичным образом возникает и истина. И здесь в рамках всеобщих и само собой разумеющихся реалий жизненного мира и объектов веры прежде чем функционально реализовать критерии проверки и выработать особенный код, регулирующий установление истинного и неистинного, сначала приходят к информации, в которую трудно поверить. Истина — это преодоленное сомнение. Причиной же разрешения сомнения может быть не только простое разочарование в когнитивных ожиданиях, но также и чрезвычайно абстрагированные возможности по разрешению проблем, свойственные тем или иным когнитивным инструментам.

Для образования коммуникативного средства власти также требуется такая фокусировка, прорыв

сквозь возросшую контингенцию. Не каждое действие, которое предполагается совершить, обязательно становится проблематичным. Так, человек не дает упасть предмету, который ему передают, уверенно принимает его и крепко держит в своих руках. Но в особых случаях, если планирующий ограничивается, так сказать, одним планированием и в своих собственных действиях специализируется на том, чтобы предписывать другим их действия, то конкретный контекст перестает содержать в себе трансляцию селекции. Вместе с контингентностью селекции возрастает и соблазн отрицания. Тогда трансляция результатов отбора реализуется только при наличии определенных предпосылок; реконструирует же и институционализирует эти предпосылки код власти. Лишь посредством символически генерализованного средства коммуникации они превращаются в основание надежных ожиданий.

Довольно трудно втиснуть это проблемное соотношение в одно единственное определение, которое бы однозначно формулировало, что является властью, а что ею не является. Однако данное проблемное соотношение генерирует связи, которые вполне можно описать. Можно сказать, что чем сильнее выражена контингентность влияния, распознаваемого как действие, которое в своей собственной селективности специализируется на том, чтобы вызывать к жизни чужие действия, тем труднее подвести под нее естественно-ситуативную основу конгруэнтности интересов, тем проблематичнее становится мотивация и тем необходимее делается код, регулирующий условия трансляции селективности и приписывание соответствующих мотивов. Этот подход, осно-

ванный на положении о соотношениях интеракций, может быть впоследствии также применен и к теории общественной эволюции с помощью тезиса, согласно которому при возрастающей общественной дифференциации увеличивается количество ситуаций, в которых, несмотря на высокий уровень контингенции и специализации, должны осуществляться трансляции селекций, обеспечивающие сохранение достигнутого уровня развития. В важных функциональных областях ситуативная конгруэнтность интересов уже не может быть частой и настолько специализированной, чтобы можно было обойтись только ею одной. И тогда развитие ориентированного на решение этой проблемы особого кода власти становится краеугольным камнем дальнейшей эволюции.

Данная аргументация имеет свои параллели также и в других сферах коммуникативных средств, получая благодаря этому обстоятельству дополнительное обоснование. Начиная с известной стадии развития повседневная коммуникация содержит в себе такое обилие информации, что истина превращается в проблему, а многообразие благ оказывается настолько большим, что ввиду ограниченности распределительных возможностей имеет смысл сделать их свободными для контингентного доступа. Можно развить эту мысль далее: любовь как особое средство коммуникации превращается в необходимость лишь тогда, когда эмоции и мировоззрение партнера становятся столь сильно индивидуализированными, иначе говоря, контингентными, что в них уже нельзя более быть уверенными и, следовательно, любить просто в соответствии с существующими культурными предписаниями. Искусство как

средство коммуникации также зависит от возрастания контингенции, а именно от контингенции публично создаваемых, однако более не зависимых от конкретного целевого контекста жизненного мира произведений. Таким образом, мы обозначили специализированные проблемы интеракции, а именно варианты проблемы трансляции селекций, а заодно описали различные эволюционные состояния общественной системы.

5. Возможно, наиболее важное новшество теории средств коммуникации в сравнении со старыми теориям власти состоит том, что она понимает феномен власти на основе различия между кодом и процессом коммуникации и поэтому не склонна приписывать власть как некое качество или способность никому из партеров властных отношений³¹. Власть «есть» управляемая кодом коммуникация. Приписывание власти тому, кто ею обладает, регулируется данным кодом с такими далеко идущими последствиями, которые требуют усиления мотивов подчинения ей, ответственности, институционализации, обращения к ней с требованиями перемен и т. п. И хотя в рамках властных отношений действуют *обе* стороны, ответственность за все происходящее приписывается лишь *одному* власти имущему³². Научному анализу не следует раздраженно реагировать на эти правила приписывания, столь характерные для самого предмета науки о власти. Данные правила отнюдь не действуют в том смысле, что власть имущий является для реализации власти более важной, «причинной» фигурой, нежели подчиненный³³. Кроме того, сами правила приписывания медийных кодов могут оказаться возможным предметом научного анализа³⁴. Можно также задаться

вопросом об их функциях. А для этого прежде всего должен быть путем абстрагирования получен аналитический инструментарий, который поможет предварительному определению особенностей данного приписывания. Все это требует более последовательного и полного вычленения научной системы из рамок системы общественной, в нашем случае — кардинальной дифференциации науки и политики.

О различии между генерализированным кодом и селективным процессом коммуникации мы будем далее постоянно говорить в нашем исследовании. Символическая генерализация кода, в соответствии с которым могут формироваться ожидания, представляет собой условие для вычленения власти как специализированного средства, ориентированного на разрешение определенных проблемных ситуаций, способствующего достижению известных результатов и подчиняющегося определенным условиям. В генерализированном медийном коде кроются истоки всех достижений общественной эволюции. С этой точки зрения власть приобретает исключительное значение для теории общества. Не следует оставлять без внимания и тот момент, что теории организации или теории интеракции могут работать и с упрощенными концепциями власти, скажем, с такими, которые включают в понятие власти статусные различия либо характерные для власти более высокие информативные и калькуляционные возможности. Однако в рамках столь узких предпосылок все-таки невозможно судить о значении власти для общества в целом.

6. Среди обширной и получившей большой резонанс критики трудов Парсонса вообще и его теории власти в частности особенно выделяется Элвин Го-

улднер, выражающий свое удивление по поводу того, что Парсонс, рассматривая власть как символически генерализированное средство, столь явно отождествляет ее с легитимной властью, *establishment power*, и считает такое отождествление общественно нормальным случаем³⁵. Такая трактовка власти как в общем, так и в отдельных своих формулировках рассматривается Гоулднером как морально и интеллектуально абсурдная, утопическая и вводящая в заблуждение, особенно если учитывать жестокость и своекорыстие власть предержащих. Удивление этого социолога должно было бы, в свою очередь, удивить других социологов, особенно если учесть, что оно сформулировано в рамках социологии социологии. Конечно, не может быть оспорено, что социология может и должна интересоваться феноменами жестокого и своекорыстного применения власти. Но подобный интерес все-таки не должен перерасти в предрассудок, встраивающийся в описывающие общественную реальность понятия и теории.

Достижением теории Парсонса стало то, что предрассудки социологии как кризисной и оппозиционной науки она заменила на относительно автономную (и при этом допускающую критику по отношению к самой себе) понятийную архитектонику. Как бы ни судили об адекватности этого инструментария, нельзя оспаривать тот факт, что институционализация утвердившейся легитимной власти является феноменом гораздо большего общественного значения, нежели жестокость и своекорыстие власть имущих. Повседневную жизнь общества в несравненно большей степени определяет его обращенность к нормализованной власти, а именно к

власти правовой, нежели жестокость и своекорыстие применения власти. Регионально ограниченные исключения как нельзя лучше высвечивают такое положение дел³⁶. Что касается насилия, то более частым случаем является насилие легитимное. Поэтому нельзя просто отказаться от его рассмотрения, не нарушив и не деформировав целостность нормальной общественной жизни. Жестокость и своекорыстие представляют собой эксцессы, совместимые со многими общественными состояниями до тех пор, покуда доминирующая институциональная власть не будет погребена под их тяжестью. Подобная аргументация, как это хорошо известно из истории всяческих «теодицей» и планов «всеобщего благоденствия», естественно, не оправдывает ни одного акта жестокости и не может служить основанием для терпимости или смирения. И все же проблема эгоизма власти как исторически, так и теоретически является вторичной проблемой. Она уже предполагает наличие бинарной схематизации, дифференцирующей должностное и реальное положение дел, право и беззаконие, конформистское и девиантное поведение.

По мере разработки теории символически генерализированных средств коммуникации мы стремимся обнаружить истоки подобных контраверз. Конституционные условия дихотомизации «господствующего порядка» и его «критики» являются элементами этой теории. Они затрагивают такого рода дизъюнкции, как элементы коммуникативных кодов, и ставят вопрос об их генетических условиях, функциях, следствиях, дополнительных установлениях и шансах развития. Такая теория по примеру Гоулднера может быть впоследствии также охарак-

ВЛАСТЬ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

теризована как моральная или консервативная, если ей будет вменено в вину, что она подтверждает обнаруженные ею в интересующем ее предмете признаки. И в самом деле, она будет консервативной в том смысле, что хотела бы сохранить и держать открытым возможность выбора между «за» или «против» в отношении того или иного способа выражения власти.

II. ОТНОШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

Власть отличается от других коммуникативных средств тем, что ее код требует от партнеров, то есть от *обеих* сторон коммуникативного отношения, чтобы те редуцировали комплексность *действий*, а не переживаниями. Такое противопоставление действия и переживания, неразрывно переплетенных в человеческой жизни, представляется чем-то искусственным³⁷. Все это бесспорно, однако не стоит упрекать теорию. Искусственный характер механизма, специально отвечающего за формирование цепей действий, является не плодом аналитического искусства научной абстракции, но результатом абстрагирования, осуществленного самим обществом, требованием эволюционно продвинувшихся общественных систем. Теория власти, разработанная в виде теории особых символически генерализированных средств коммуникации, должна уметь объяснить, как в общественной жизни вообще возможна подобная специализация при трансляции редуцированных действий и какие проблемы отсюда вытекают. Точно такая же проблема — словно в зеркальном отражении — встает и для теории истины, которой следовало бы объяснить, как возможна специализация при трансляции редуцированных переживаний без того, чтобы интерференция действий и деятельных предпочтений участников не искажала бы при этом реального положения дел.

1. О действиях мы будем говорить тогда и только

тогда, когда селективное поведение относится к самой системе (а не к внешнему по отношению к ней миру)³⁸. Это приписывание системе связано с самой природой селекции; одновременно оно предоставляет возможность объяснить чудо редукции. За подобным приписыванием — будь то в виде переживания или действия — могут стоять и часто действительно стоят определенные разногласия. Однако прояснение данного вопроса — по крайней мере, для проблемных ситуаций — представляет также общественный интерес. От того, приписывается ли действие внешнему миру или системе, зависит, *ожидается ли от остальных общественных систем точно такая же селекция или же они вольны осуществлять селекции иного рода*. Переживания должны быть одинаковыми, действовать же можно по-разному. Это различие ставит вопрос о том, должна ли свобода при совершении действий иного вида быть снова ограниченной — моральными заповедями, правом или властью. В отношении же переживания эти формы ограничения контингенции не имели бы никакого смысла. Оплошности в переживании понимаются как заблуждения, и если они вообще санкционируются, то происходит это иначе³⁹. Действия, напротив, подлежат особому социальному контролю, который формируется одновременно с появлением возможности осуществить эти действия. Высокий риск возможных действий очевиден. Помимо прочего на это указывают бóльшая по сравнению с переживанием легкость в отрицании деятельных интенций и возникающие в связи с этим сложности, связанные с рассмотрением проблемы отрицания в нормативной теории или даже нормативной логике действия.

ОТНОШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

Категоризация селекции как действия должна поэтому приобретать статус механизма, избавляющего системы от опасности уравнивания и делающего возможным дифференцирование. И поскольку данный механизм не может функционировать без ограничений, действие тем самым ставится в определенные рамки и как бы приручается. Социальные условия возможности совершать действия и специализация относящихся к ним механизмов контроля обнаруживают свою изначальную функцию в создании некоего обходного пути для производства более высокой общественной комплексности, а именно в производстве и ограничении возможности неоднородных селекций в интерсубъективно конституированном смысловом мире.

Вслед за интересами приписывания и этикетирования *следуют* интересы категоризации, предполагающие и проясняющие ситуацию действия и, следовательно, упорядочивающие *переживание* собственного либо чужого *действия*. Сюда же относится и понятие воли (в отличие от понятия разума), постигающее контингенцию акта селекции как *свободу* (в отличие от случайности) и в новейшее время связанное, прежде всего, с приписыванием мотивов⁴⁰ и *намерений*⁴¹. Свободная воля представляет собой староевропейский, а мотивированность — новоевропейский атрибут действия. Однако в любом случае и то, и другое не является первичным фактором и уж точно — не «причиной»⁴² действия, но представляет собой приписывание, делающее возможным социально прозрачное переживание действия. Мотивы — это не побуждения к действию, но, скорее, требования понятного переживания действия. На уровне приписывания мотивов соци-

альный порядок и интеграция выражены поэтому сильнее, чем на уровне самого действия. Понимание мотивов помогает, однако, задним числом осознать, являлось ли данное событие вообще действием или нет⁴³.

Вследствие вышесказанного, функция коммуникативного средства власти описана пока еще недостаточно, так как считается, что речь в данном случае идет исключительно о принуждении подчиненного с целью заставить его принять те или иные исходящие от власти предписания. Между тем и самого власть имущего требуется порой принуждать к исполнению своих властных функций, и здесь во многих случаях возникают значительные трудности. Разве не свойственно ему, обладающему сомнительной независимостью, стремление отойти от дел и позволить вещам идти своим чередом? Мотивация того, кто транслирует селективные достижения, образуется и приписывается лишь в ходе коммуникативного процесса. Именно власть имущему, хочет он того или нет, приписываются — в силу того, что он обладает властью, — все успехи и неудачи и навязываются соответствующие этому мотивы действий. Власть, следовательно, отнюдь не инструментализирует изначально наличную волю. Эту волю она сначала производит, а затем может ее обуздать и приручать, заставляя сглаживать риски и неуверенности, может даже вводить ее в искушение и приводить к крушениям. Генерализированные символы кода, должностные задачи и инсигнии, идеологии и условия легитимации служат более четкой артикуляции воли. Но только лишь сам процесс коммуникации устанавливает связь между исполнением власти и ее мотивами.

2. На этом фоне следует понять, как происходит специализация средства, обеспечивающего переход от одних селекций действия к другим и предполагающего наличие *обоих* партнеров как системы, в рамках которой их селекции приписываются им в виде действий. От подчиненного власти ожидают, что он выбирает свое собственное действие и благодаря этому приобретает возможность собственного самоопределения. Именно поэтому по отношению к подчиненному могут быть применены такие властные средства воздействия, как, например, угрозы, позволяющие управлять им в осуществляемом им самостоятельно акте выбора. Кроме того, власть имущий не только претендует на то, чтобы быть истиной; он также притязает на то, чтобы действовать в соответствии со своей собственной волей. Тем самым в отношении *обоих* постулируется возможность исчисляемой, «локализуемой» дивергенции. Трансляция редуцированной комплексности может состояться лишь в том случае, если действия Альтера соопределяют селекцию действий Эго. Успех властного порядка состоит в росте дифференцированности селекций и ситуаций, между которыми можно наводить мосты.

Помимо этого необходимым является также *обходной путь отрицания*, устанавливающий известные требования к коду власти. Если власть должна обеспечить комбинацию *выбранных* альтернатив и задействовать при этом и другие возможности, то вероятность такой комбинации может быть гарантирована лишь посредством параллельно протекающей координации *исключения* альтернатив. Власть предполагает, что *оба* партнера видят альтернативы, реализации которых они хотели бы из-

бежать. У обеих сторон должно, следовательно, иметься в распоряжении не просто множество возможностей, но порядок предпочтений, которые необходимо схематизировать под углом зрения преимущественно позитивных и преимущественно негативных оценок и представить в ясном виде противоположной стороне⁴⁴. На основании этой предпосылки обе стороны способны производить *гипотетическую комбинацию* альтернатив избежания. В простейших случаях это осуществляется посредством угрозы санкций, которых и сам власть имущий предпочел бы избежать: «Если ты этого не сделаешь, я тебя ударю!» Но этого мало. Власть может быть реализована только в том случае, если отношение участников к тем или иным альтернативам избежания структурируется ими *по-разному*, например, когда подчиненный стремится избежать своих альтернатив (в данном случае — физической борьбы) в большей степени, чем тот, кто имеет над ним власть. Но даже и эта взаимосвязь между отношениями сторон по поводу альтернатив избежания остается для них познаваемой. Если говорить коротко, код власти должен обеспечивать относительность подобных отношений. При этом условии *создается возможность кондиционального связывания комбинаций избежания с менее негативно оцениваемой комбинацией других альтернатив*. Это связывание мотивирует трансляцию селекций действия от власть имущего к тому, кто подчинен этой власти.

Помимо этого, данное связывание наделяет властью того, кто способен принять решение о том, будет ли осуществлено такое кондициональное связывание комбинаций тех или иных возможностей или

нет⁴⁵. Власть, следовательно, покоится на том, что существуют возможности, реализации которых стараются *избежать*. Избежание (возможных и остающихся возможными) санкций для *функционирования* власти *необходимо*⁴⁶. Каждое фактическое обращение к альтернативам избежания, скажем, каждое насильственное действие, изменяет структуру коммуникации почти необратимым образом. Власть заинтересована в том, чтобы избегать подобного развития событий. Тем самым она изначально структурно надстроена (и не только правовым путем!) над инстанциями, контролирующими исключения из общего порядка. Когда власть вынуждают обращаться к альтернативам избежания, она разрушается⁴⁷. Помимо прочего, из этого следует, что общества, обладающие высокой степенью сложности и нуждающиеся поэтому в гораздо большем объеме власти, нежели более простые общества, существенно изменяют пропорцию между исполнением власти и применением санкций, обходясь все меньшей, почти незаметной долей фактической реализации альтернатив избежания⁴⁸.

В случае отношений между негативными и позитивными санкциями сформулированные положения требуют дальнейшего прояснения. Несмотря на свою логическую симметрию, негативные и позитивные санкции различаются в своих предпосылках и следствиях⁴⁹ столь существенно, что дифференциация и спецификация коммуникативных средств не может пройти мимо этого различия. Любовь, деньги и убеждения не могут классифицироваться в ценностном консенсусе в виде проявлений власти. Поэтому здесь мы ограничиваем понятие власти теми случаями, которые подразумеваются под понятием

ОТНОШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

негативных санкций (требующим, правда, в свою очередь дополнительных разъяснений)⁵⁰. Власть применяется лишь в том случае, если по отношению к данным ожиданиям конструируется более *неблагоприятная* комбинация альтернатив. Различие между благоприятным и неблагоприятным зависит от ожиданий и, следовательно, зависит от момента⁵¹. Изначальное положение дел вполне может опираться на позитивные достижения власть имущего, скажем, на обещание защиты, заверение в любви, посулы денежных выплат. Однако, во власть они могут трансформироваться лишь в том случае, если от поведения подчиненного оказывается зависимым не только существование изначальной ситуации, но также и ее устранение посредством определенных действий. Государственные субвенции, связанные с выполнением обязательств, как таковые являются выражением власти в такой же незначительной степени, что и обыкновенная покупка. Они становятся базисом власти лишь в том случае, когда появляется поведение, не предусмотренное программой субвенций (например, воздержание от критических высказываний в адрес правительства), грозя поставить крест на всех планах власти. Различие состоит в том, что на основании имевшего место в прошлом кондиционирования позитивных результатов подчиненный может рассчитывать на то, что при дополнительном кондиционировании в ситуации угрозы лишения старых субвенций им уже сформированы ожидания, помогающие избежать этой ситуации: он уже утвердился в нужном для властей направлении, а потому заслуживает большей поддержки с их стороны. Поэтому, с одной стороны, различаются легитимационные потребности пози-

тивных и негативных санкций. С другой стороны, именно путь трансформации позитивных достижений в негативные санкции может открывать власть имущему источники мотивов и шансы воздействовать на подчиненного, которые в противном случае были бы для него недостижимы. Власть, сформированная на основе организации, широко использует этот обходной путь.

После того, как мы это прояснили, вернемся к главной теме. Под воздействием столь сложно выстроенных, опосредуемых отрицаниями медийных структур, специально вырабатывающих и форсирующих селективность поведения *обоих* партнеров, действие превращается в *решение*, то есть в осознанный селективный выбор. Эволюционная невероятность подобного дифференцированного, символически генерализированного кода отражается в процессуальной плоскости ожидаемых решений, которые могут сделаться неудобными как для подчиненного, так и для самого власть имущего. Поэтому не следует удивляться, когда в наиболее комплексных полях селекции оказывается, что важнейшими проблемами власти являются, в конечном счете, трудности в принятии решений.

3. Базисная структура коммуникативного средства «власть», то есть — к сожалению, это невозможно сформулировать проще — инверсионно кондиционализированная комбинация относительно негативно и относительно позитивно оцененных комбинаций альтернатив лежит в основе того, что власть проявляется в виде *возможности* (потенции, шанса, диспозиции) и *действует* именно *в этом качестве*⁵². На этой основе осуществляется процесс *модализации* коммуникативных интеракций под

ОТНОШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

углом зрения власти. В коммуникациях на предметные темы принимается во внимание то, что власть обладает лишь одной стороной возможности самообразования. Однако благодаря возможности генерализации власть уравнивается по отношению к своим контекстам и в известном объеме становится независимой от ситуативно и фрагментарно данной действительности. Проекция возможного, как сформулировал Нельсон Гудман⁵³, позволяет заполнить пробелы действительного мира.

Из подобного рода модализации вытекает одна типичная проблема, давно занимающая науку как с теоретической, так и с методологической точек зрения⁵⁴. Благодаря модализации возможностей возникает слишком много. Власть, представляющая собой постоянную возможность и в качестве способности или свойства приписываемая власти имущему, не может тем не менее применяться непрерывно и, прежде всего, в отношении всех людей и всех тем властного поля. Ожидание, что власть следует употреблять везде, где это возможно, не только чересчур обременяет власть имущего, но и — как предписание кода власти — препятствует аккумуляции значимых властных проявлений. Властитель должен относиться к своей власти селективно. Ему следует всякий раз задумываться о том, в какой именно мере необходимо в том или ином случае его вмешательство. Он должен научиться самодисциплине. Принимая вынужденные решения, носителю власти следует страховать себя дополнительными директивами и рационализаторской помощью⁵⁵. Новейшая экономическая интерпретация теории власти пытается предложить для этого даже своего рода калькуляцию издержек⁵⁶. Насколько

это может оказаться удачным — вопрос в настоящее время открытый. Во всяком случае, общественный факт модализации властных средств вынуждает теорию власти рассматривать одновременно два уровня: генетические и структурные условия конституции власти как потенциала и структурные и ситуативные условия применения власти.

Это различие потенциальности и актуализации двойственно: на уровне символического кода инструкции о моменте применения власти хотя и могут быть как-то обозначены, но специфицированы еще недостаточно, поскольку в противном случае это устранило бы диспозиционный избыток потенциальности. Даже если код должен символизировать постоянно сохраняющие свой потенциал возможности, в этом направлении не следует до конца определять его специфику. Прежде всего, это устанавливает пределы юридической зависимости власти, вынуждая власть имущего к постоянным нарушениям закона. Или, если сформулировать иначе, юридическое связывание власти накладывает на нее опасные обязательства и требования. Кроме того, на процессуальном уровне фактических властных отношений жесткие установления, регулирующие применение власти, ослабляют ее позиции, а именно приводят к отказу от неопределенности, открытости, ликвидности возможного⁵⁷.

Одновременно с этим — в силу модальной генерализации — власть становится восприимчивой к определенной информации о противостоящей ей действительности. По мере того, как властитель оказывается все более зависимым от проективной информационной переработки, он уже более не может позволить себе отдельных неудач. В известных

обстоятельствах он уже должен бороться за поддержание фасада своей власти⁵⁸. Одновременно с коммуникацией по поводу перспективного действия или бездействия осуществляется и *метакоммуникация* по поводу власти⁵⁹. Она может проявляться в форме молчаливого пред-понимания, этакого ожидаемого ожидания ожиданий. Она может также актуализироваться в косвенных указаниях, риторических вопросах и намеках, наконец, *формулироваться*⁶⁰ эксплицитно. Сформулированная власть приобретает в коммуникативном процессе характер угрозы. В ее распоряжении всегда имеется возможность эксплицитного отрицания. Уже это обстоятельство таит в себе опасность первого шага по пути реализации альтернатив отрицания и разрушения власти, и поэтому подобной эксплицитной метакоммуникации по возможности стараются избегать. Так, например, вместо прямо сформулированной угрозы применить насилие обращаются к правовым процедурам, вуалирующим это насилие.

Формулирование власти, которое может оказаться необходимым для прояснения и производства согласованного модализированного определения ситуации, трудно осуществимо и проблематично прежде всего в рамках простых систем элементарной интеракции. В организованных социальных системах и на уровне более широких общественных систем для этого имеются соответствующие институционализированные эквиваленты, скажем, признанные компетенции или значимые правовые нормы, на которые можно сослаться. Эти эквиваленты служат облегчению и одновременно обезличиванию применения власти в системах интеракции, то есть они подготавливают мотивы исполнения власти, хотя и на

ОТНОШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

них и могут повлиять факторы, тормозящие артикуляцию власти (это известно любому начальнику, который при обращении к трудному подчиненному должен эксплицитно ссылаться на свои полномочия)⁶¹.

Мы не имеем возможности подробно рассматривать здесь детали всех тех форм, в которых может протекать метакоммуникация по поводу власти. Наибольший интерес для дальнейшего хода исследования вызывает то обстоятельство, что дифференциация кода и процесса принимает форму модализации коммуникативного действия. Эта модализация, а не просто, скажем, внутренне присущая властителю способность, сила, потенция или его особая оснащенность известными средствами, служит основанием властных действий как чистой возможности, то есть без применения так называемых «властных средств». Что же касается таких понятий, как «шансы» или «властный потенциал», то в них это положение дел отражено не достаточно ясно.

4. Вследствие этого для прояснения некоторых проблем временной структуры властных отношений нам необходим анализ модализации власти на основе комбинации относительно негативно и относительно позитивно оцениваемых множеств альтернатив.

Если власть как возможность сохраняется на основе возможных действий, актуализации которых стараются избежать, то на уровне интеракционных процессов *властные решения должны быть разведены во времени*. Социальная система, которая распоряжается такой возможностью, приобретает тем самым временной ресурс для того, чтобы упорядочить комплексность. То, что не может происходить

одновременно, становится возможным в упорядоченной временной последовательности. Благодаря этому расширяется спектр интегрируемых, соотносящихся друг с другом действий системы.

Первоначально подобные временные структуры содержатся в сфере действий самого власть имущего. Он может составлять для себя предпочтительные и одновременно неточные схемы протекания желаемых действий, хорошо сознавая, что он может применять власть, как ему заблагорассудится. Он может попытаться проверить, достаточно ли будет уже одного того, что другому известно, у кого сосредоточена власть. В случае оказания сопротивления власть имущий может тотчас перейти к более отчетливо выраженной, имплицитной или даже эксплицитной коммуникации по поводу его власти, то есть к угрозам. Последние со временем постепенно усиливаются. Наконец, если угрозы уже не помогают, власть имущий должен решить, применять или не применять санкции, то есть запускать или не запускать механизм реализации альтернатив избежания. Единство подобной цепи, с одной стороны, предписывается самой системой, в которой все это происходит, с другой стороны, этого требует сам код власти, а значит, это диктуется необходимостью сохранения или усиления властного потенциала. Поэтому описанная последовательность шагов и вытекающее из нее усиление властных проявлений не являются чистой случайностью. Система и код функционируют в рамках такой последовательности как сопутствующие идентичности, которые определяют возможность или невозможность последующих шагов. Вместе с тем подобные сцепления образуются из решений, всегда принимаемых в но-

вых, определенным образом изменившихся ситуациях. Начинает ли властитель в ситуации, когда коммуникация протекает не очень гладко, ссылаться на свою власть, может зависеть и от него самого, и от ситуации. От этих же факторов в особенности зависит и выполнение им угрозы применить санкции. Система и потенциальность его власти предоставляют ему право принимать решения. Однако происходит это не произвольно, а в рамках более или менее четко очерченных условий последовательности шагов. Вместе с тем в данном случае также дает о себе знать тот избыток возможностей, о котором было сказано выше. Поэтому весьма важным представляется вопрос о том, каким пространством выбора располагает сам власть имущий в отношении своей собственной цепи решений, насколько открытым является его будущее, если однажды он уже вступил в коммуникацию⁶². Величина и обеспеченность его властного потенциала может оказаться здесь столь же важной, как и степень дифференциации, то есть мера возможной произвольности относительно других его ролей. Важен, наконец, и вид символизации власти, например, действует ли властитель в рамках определенной последовательности шагов под сильным давлением нормативной формы легитимации или даже всеобъемлющей юридической артикуляции власти. Открытость его будущего и эластичность в управлении не в последнюю очередь зависят от того, позволено ли властителю действовать оппортунистически.

Цепи решений власть имущего должны быть последовательно отделены от тех сцеплений, которые связывают более широкий круг носителей решений. Оба данных вида упорядоченных во времени цепей

ОТНОШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

решений оказываются возможными благодаря более широкой потенциализации власти, и оба служат упорядочиванию комплексности во временной последовательности. Лишь на основе относительно сложных предпосылок кода власти последняя превращается в «поток», то есть оформляется в виде процесса, который переносит редуцированную комплексность от решения к решению. Ликвидность власти — это эффект соответствующего кода, весьма напоминающего код денег⁶³. Сравнение с «поток» возникает благодаря тому, что имеют место *последовательные события* (действия), селективности которых связаны друг с другом посредством кода в том смысле, что данные селекции взаимно предполагают или продолжают друг друга. Консистентность такой связи в случае власти гарантируется властными *темами*⁶⁴, и отдельные властные процессы, по-видимому, могут быть идентифицированы лишь на основе этой тематической интеграции⁶⁵. В то же время здесь на пути формирования властных цепей обнаруживают себя важные препятствия, о которых мы будем говорить ниже.

Мобилизация, образование цепей, генерализация и тематическая спецификация властных процессов увеличивают находящиеся в распоряжении общества властные ресурсы, ибо делают возможными комбинации разнообразных действий и усиление селективности, которые не могут осуществляться сами по себе⁶⁶. Таким образом достигается известная независимость от естественных мотиваций, обусловленных реалиями жизненного мира. То обстоятельство, что такую дифференциацию и взаимосвязь властных процессов невозможно объяснить на основе естественных причин, одновременно де-

ОТНОШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

дает понятной проблематику власти. Ее проблемы становятся особенно прозрачными при рассмотрении процессов, имеющих место в высокоразвитых культурах, где ощущается потребность не в том, чтобы необходимую власть — как таковую — специализировать на принятии решений, а в том, чтобы утвердить единство компетенций знания и решения, истины и власти. В этих условиях, возникновение и развитие которых хорошо прослеживается на примере дальневосточных культур⁶⁷, подчиненному было крайне трудно оказаться в ситуации, которая бы допускала множество альтернатив. При всей неполноте дифференциации кодов в этих культурах отсутствовала потребность в выстраивании достаточно комплексной правовой системы для кодирования власти. Конфликты и чреватые конфликтами бинарные схематизмы дискредитировались морально. Эта абсолютная власть, провозглашенная принципом, оставалась между тем весьма слабой, поскольку перед ней не возникало вообще никаких ситуаций выбора, могущих ей угрожать. В этих обстоятельствах общество не формирует никакого однозначного примата дифференцированного синдрома политики, власти и права, контингенция которых и их способность дифференцироваться на основе действия являются, по-видимому, необходимой ступенью общественной эволюции.

III. КОДОВЫЕ ФУНКЦИИ

Выбранный здесь подход к теории власти задает направление, в рамках которого рассматривается и изучается усиление власти. Если обратиться, например, к концепции Курта Хольма⁶⁸, понимавшего власть как способность нанесения ущерба, то вектор ее усиления должен соответствовать величине того ущерба, который способен нанести властитель, и (или) объему противостоящей власти, которая могла бы эффективно воспрепятствовать вредоносным действиям подобного рода. Такой подход имеет определенные методологические и технико-измерительные преимущества. Тем не менее он не выявляет характерные упорядочивающие способности власти, а если и уделяет им внимание, то лишь в обход теории угрозы⁶⁹. Непосредственная ассоциация силы власти и ее опасности соответствует собственно лишь архаическим обществам и архаическому мышлению⁷⁰, то есть обществам, в которых еще не началась дифференциация коммуникативных средств. Образование понятий должно следовать за общественным развитием. В рамках теории коммуникативных средств формируется такое понятие власти, которое всегда учитывает возможность усиления способности упорядочения в изменяющихся общественных условиях. Эта способность состоит в трансляции редуцированной комплексности, критичность которой возрастает по мере роста комплексности intersубъективно конституированного мира, а условия ее усиления ин-

ституционализированы в рамках кода медийного средства.

Источником всех возможностей усиления власти является *генерализация символов*⁷¹, которая также лежит в основе дифференциации кода и процесса. Под генерализацией следует понимать обобщение смысловых ориентаций, делающее возможным фиксацию идентичного смысла различными партнерами в различных ситуациях с целью извлечения тождественных или сходных заключений. Полученная таким образом *относительная свобода от ситуации* редуцирует в каждом отдельном случае усилия по производству и оценке информации и избавляет от необходимости полной переориентации при переходе от одного случая к другому. В этом смысле она поглощает неопределенность и одновременно делает возможным формирование комплементарных *ожиданий* и поведения на основе этих ожиданий. Но вместе с тем эта свобода привносит риск некоторой ситуационной неадекватности поведения, пусть даже и ориентированного на ожидания, а именно появляется риск не использовать возможности, которые могла бы предложить конкретная ситуация (скажем, риск упущения сиюминутной слабости властителя), и упустить шансы научиться действовать в такой ситуации. Гибкость поведения в разнородных ситуациях в рамках использования одного кода должна, во всяком случае, поначалу, оплачиваться негибкостью самого кода. Особенно это важно в отношении нормативной, осознанно противопоставляющей себя фактам генерализации.

Под символизацией (символами, символическими кодам) следует понимать упрощенное выраже-

ние некоторой комплексной интерактивной ситуации, которая в результате символизации переживается как единство. Проанализированные в предыдущем разделе конститутивные условия коммуникативного средства «власть» не могут как таковые непрерывно тематизироваться в сознании обеих сторон. Они сводятся воедино и излагаются словами-символами, знаками или посредством символизации идентичности коммуникантов. Формы выражения при этом варьируются, например, в зависимости от отношения к источникам власти, степени персонализации, меры влияния правых институтов и тому подобного. Но символизация как таковая является неизменным реквизитом формирования власти. Язык — и не только теоретический язык науки — уже подготовил для целей символизации такие «диспозиционные понятия», как сила, способность, потенция. Данные формулировки маскируют то обстоятельство, что власть представляет собой модализацию коммуникативных процессов, поскольку посредством выражения «возможность» эти формулировки одновременно связывают власть с фигурой властителя. В такой своей функции они оказываются составными частями самого кода власти.

Диспозиционные понятия — как символизируемые потенциалы — обладают определенными качествами. Они упрощаются путем отказа отображать и предвосхищать то, что благодаря им оказывается возможным. Они не являются моделями, картами или планами, не нуждаются в том, чтобы уподобляться возможному. Вместо этого они (словно бы некий функциональный эквивалент сходства) устанавливают время, а вместе с ним предоставляют и

новые возможности. Символизируется именно стабилизированная возможность, готовность к автокатализу системы, которая при наличии других благоприятных условий может оказаться продуктивной⁷².

На основе символической генерализации и потенциализации для различных медийных средств могут развиваться разнообразные, соответствующие им коды. Не всякий ряд генерализированных символов, не каждый текст и не каждая структура представляют собой код в узком смысле. Под кодом мы будем понимать такую структуру, которая *для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент*. Этот способ функционирования кода можно продемонстрировать на примере специального кода для перевода текстов на другие носители информации с целью их сохранения, передачи или машинной переработки. Но существуют и другие многочисленные случаи, например коды, формирующиеся на основе энзимов уже на стадии доорганической эволюции (генетические коды)⁷³. В сфере социокультурной эволюции наиважнейший код образуется с помощью языка, а именно благодаря тому, что язык связан со способностью отрицания таким образом, что любое высказывание одновременно предоставляет в распоряжение важнейших языковых функций точно соответствующее ему отрицание⁷⁴. Именно в силу этой возможности отрицания языковой коммуникации становятся необходимыми те дополнительные по отношению к языку инстанции, которые мы объединяем в понятии коммуникативных средств. Свою функцию кода они должны обеспечивать каким-то

иным способом. К этому мы еще вернемся в шестом параграфе при рассмотрении бинарной схематизации.

Обладающие свойствами кода структуры играют, по-видимому, большую роль в выстраивании комплексных систем и, возможно, являются их непрерывным сопровождением. Причина их эффективности кроется в селективном характере кодов, а именно в особой комбинации универсализма и спецификации. Относительно независимо от распределения элементов во внешнем для системы мире код способен устанавливать для каждого элемента этой системы свой точно соответствующий данному элементу комплементарный фактор. Скажем, любую языковую коммуникацию он соотносит с точно соответствующим ей отрицанием, каждому истинному высказыванию подбирает точно соответствующее ложное, каждому расходу или доходу находит точно отвечающую им бухгалтерскую запись, каждому звуку — свою букву, и так далее. Благодаря этому — в зависимости лишь от наличия возможностей, но не от длительности либо вероятности процесса распределения этих возможностей — код производит внутри-системные сопряжения как предпосылки дальнейших операций.

В элементарном или интеракционном смысле власть всегда является кодом, и именно потому, что для каждой транслируемой селекции действий она пунктуально устанавливает соответствующие альтернативы избежания, то есть дублирует принимаемые в расчет возможности. Это типичное для кодов удвоение, как было продемонстрировано выше, делает возможным соподчинение желаний властителя и не-желаний подданного. Человек, ко-

торый хотел учиться, живя в стране, где существовала всеобщая воинская повинность — причем, всеобщая воинская повинность являлась главной причиной желания этого человека учиться, — автоматически попадал в число тех, кто не хотел⁷⁵ призываться на военную службу. Он запутывался в сети комплементарности желания и нежелания, возникшей в контексте существовавшей власти. Таким образом, посредством власти из диффузной импульсивности и спонтанных целеустремлений социальной жизни в качестве условия специфически системных операций возникает «неестественное» распределение желания и нежелания. Такая исходная ситуация является неизменной предпосылкой всякого усиления власти.

Вследствие этого правила удвоения конституции комплементарных альтернатив избегания власть всегда является кодом. Она определяет два возможных направления развития событий: либо в соответствии с замыслом властителя, либо в противоположном направлении. Власть здесь представлена, так сказать, в своем сыром виде. В дальнейшем взаимоотношение обоих направлений может кодироваться повторно, приобретая еще одно удвоение, скажем, распадаться на дозволенные и недозволенные комбинации. Такое *второе кодирование* тесно связано с *отношением*, произведенным по правилам удвоения первого кода, специфическая проблематика которого становится проблемной референцией второго кодирования. В случае власти слишком высокая произвольность комбинаций альтернатив избегания должна быть прежде всего ограничена рамками некоторого ожидаемого формата. Именно поэтому *второе кодирование* власти в

рамках нашей традиции осуществляется на основе бинарного схематизма права и бесправия⁷⁶.

Это удвоение кода власти не является в области коммуникативных средств единичным случаем. Так, код собственности в экономике, конкретнее, то простое правило, согласно которому собственность одного человека одновременно, как бы зеркально, означает, что другой человек этой собственности лишен, на известной стадии развития получает второе кодирование на основе денежного механизма. Код денег удваивает шансы стать собственником с помощью денежных символов, лишенных собственной стоимости. Это приводит в движение вещную собственность. Она получает возможность, так сказать, менять владельцев и на основе этой возможности прибавляет в стоимости за счет обмена на собственность денежную. Собственник денег, не обладающий определенными вещами, получает шанс их приобрести, и наоборот. Аналогичная проблемная ситуация дает о себе знать в логическом схематизме средства истины, как скоро процесс отрицания получает рефлексивную легитимацию и в этом качестве начинает регулироваться медийным кодом. При этом — если воспользоваться формулировкой Башляра — истины «диалектизируются», то есть могут превращаться в ложь. Подобным же образом «диалектизируется» и ложь⁷⁷. Сам дух в представлениях современников этих трансформаций становится историчным. Но история не является кодом. Впрочем, хотя второе кодирование истины и обозначается именами «диалектики» или «многозначных логик», его структура до сих пор представляется весьма неясной⁷⁸.

Вторичные кодирования являются лишь одним

из факторов ускорения селекционных трансляций коммуникативными средствами в условиях меняющихся общественно-структурных требований. Подробнее они должны исследоваться в рамках общей теории средств коммуникации. Усиление же власти в соответствии с развивающимися общественными запросами зависит и от других символов, допускающих ассоциацию с кодом власти. Это усиление не следует понимать просто как более высокую — по одномерной шкале — генерализацию символа кода. Напротив, уровневые трансформации власти в более комплексных обществах сталкиваются с большим числом разнообразных проблем, которые должны решаться на основе институционализации кода власти. Не всякая форма решения проблем совместима с другими, и у них всех есть свои дисфункции. Их суммарный эффект определяет степень функциональной дифференциации власти в обществе.

Ниже мы подробнее рассмотрим ряд таких проблем, хотя, разумеется, не сможем охватить целиком все существующие взаимозависимости. При этом мы будем придерживаться главным образом тех проблемных постановок, которые могут быть применены и в отношении других медийных кодов.

1. Символические генерализации делают возможным *частичный перевод процесса трансляции редуцированной комплексности с уровня эксплицитной коммуникации на уровень комплементарного ожидания*, что разгружает тяжеловесный, требующий больших временных затрат и огрубляемый посредством языковой экспликации коммуникативный процесс⁷⁹. Антиципация подчиненного протекает при этом *на двух уровнях*: он предвосхищает не

только реакции властителя на отказ выполнить пожелания властей, то есть альтернативы избежания, но и сами эти желания. Власть имущий даже не нуждается в том, чтобы отдавать подчиненному приказы, так как тот будет выполнять его повеления также и не приказного характера. Подчиненному может быть передана даже инициатива составления приказа. Вопросы он задает лишь в том случае, когда ему не ясно, какое именно распоряжение могло бы быть ему отдано властью. Эксплицитная коммуникация ограничивается необходимой остаточной функцией. При такой форме усиления власти последняя в некотором объеме переходит к тому, кто ей подчиняется. Подчиненный решает, когда подключать к управлению собой власть имущего. Он приобретает при этом не просто влияние, но именно власть, выражающуюся в альтернативах избежания. Так, он может стимулировать властителя отдать распоряжение, а может вообще отказаться от такой стимуляции⁸⁰. К дисфункциям власти, утратившей коммуникативную непосредственность, следует отнести ограниченные возможности формализации и централизации управления.

2. Двухуровневая антиципация а) власти и б) ее тематики требует известного разделения обоих уровней, а значит, различных средств для подтверждения ожиданий на этих двух уровнях. Данное требование указывает также на другую характерную особенность полностью сформировавшихся медийных кодов — *двуступенчатость образования символов*. Код коммуникативного средства сам по себе должен отличаться от тех символов, которые сигнализируют о селекциях или о готовности к ним, представляют темы и мнения и определяют соответ-

ствующие содержания ожиданий. Поэтому код посредством надлежащих символов, например полномочия и компетенции, может также удостоверить власть, относительно независимую от тематик коммуникации⁸¹. Тематическая независимость делает возможным временную рассогласованность процессов образования и применения власти⁸², облегчая при этом выдвижение инициатив.

Сам по себе код коммуникативного средства состоит из символически генерализированных правил возможного комбинирования других символов, которые только и могут управлять процессом селекции переживаний и действий. К коду истины, например, относятся всеобщие правила логики, определенное понятие истины, критерии методического соответствия и тому подобное, но не претендующие на истину теории и отдельные знания. Аналогичным образом, коду власти принадлежат лишь способы символизации властных источников и границ власти, но не те или иные селекции власть имущего, его желания и распоряжения. Поэтому сам по себе код способен переживать смену тематик и стабилизироваться относительно независимо от данных трансформаций.

Дифференциация и усиление функции коммуникативного средства существенно зависит от той степени абстракции, посредством которой выстраивается обозначенная выше многоступенчатость. Важным шагом на пути дифференциации уровней становится *обезличивание* медийного средства. По мере такого обезличивания трансляция селекций все меньше зависит от конкретного лица, избирающего свои действия, и все больше — от условий кода. Личность человека, знающего истину или об-

ладающего властью, становится при этом всего лишь фактором ожидания в выборе тематик и редуций, она перестает конституировать истину и власть как таковые. В этой связи решающее для кода власти значение имела дифференциация должности и лица, формирование связи между властью и должностью, а не между властью и личностью⁸³. Если эта дифференциация является устойчивой и гарантированной, то в рамках кода власти правители, словно матрицы готовых селекций, могут спокойно избираться и сменять друг друга.

Многоуровневый характер генерализации обеспечивает ей преимущество, за которое она при этом не должна расплачиваться неопределенностью и неконкретностью. Должности могут замещаться. Однако наряду с дифференциацией символических уровней возникает вторичная проблема, а именно — могут ли вообще, а если да, то в каком объеме, коммуникативные трудности трансформироваться в проблемы кодов⁸⁴. В интеракции существует критический порог, с которого начинается метакоммуникация по поводу власти или даже ставится вопрос о ее судьбе. К нему относится множество вторичных стратегий, скажем, стратегии вуалирования очевидности (или всего лишь очевидности очевидности) властных перегибов⁸⁵, обходных путей, замалчивания, взаимосогласованного переведения конфликта в менее разрушительное русло⁸⁶, отказа рассматривать уступку властителю в качестве прецедента, заботы о сохранении формального почитания власти при фактической непокорности ей и т. д. Условия многоступенчатости символических уровней, прежде всего разделение должности и личности, требуют соответствующей организации. Следствия

этой многоступенчатости и вытекающие из нее поведенческие стратегии поэтому лучше всего рассматривать в рамках такой организации.

3. Если предположить, что может быть осуществлена дифференциация медийного кода и коммуникационных тематик⁸⁷, то возникает вопрос, а может ли код, и если да, то как, *управлять сменой тематик*? Разделение этих двух смысловых уровней оправдано лишь в том случае, если код не предписывает конкретно, какие именно следует отдавать распоряжения. Код, как и язык, остается абстрактным лишь до тех пор, покуда он не устанавливает никакой последовательности тематических коммуникаций. Однако он не может оставаться полностью индифферентным по отношению к границам тематических возможностей. Регулируя тематики, код определяет условия их возможности. Вопрос здесь состоит в том, в какой степени подобные «условия возможности» одновременно выполняют регулятивную функцию общего управления коммуникативным процессом?

В случае кода истины мы неизбежно сталкиваемся здесь со сложными вопросами: Верно ли то, что в процессе смены теорий исследователи ориентируется на истину? И если да, то как именно это происходит? Содержит ли, например, код истины критерии, в соответствии с которыми старая теория сменяется новой, а устаревшая теория заменяется на модернизированную? В случае власти, в особенности в рамках организации, коммуникативное средство как ориентир действия позволяет очертить проблемы более четко. Именно организация оказывается тем условием, которое обеспечивает встраивание рассмотренного выше различения должности

и личности в код власти. Благодаря этому при ориентировании на те или иные устойчивые структуры возникает возможность менять предпосылки принятия решений личного, предметного или организационного рода⁸⁸. Проблематичной эта форма кодирования смены тематик становится тогда, когда не срабатывает механизм организационного определения позиции. Особенно это важно для высших позиций политической системы. Однако и здесь встречаются примеры прекрасно институционализированных решений нашей проблемы: например, политическая власть может замещаться лишь в том случае, если властитель одновременно подчиняется условиям смены политических тем или даже условиям своего личного смещения.

4. Следующий пункт нашего обзора затрагивает проблемы формирования *цеплений действий*. Здесь подразумевается такой порядок власти, который связывает более двух партнеров в том смысле, что А имеет власть над В, В властвует над С, который, в свою очередь, распоряжается властью в отношении D, и так далее, покуда эта цепь не закончится на одном из партнеров, который уже не имеет никакой власти. В сферах других медийных средств мы также обнаруживаем нечто похожее: например, цепи опосредованных деньгами меновых сделок⁸⁹, цепи установленных истин или ложных положений, служащие основанием дальнейших научных исследований⁹⁰, или даже цепи усиления избирательности (селективности) любви, которые вследствие своей структурной ограниченности двумя лицами вынуждены постоянно замыкаться на самих себе. Власть служит катализатором для выстраивания цепей действий. Если власть охватыва-

ет несколько позиций, она, так сказать, испытывает соблазн образовывать комбинации цепей, в которых селекция одного действия примыкает к селекциям других, или же первая селекция действия предполагает для своего завершения последующие селекции. При этом все чаще, точно так же, как это имеет место при случайном совпадении интересов, начинают образовываться более долговременные сцепления действий, которые оправдывают себя, поскольку делают возможными более разнообразные комбинации.

Подобный рост эффективности требует спецификации медийного средства. Проявления власти уже не предстают в форме произвольных комбинаций, протекающих как попало, где каждый, в конечном счете, имеет возможность влиять на каждого. Одной лишь каузальной связи между источниками власти становится недостаточно. Поэтому о сцеплениях действий можно говорить лишь в том случае, если А способен не только предписывать действия В, но и определять способы исполнения своей власти, то есть в том случае, если А в состоянии распорядиться и той властью, которую В применяет по отношению к С. Иначе говоря, в ситуации, когда король что-то приказывает генералу, генерал дает какие-то указания своей жене, которая повелевает исполнить нечто своему посыльному, который, в свою очередь, в силу своего положения тиранит соседей, никакого сцепления властных действий еще не образуется. Оно возникает тогда и только тогда, когда властитель способен контролировать любое звено властной цепи.

Вследствие этого определяющим признаком образования цепи властных действий является

рефлексивность процесса власти, иначе говоря, возможность его ориентации на себя самого. Сравнение с другими рефлексивными процессами⁹¹ показывает, что речь здесь идет о крайне обусловленной и очень эффективной процессуальной структуре. Она предполагает достаточно генерализированное и функциональное определение идентичности процесса, который ориентируется на самого себя. В противном случае, что бы означало это «на самого себя»? Рефлексивные механизмы встречаются лишь в системах, которые обладают отчетливыми границами и могут функционально специализировать свои процессы. Обретение рефлексивности политической властью требует, например, соответствующего уровня дифференциации иерархических структур с достаточным разделением ролей⁹². Для того, чтобы рефлексивность простиралась и на *высшего* властителя, то есть превращала его в звено властной цепи и подчиняла власти более могущественной, политическая система должна обладать высокой степенью дифференциации, а политическая власть — большей спецификацией⁹³. Образование сцеплений, следовательно, требует возведения барьеров на пути чужеродного для системы и нефункционального использования власти, что является условием усиления власти, роста ее потенциала и решительности ее применения. Однако такое образование само по себе не блокирует возникновение в рамках сцепления власти, ориентированной в обратном направлении, то есть власти подчиненного над своим начальником, начальника — над министром, министра — над его партийной фракцией⁹⁴. По-видимому, структурное своеобразие процессов власти, протекающих в цепной форме, состоит в

порождении этими властными процессами обратного потока в тех случаях, когда власть системы начинает превосходить возможный селективный потенциал отдельного властителя и диспозиционная исполнительная сила отдельных элементов цепи становится самостоятельным источником власти. Поэтому коды власти должны также дифференцироваться на «формальные» и «неформальные», а наибольшая формально и неформально агрегированная власть должна сосредотачиваться на ключевых позициях в сфере высшей власти.

Образование цепей властных действий имеет своей функцией такое усиление власти, которое превосходило бы властный потенциал отдельного властителя. Так, в пограничном случае политических выборов речь идет о том, чтобы вся власть на какой-то момент оказалась в руках тех, кто ее вообще не может исполнять. Именно таким способом образование сцеплений делает возможным такое усиление власти, которое намного превосходит селективный потенциал ее отдельного обладателя. Из искусственности подобного усиления власти вытекают и требования к властному коду. Например, такая власть не может быть реализована без бинарной схематизации (см. параграф 6), без дифференциации кода и тематик власти, без дифференциации должности и лица. В то же время возрастает риск обрыва цепи и ее блокирования потоком противоположно ориентированной власти, из чего также вытекают особые требования к коду, касающиеся, прежде всего, разделения формальной и неформальной власти.

5. Различие между формальной и неформальной властью обозначает один бесспорный и весьма важный факт, хотя в его определении, приведенном

выше, он пока еще ничего не дает для теоретического осмысления власти. При сравнении же власти с другими коммуникативными средствами обращает на себя внимание универсальное значение данной проблемы. Мы назовем этот факт *смежным кодом*.

Смежные коды образуются в том случае, если в процессе возрастания общественной комплексности средства коммуникации отвечают увеличивающимся потребностям трансляции селекционных достижений. Тогда параллельно собственно коммуникативным кодам, становящимся все более абстрактными и специфицированными, формируются коды с *исключительными* свойствами, способные, однако, выполнять примерно *ту же самую функцию*, что и основные коды. В системе науки, например, процессы коммуникации и переработки информации опираются не только на официально признанные критерии истины, но, наряду с ними, в существенной части также и на репутацию⁹⁵. Интимные отношения ориентируются не только на код любви, но одновременно образуют конкретную историю переплетенных биографий, которая в большей или меньшей степени заменяет код любви. Деньги сами по себе настолько комплексны, что параллельные валюты в нормальном случае не являются необходимыми, а используются лишь во времена кризисов, прежде всего, в периоды инфляции. Это происходит в виде перевода национальной валюты в иностранную, в золото, сигареты, недвижимость, которые — с большим или меньшим успехом — частично принимают на себя функции кода денег. Отношение формальной и неформальной власти представляет собой один из случаев этого более общего феномена.

Все смежные коды обладают тремя общими, связанными друг с другом свойствами, а именно: 1) большей конкретностью и контекстуальностью; 2) меньшими возможностями общественной легитимации, а значит, и меньшей публичной «выразительностью», и поэтому также 3) зависимостью от внутрисистемного функционирования и таких специфических предпосылок, как умение нравиться, знание окружения, знание истории, доверие и недоверие, не известных внешнему миру системы⁹⁶. Все это имеет значение и для неформальной власти, которая возникает в зависимости от организационных условий труда и кооперации. Неформальная власть может и должна брать на себя часть функций кода, а в чрезвычайных обстоятельствах она может выполнять и большее число функций. В пограничных же случаях формальная власть служит всего лишь фасадом, который оправдывает решения неформальной власти во внешнем по отношению к власти мире. Разделение и одновременное использование главного и смежного кодов требует, таким образом, высокой степени дифференциации системы и разделения внутренних и внешних стандартов применения коммуникативных средств.

6. Успешно функционирующие коммуникативные средства могут лишь в том случае приобретать форму и достигать уровня селективности кода, если они используют *бинарный схематизм*, который предварительно двузначно структурирует возможные операции. Двузначность является конститутивным условием символически генерализированных кодов, поскольку лишь в этой форме возможна комбинация универсализма и спецификации, то есть каждый релевантный элемент может быть одно-

значно соотнесен с другим определенным элементом. Истина, например, если ее понимать как нечто большее, чем просто общая конструкция реальности, должна структурироваться на основе двузначной логики. Она ограничивает возможности исследований. Под исследованием в данном случае понимается (принципиально бесконечная) цепь прогрессирующих, селективно сопрягаемых операций. В коде любви требование исключительности, равно как и его институционализация в виде брака, выполняет ту же функцию⁹⁷. В случае кода денег собственность (включая правовым образом оформленную свободу экономического распоряжения собственной рабочей силой) выполняет функцию однозначного различения между владением и не-владением, что является предпосылкой для управления ожиданиями в экономических расчетах и транзакциях⁹⁸. Собственность может институционализироваться лишь посредством бинарного схематизма правового — не-правового. Аналогичная зависимость от правовой системы имеет место и в случае власти. Власть «от природы» диффузно и рассеянно флуктуирует. Лишь с помощью различения правовой и незаконной власти ее можно привести к ясной формуле «или-или».

Вопреки видимости, бинарные схематизмы служат не разделению, а связыванию противоположного. Они облегчают переход от одного определения ситуации к его противоположности, поскольку требуют лишь отрицания, допущение которого внутрь системы может ею же и регулироваться. Речь идет о технике интеграции парадоксального. Между истиной и ложью существует более тесная связь, чем, например, между истиной и любовью. Такой бинар-

ный принцип интеграции может подвергаться абстрагированию, спецификации и универсализации, в то время как связи между различными медийными кодами (истина-любовь, власть-деньги) регулируются гораздо конкретнее и ближе к ситуации, ибо ни как исключение, ни как закономерная связь они не могут утверждаться общезначимо.

Составной частью медийных кодов являются двойные парадигмы, способствующие дифференциации общественных систем. Они облегчают и кондиционируют отрицания внутри специфического схематизма и благодаря этому делают возможной системно-специфическую реализацию релевантных для всего общества функций⁹⁹. Однако наряду с этим подобные схематизмы, как и другие коды-элементы, приобретают и сохраняют в себе нечто искусственное и проблематичное. И все же их следует принимать такими, какими они являются¹⁰⁰, если при этом, конечно, не рассматривать вопрос о том, как (и по отношению к кому!) распределяются затем значения владение-невладение, любовь-нелюбовь, истина-ложь. Кроме того, они выполняют необходимые функции, так что простое неприятие двойных парадигм, скажем, в любви или по отношению к собственности, в случае, если для медийного средства или для функции бинарной схематизации не будут развиты эквиваленты, будет иметь чисто идеологический характер. Проблема здесь кроется в *презюмционной полноте* бинарной схемы, в ее притязании конструировать тотальность возможного через противоположность¹⁰¹. Степень институционализации средства коммуникации, кроме всего прочего, проявляется в том, насколько его бинарный схематизм признают независимо от

конкретного распределения шансов. Если это действительно имеет место — и в той мере, в какой это имеет место, — развитие осуществляется внутри и с помощью бинарной схемы, скажем, как трансформация истины в ложь, правового утверждения в утверждение неправое.

Все это можно сформулировать и независимо от особенностей кода власти. Теория средств коммуникации разгружает теорию власти от неспецифических для нее проблем. Различие Сореля между силой (*force*) и насилием (*violence*)¹⁰², то есть между исполнением власти ее правомерным носителем и ее применением против такого носителя, не является поэтому специфической проблемой власти. Но в то же время данное сравнение силы и насилия проясняет характерные особенности кода власти. Схематизация правомерной и неправомерной власти требует нормативной формы, поскольку в этом медийном средстве на обоих полюсах его бинарной схемы речь идет о приписываемом действии. Эта форма опирается на контрафактические ожидания и поэтому воспринимает реальность неуверенно и неточно. Неправомерная власть тоже *является властью*, но совсем в ином смысле, нежели это имеет место в случае, когда ложь оказывается истиной. Она представляет собой реальную власть, непременно антиципируемую ее правомерным носителем, а не просто возможность, реализации которой с любопытством и готовностью могут ожидать, не лишая себя при этом возможности обратиться к отрицающим ее альтернативам.

Вместе с тем это означает, что формирование отношений между властью и правом отличаются гораздо большими затруднениями, чем формирование отно-

шений между истиной и логикой. Распределение власти может в своей тенденции расстраивать правовой порядок, и *эта тенденция — если она соотносена с действием — вынуждает принимать решения*, то есть согласовывать позиции права и власти. Напротив, смена теорий едва ли когда-либо вызывается расхождениями между истиной и логикой¹⁰³. В области знания допускаются даже истины (например, восходящая к Аристотелю истина неспособности будущих контингенций образовывать истину), которые противоречат бинарному схематизму логики как таковому, при том, что подобные взгляды не препятствуют оперативному функционированию двузначной логики.

Дифференциация различных медийных средств и бинарных схематизаций приводит к появлению сложных взаимозависимостей, поскольку двойные парадигмы не способны полностью подменять друг друга. Рост эффективности одного средства диффузно воздействует на другие. Временами образуются структурно значимые связи. Так, гарантированный властью правовой мир приводит к росту разнообразных возможностей *владения или не-владения* собственностью. Собственность же, в свою очередь, — это было известно уже Локку — превращается в условие справедливости или *несправедливости*. В этом взаимоотношении медийных средств власти и денег большая эффективность одного из них усиливает *дизъюнктивный характер другого средства*. Вытекающее из этого сложное и напряженное отношение — а не просто наивное утверждение, что одни только собственники обладают властью, — получает развитие в «политической экономике» буржуазного общества. Отсюда, если снова обратиться

к проблеме власти, вытекают определенные требования к коду и объему властных притязаний, которые в тенденции приводят сегодня к новой политизации экономических вопросов и тем самым — к ослаблению дифференцированности общества в этом отношении.

Последний аспект проблемы бинарной схематизации затрагивает масштабы ее реализации. По-видимому, все двойные парадигмы имеют, так сказать, свои *rules of evasion* (правила уклонения). Было бы соблазнительно, хотя в рамках данного исследования это вряд ли осуществимо, исследовать этот вопрос также в отношении истины (в сфере логики), любви (в сфере брака) и денег (в сфере отношений собственности). В отношении власти (в сфере права) феномен возникновения во властных цепях обратно направленной власти может быть упорядочен на основе дифференциации формальной и неформальной власти. Бинарный схематизм правомерной и неправомерной власти может быть здесь применен лишь по отношению к формальной власти. Последняя как раз и определяется на его основе. Но неформальная власть, как мы знаем, может быть более сильной и при этом не опираться на указанный схематизм. Само по себе право, то есть определение ситуации в качестве правовой либо неправомерной, может как включаться во внутрисистемную интеракцию, так и исключаться из нее. Схематизм правомерной-неправомерной власти начинает поэтому ориентироваться на вторичный, внутрисистемный схематизм формальной-неформальной власти, который может быть использован лишь посвященными. Такого рода усложнение предполагает, что участники властных отношений используют

познанную ими оперативную дифференциацию системы и внешнего мира.

7. Правила уклонения вызываются к жизни лишь тогда и лишь постольку, поскольку код бинарной схематизации претендует на обладание универсальной релевантностью. На основании этого уже упоминавшегося выше признака мы можем обнаружить и другие функции дифференцированного медийного кода. Вслед за Парсонсом мы будем говорить об универсализме в тех случаях, когда смысловые отношения актуализируются в соответствии со всеобщими критериями и независимо от особенностей задействованных в той или иной ситуации партнеров¹⁰⁴. На основании этого, универсалистский код для власти образуется тогда, когда функция трансляции реализуется хотя и не без участия властителя и подчиненного, однако независимо от их специфических качеств, то есть в согласии с универсально данными условиями.

Однако именно в сфере власти, где селекции партнеров по коммуникации интерпретируются как их решения, данное условие универсальности выполняется с большими трудностями, особенно по сравнению с более универсальным характером денег или истины. И все же в комплексных обществах власть не может институционализироваться без использования универсалистского кода. Универсально применяемые символы, востребуемые в определенных проблемных ситуациях, служат основанием того, что в отношении еще не известных или не установленных ситуаций вообще могут образовываться ожидания и подготавливаться надежные основания действий. Без первичного универсалистского ориентирования было бы невозможно образовывать цепи,

формировать достаточно широкую установку по отношению к открытому будущему, что препятствовало бы высокой общественной мобильности с непрерывной ротацией участников.

Отсюда вытекают требования к символам кода власти. Например, они должны быть доступны для цитирования. Каждый должен суметь их процитировать, когда бы ни наступила ситуация, в которой потребуется воззвать к власти. Они не исключают непостоянства и переменчивости в применении власти в отдельной ситуации или в отдельном решении, но, пожалуй, не допускают их в качестве осмысленной, эффективной, ориентированной на разгрузку цепной стратегии. В подобных обстоятельствах власть символизируется, скорее, посредством своих «решений», нежели «воли». Функциональная спецификация и кондициональное программирование, то есть отношения, которые фиксируются символами «постольку, поскольку» или «всегда, если», помогают уточнять универалистские притязания власти. В то же время они проясняют и то обстоятельство, что власть, которая должна оставаться властью в том числе и в неизвестных пока ситуациях, то есть как бы заранее гарантироваться, ни в коем случае не является абсолютной и неограниченной. Стабилизация власти в форме права — одно (но не единственное) из оснований универалистской специализации¹⁰⁵. Мы еще вернемся к тому значению, которое имеет в этой связи тотализация и монополизация физического насилия.

Эти схематично представленные функции (наблюдаемые на примере высоких культур сначала в Передней Азии, а затем и на всем европейском пространстве) раскрывают нормативные, правовые и

моральные связи властителя со своей властью, из которых вытекают определенные структурные следствия. Властитель должен использовать свою власть в благих целях, для защиты права и защиты бедных. Однако на оборотной стороне медали мы обнаруживаем, что ради этого в жертву приносятся способность достигать согласия и приспособляться к ситуации. В цепь поведения самого властителя встраиваются элементы, требующие от него последовательного поведения. Легитимирующий миф создает большие возможности для такого последовательного применения власти. Если намерения однажды уже начали реализовываться и в их основание были положены нормативные точки зрения, от них едва ли уже можно просто так отказаться. Ангажированность лишает властителя свободы; он вынужден следовать логике предпринимаемых им действий. Если что-либо, как бы властитель к этому ни относился, имеет силу закона, он должен проявлять осторожность в выражении своих предпочтений. При всей осторожности и одновременно при всей тактической готовности власть имущего к непоследовательным действиям в данных исходных условиях наиболее структурно вероятным оказывается то, что нормативизм, морализм и фактическое применение власти будут взаимно усиливать друг друга. В таких условиях политика приобретает функциональную первичность в рамках всей общественной системы.

Наконец, существенными и актуальными представляются также проблемы, вытекающие из того факта, что функции бинарных схематизмов со встроенной преференцией (по отношению к истине, правомерности, любви и владению) комбинируют-

ся с претендующими на универсализм медийными кодами. Код должен учитывать последствия таких комбинаций. Если двойная парадигма уже приобрела принудительный характер, то в ее рамках уже не могут *одновременно* насаждаться негативные альтернативы. Код должен обеспечить каждому возможность переживать и действовать в соответствии с ранее предпочтенным кодом-альтернативой. Иначе говоря, каждый должен получить возможность переживать истинное, исполнять правомерную власть, приобретать собственность, любить и быть любимым. Все это должно быть гарантировано по меньшей мере в форме исключения невозможного. Уже на данном основании принцип свободы от противоречий в равной степени принадлежит и коду истины, и коду власти. Тем самым исключаются известные содержательные характеристики кодов-символов, скажем, в форме дефиниции истины как божественной тайны или определения права как суммы секретных исковых формул. Собственность, следовательно, должна быть либо всеобщим достоянием, либо доступной для приобретения любым человеком. Наконец, благодаря такому использованию медийных кодов могут получить легитимацию те желания или требования, которые открывают более непосредственный доступ к предпочитаемым альтернативам, вплоть до реформаторской политики в области упрощения законов и публичности права, распределения собственности, устранения безработицы и т. д.

8. Если код власти удастся соединить с бинарным схематизмом правомерного и неправомерного и утвердить данное сопряжение как универсально релевантное, то для усиления технологичности власти,

а именно для возможности ее относительно вне-контекстуального применения, это имеет далеко идущие последствия. Далее, в ситуациях, в которых ни один из участников в силу ограниченности собственных источников власти не способен явно властвовать над другим, можно апеллировать к однозначно определенным различиям в уровнях власти, основанным на авторитете далекого от данной конкретной ситуации властителя и опосредованным правом. Кто в той или иной ситуации действует правомерно, тот приобретает власть мобилизовать на свою сторону власть имущих. Он не зависит от «помощи» своего ближайшего окружения, так как в высоко дифференцированных обществах это не является особо надежным механизмом¹⁰⁶, а дергает за веревочки, ведущие к властителю, которого он и привлекает на свою сторону в соответствии с установленными правилами. Такой механизм предполагает существование «государственно-правового» кода-правила, согласно которому право является необходимым и, что не менее важно, достаточным основанием для исполнения государственной власти. На основании этого условия, которое, конечно же, всегда остается в высшей степени невероятным и, в качестве достижения, постоянно оказывается несовершенным, общество получает возможность в известном объеме избавляться от источников власти локального рода, оставляя в сфере их подчинения лишь отдельные частные системы. Таким образом, политическая система общества берет на себя функцию производства власти, управления ею и контроля над ней, релевантную в масштабах всего общества.

Но право не просто гарантирует безвластному ин-

дивиду участие в общественной власти. Оно также упорядочивает взаимодействие различных источников власти, прежде всего, взаимодействие политической, экономической и военной власти¹⁰⁷. Посредством дихотомии правомерного и неправомерного известные условия накладываются именно на те коммуникации, которые образуют цепь, вовлекая нескольких властителей, один из которых учитывает и использует власть других. Если согласиться с утверждением Стинчкомба¹⁰⁸, что подобные возможности кондиционированного использования властных ресурсов другого властителя свидетельствуют о легитимности власти, то становится понятным, что именно право как властный код является структурным источником такой легитимности. И тогда легитимность оказывается связью контингенций внутри властной сферы¹⁰⁹.

Впрочем, здесь нам интересны не следствия из этого достижения, важные для общества в целом, а определенные требования к коду власти, которые накладывает данная взаимосвязь контингенций. Для этого нам следует вернуться к нашему анализу конституции власти. Власть, как мы видели, зависит как от конкретной констелляции альтернатив, так и от того, что власть имущий посредством *контингентного* решения *кондиционально* связывает комбинации этих альтернатив. В данных обстоятельствах важным условием функционирования коммуникативного средства оказывается *вера* подчиненного в *возможность такой связи и готовность к ней со стороны властителя*. Иными словами, контингенция власти должна быть переведена в гарантированно ожидаемую практику, должна трансформироваться в ожидания, не теряя при этом

своего контингентного характера. Код власти должен соопределять мотивацию властителя и ее «убедительность» для подчиненного¹¹⁰.

Данная проблема особенно важна потому, что готовность к эффективному использованию средств власти, например к применению физического насилия, как раз связана с вопросом об альтернативах избежания, к которым может прибегать властитель. В рамках властной коммуникации всегда содержится информация, на основании которой власть имущий, конечно, неохотно обращается к своим альтернативам избежания, хотя всегда к этому готов. Отказ от реализации намерений должен выглядеть обоснованным. Данная проблема «убедительности» мотивации властителя в социально-психологических исследованиях, в теории игр и теории сдерживания в международных отношениях рассматривается как существенное условие функционирования власти¹¹¹. Если ощущается недостаток убедительности или о ней мало информации, то власть подвергается опасной проверке — испытанию на готовность к зачастую необратимому развитию через обращение к альтернативам избежания.

В относительно простых системах код власти может символизировать эту убедительность с помощью силы, что подкрепляется показательным применением этой силы. Но в комплексных и высоко дифференцированных системах такое средство символической демонстрации недифференцированной силы утрачивает свою эффективность. Убедительность должна демонстрироваться здесь как-то иначе. Поэтому сила заменяется правовой схематизацией и ростом технологичности власти. Кондициональное связывание альтернатив посредством пра-

ва также в свою очередь кондиционально программируется. Контингенцию этой связи можно регулировать и, вследствие этого, рассчитывать. Такой расчет — или, по крайней мере, создание его видимости — и является функцией кода власти. Проблема убедительности воли и силы властителя тем самым еще не решается, но лишь теряет свою остроту, и на ее место заступает другая проблема, а именно — проблема информации запрограммированного аппарата власти. Подчиненный уже не спекулирует на колебаниях и неготовности властителя применить свои средства. Он прибегает к спекуляциям на почве недостаточной информированности властителя в вопросах о том, как именно применять силу¹¹². Это приводит к появлению иных «правил уклонения», при которых власть уже не провоцируется на открытое столкновение, что, следовательно, благоприятствует тенденции мирного урегулирования.

9. В процессе символической генерализации кода власти (например, вследствие того, что бинарные схематизмы облегчают отрицание и тем самым упрощают общий контроль над обстоятельствами) возникают *проблемы консистенции*. В этой ситуации власть может усиливаться лишь в том случае, если существуют гарантии, что она не будет какое-то время сама себя дискредитировать. Это обстоятельство не в последнюю очередь является условием формирования ожидаемого поведения. Уже применительно к результатам селекций властителя тематическая нить его коммуникаций должна сделать понятной когерентность осуществляемых им отрицаний. Кроме того, на уровне символического кода консистенция власти как таковой может также оказать-

ся проблематичной и поэтому нуждается в символическом контроле со стороны самого кода.

Это имеет значение, прежде всего, в двух случаях: при распределении единой власти на все множество ее носителей, то есть при образовании сцеплений властных отношений, и при флуктуации отношений власти, вызванной сменой образующих власть ситуаций и преференциальных структур. Для обеих проблем уже в рамках самого кода власти могут быть предложены более или менее тонкие решения в форме рациональных редукций. На первую проблему (проблему образования властных сцеплений) код отвечает формированием *иерархически-переходного* порядка властных отношений. Такой порядок позволяет однозначно устанавливать, кто кому подчиняется, кто над кем начальствует и кто обладает наибольшей властью, причем в отношении любого числа носителей власти. Иерархия освобождает от необходимости всякий раз вычислять степень властных полномочий того или иного представителя власти и избавляет от столкновений на почве выяснения неясных властных отношений¹¹³. На вторую проблему (проблему флуктуации властных отношений) код власти может ответить гипотезой *константности суммы*. Эта гипотеза предполагает, что власть всегда дана в фиксированном количестве, так что любое ее изменение ведет лишь к ее перераспределению. Если кто-то усиливает свою собственную власть, то это ослабляет другого властителя. При четком определении сторон конфликта, особенно при образовании партий, эта гипотеза предоставляет возможность быстро осознать последствия такого изменения власти. Формализовываться данная гипотеза может в

виде процедуры голосования, которая выражает власть посредством голосов избирателей.

Принципы иерархии и константности суммы имеют смысл при наличии прямо противоположных условий. Принцип иерархии рушится, если приводит к конфликтам, меняющим распределение власти, так как он предполагает, что конфликты должны улаживаться на основе зафиксированного им распределения властных полномочий. А принцип константности суммы, наоборот, получает свое ориентирующее значение именно в связи с конфликтами по поводу распределения власти. И тем не менее оба принципа не вступают друг с другом в логическое противоречие. Для их одновременного применения требуется лишь организационное разграничение по вопросу о том, следует ли учитывать — и в каких именно интеракциях — конфликты, меняющие распределение власти.

К слову сказать, как иерархический принцип, так и принцип константности суммы представляют собой возможные компоненты власти как *кода*, а отнюдь не предпосылки *теории* власти¹¹⁴. Теория власти, напротив, должна исследовать функции, условия применения и, прежде всего, тонкий и несколько фиктивный характер подобных элементов кода власти. Но самой ей следует освободиться от соответствующих предпосылок для того, чтобы иметь возможность анализировать их как абстракции своей предметной реальности¹¹⁵.

10. Тот факт, что теория власти не может быть привязана к нормативным правилам самого кода власти, станет еще более очевидным, если, отойдя от уже рассмотренных редукций (символизации, бинарной схематизации, принципа иерархии, прин-

ципа константности суммы), рассмотреть вопрос о *поступательном облегчении исчислений*. Коммуникативное средство не должно перенагружать способность участников перерабатывать информацию. Помимо остальных, это требование также является основанием, имеющим значение для всех средств коммуникации; оно представляет собой своего рода переменную, конфигурация которой изменяется в соответствии с типом средства и комплексностью общественной ситуации, в рамках которой оно функционирует.

Часть проблем переработки информации всеми коммуникативными средствами выходит за рамки языковой коммуникации и относится к сфере восприятия. Не только любовь, но и власть предоставляют наглядные тому примеры. Внеязыковой властной коммуникации способствуют иерархические символы, символически воспринимаемые акты насилия и, не в последнюю очередь, персональное представительство, присутствие в интеракции лиц, облеченных высшей властью.

В содержательном плане проблемы информации тесно связаны с двумя другими вопросами: с формой мотивации и исчисления селекции. Существуют коды, например любовь и деньги, частично решающие проблему мотивации благодаря селекциям, реализованным партнерами, которые уже были мотивированы, хотя при этом и сохраняются высокие информационные нагрузки при выборе (селекции) самих таких партнеров. То же самое имеет значение и для власти, если не установлены устойчивые комбинации альтернатив. Однако осуществить это нелегко, поскольку партнеры, готовые подчиняться власти, едва ли склонны заявлять об этом

таким же точно образом, как это делают те, кто заинтересован в любви, истине или приобретении собственности. Поэтому многие — сами по себе вполне возможные — комбинации власти не удаются из-за чересчур высоких информационных перегрузок. Информационная нагрузка снижается в результате применения такого средства власти, как физическое насилие, которое почти не зависит от структур мотивации, а кроме того, в рамках организованной власти, которая основывается на заранее провозглашенном, универсальном подчинении и тем самым оперирует (насколько это вообще бывает возможно!) также независимо от мотивов.

Решение проблемы мотивации опирается на соответствующее решение проблемы приписывания. Мотивы бывают необходимы лишь там, где действие подвергается приписыванию¹¹⁶. В случае действия, мотивированного властью, селекция, хотя и осуществляется обоюдно, в своей тенденции приписывается лишь власти имущему, поскольку подчиненный не воспринимается как обладающий собственными, четко различимыми мотивами. Впрочем, это происходит не обязательно именно таким образом. Не всякое осуществление власти освобождает подчиненного, например, от уголовно-правовой ответственности. Однако код власти должен учитывать эту тенденцию смещения приписываемых мотивов в сторону властителя, легализуя и формализуя его. Например, подчиненный может подвергаться «официальному» принуждению и тем самым снимать с себя ответственность¹¹⁷. В экстремальном, специфическом коде власти, например в армии, это происходит даже без какого бы то ни было вмешательства подчиненного: скажем, в слу-

чае неясного приказа ответственность возлагается на офицера.

11. Если генерализированные коды коммуникативных средств должны лишь оформить и начать комбинировать множество вышеописанных функций, то на более высоком уровне властных притязаний и их осуществления растет и вероятность того, что внимание будет привлекаться к самому коду, представленному однозначными символами и правилами поведения. Это необходимо особенно в тех случаях, когда код приобретает нормативную форму. Такая норма должна сохранять значимость и для противоположного фактического поведения и поэтому опираться на способность кода формулироваться. Но каким же образом код может становиться объектом тематизаций, если эти тематизации постоянно несут в себе возможность его отрицания?

Любая коммуникация совершается в плоскости предпонимания, недоступного для отрицания в ходе данной коммуникации. Эта не подверженная отрицанию плоскость предпонимания меняется в соответствии с типом коммуникативного процесса и его тематической диспозицией. В староевропейской традиции такое предустановленное понимание присутствовало в языковой форме перфекции¹¹⁸. В рамках перфекции, например, политическая форма и порядок человеческой жизни рассматриваются как «прекраснейшая» общность¹¹⁹. В понятии перфекции вместе с возможностью усиления власти имплицитно присутствует и ее предел. Сама перфекция, как форма реальности, может поступательно восходить вплоть до *ens perfectissimum**, в котором отно-

* «Наисовершеннейшее существо» (лат.) — Прим. ред.

сительно несовершенное находит одновременно и свою основу, и основание для критики в свой адрес. Посредством этой логики перфекции не подлежащие отрицанию элементы кода могли формулироваться таким образом, чтобы завуалировать моменты отрицания в рамках кодированных процессов. Сопричастность совершенной истине имплицитно таила в себе возможность заблуждения, сопричастность совершенной власти имплицитно способствовала терпимому отношению к ограниченности реальной власти.

Эта логика перфекции, конечно же, нарушалась по самым разным причинам, среди которых можно выделить и чисто религиозные основания спекулятивного расширения потенциалов отрицания¹²⁰. Спусковым механизмом ее краха в сфере кода власти стала развернувшаяся в период позднего средневековья дискуссия о суверенитете, точнее, сформулированное в рамках этой дискуссии еще в стиле логики перфекции определение суверенной общности как *civitas superiorem non recognoscens* («гражданского сообщества, не признающего над собой никакой вышестоящей власти»)¹²¹. В какой бы форме ни представляли актуальные побуждения и какими бы — преимущественно итальянскими или преимущественно французскими — ни были источники, вдохновившие эту дискуссию, важно то, что в ходе нее внутри кода власти стали образовываться бóльшая свобода тематизации и более значительный потенциал отрицания, пока наконец тематизация кода не сделала контингентным и сам этот код, который отныне получил возможность представлять также и в иных формах.

Возникающие при изменении кода проблемы дол-

жны смягчаться в рамках кода власти недоступными для процесса отрицания предпосылками нового типа, поскольку в противном случае по поводу коммуникативного кода стало бы невозможно общаться, выдвигать в отношении него сомнения, обосновывать и изменять его. Здесь представляется уместным обратиться к понятию легитимности.

Власть, в конечном счете, должна получить легитимность. Легитимность обычно определяется через ценностный консенсус. Но в таком определении нет еще достаточной ясности. Возможно, его уточнению мог бы помочь тезис, согласно которому коммуникации по поводу кода медийного средства должны всегда управляться *другим* медийным средством¹²². С системно-теоретической точки зрения это означает, что системы коммуникативных средств на своем *высшем* символическом уровне утрачивают свою автономию и становятся весьма восприимчивыми к реалиям внешнего мира. Данную структуру средств управления можно вместе с Парсонсом представлять иерархически¹²³, что, однако, влечет за собой трудности в вопросе о том, как же в таком случае возможна коммуникация по поводу кода медийного средства, занимающего в иерархии самое высокое положение. Таким образом, мы вынуждены констатировать непоследовательность, вводя принцип внешнего управления высших медийных средств-символов другими высшими медийными средствами. Каждое общество нуждается поэтому в самых последних — не контингентных по отношению к нему — основаниях, которые ограничивают и контролируют все контингентности и общественные трансформации. Однако это все же противоречит феноменологически фиксируемым особеннос-

тям смысловой ориентации, сущность которой как раз и состоит в способности беспрепятственно указывать на новые возможности в рамках контингенции. Кроме того, данному тезису — о поглощении контингенции на уровне высших принципов — серьезно противоречит исторический опыт размышлений, скажем, представление о совершенном.

Принципиально иначе выглядела бы теория, которая попыталась бы разрешить проблему тематизации кода на основе исследований *медийного и системно-специфического типов оппортунизма**. Даже если, например, код власти получает свое двойное кодирование на основе права, и поэтому даже верховный властитель может быть признан неправым в своих действиях, а слабейшие из слабых облакаются правом и в конфликтных ситуациях могут быть признаны правыми, то и в этом случае вопрос о прерогативах власти или права должен подвергаться *в рамках системы рефлексии, оставаясь структурно нерешенным*. Ведь двойное кодирование отнюдь не означает, что предпочтения власти-права или безвластия-бесправия подменяют друг друга. Это было бы не только политической утопией, но и серьезным структурным изъяном. Речь идет о том, что дизъюнкции власти-безвластия и правового-неправового могут вступать друг с другом в определенные отношения. В такой структуре проблематика конечного баланса между правом и властью в разных случаях может оказываться различной, иначе говоря, может быть решена лишь

* Под оппортунизмом в данном случае понимается ориентация на согласие, отказ от обращения к альтернативам избегания, например к насилию. — *Прим пер.*

«оппортунистически»¹²⁴. Вместе с тем структурно важно избегать устойчивых идентификаций, то есть того, чтобы тематика или решение властителя формировали ожидания о его непреложной правоте. Принцип «*legibus solutus*»* должен быть последней уступкой¹²⁵. Это вовсе не означает, что надо или принимать случайные, в конечном счете, иррациональные решения, или следовать установившемуся порядку¹²⁶. Напротив, речь идет о том, чтобы, сталкиваясь со становящимся все более контингентным кодом, вырабатывать в конкретных ситуациях навыки ориентирования, обучения и принятия решений, которые предварительно структурируются благодаря самому этому коду. В частности, следует проводить различия между практическим оппортунизмом жизненного мира, его научным исследованием и оппортунистической процедурой научного анализа.

Другое следствие двойного кодирования заключается в том, что проблематика последнего основания (или, говоря в староевропейском стиле, перфекции) кода власти уже более не может формулироваться в терминах морали. Мораль ассоциирует коды-символы с условиями взаимосовместимого поведения людей. Теперь, когда в отношении друг с другом должны вступать две дизъюнкции, которые более не способны друг друга подменять, когда высший властитель как таковой предстает в виде индивида, способного совершить в том числе и неправомерные действия, весь блеск высшей власти более не может быть выражен с помощью единой, определяемой также в терминах морали, формулой совершенства.

* «Свободен от подчинения закону» (лат.). — Прим. ред.

Моральное требование к властителю, запрещающее ему совершать неправомерные поступки, сохраняет свою силу, но утрачивает свою структурно-общественную релевантность. Отныне оно характеризует не природу общества, не степень совершенства власти, а становится делом «чистой морали», для которой в субъективности сознания можно подыскать автономное обоснование.

Для комплексной структуры общества и власти симптоматично, что полноценное гражданское общество отказывается от привнесения в политику других коммуникативных средств. Иначе говоря, это означает, что политика более не легитимируется истиной. Такое положение дел становится возможным потому, что для управления политикой сформировался политический код нового типа с большим допущением оппортунизма, а именно в форме дихотомии *прогрессивного* и *консервативного*. Эта двойная парадигма отвечает строгим условиям кода в изложенном выше смысле¹²⁷. Она приспособляется к тому, чтобы для всякой возможной политической темы подбирать противоположный аргумент. Все, что существует, — в той степени, в которой оно поддается политизации¹²⁸, — может, с одной стороны, тематизироваться с прогрессивно-реформаторской точки зрения; с другой стороны, любое предложение об изменении существующего порядка вещей может наталкиваться на встречный вопрос по его обоснованию, на аргументацию, ратующую за сохранение старого. Сам по себе код не препятствует ни изменению, ни консервации. Он является формальным и именно поэтому может применяться универсально и в то же время — специфически тематически. Такой код порождает принуди-

тельное удвоение политической действительности, входя в структуру политических тематик и являясь условием их политизируемости. Если возникает некоторая тема, то тут же появляются и прогрессивные, и консервативные силы; при этом совершенно не важно, каким именно оружием из арсенала исторической терминологии каждая из них пользуется.

Не является случайным и тот факт, что для кодирования политики гражданское общество использует схему, в которой время приобретает структурирующую функцию. Было бы любопытно продемонстрировать, как этот политический код с его временной структурой оттесняет на задний план нейтральный по отношению ко времени схематизм права¹²⁹. Однако, как ни интересны эти вопросы, в рамках данной книги мы не имеем возможности рассматривать их подробно¹³⁰. Для целей нашего исследования достаточным будет лишь установить, что именно такой политический код в силу своей формальности и благодаря своей временности оказывается совместимым с оппортунизмом и поэтому делает общество независимым от жесткой иерархии коммуникативных средств¹³¹.

В рамках этого политического кода могут проблематизироваться и другие коды. Некоторые условия таких проблематизаций кодов мы можем назвать прямо сейчас, так как едва ли существуют труды, непосредственно исследующие эти вопросы. А именно речь идет: 1) о проблеме надежного обеспечения возможности продолжения интеракции (на уровне простых систем интеракций)¹³²; 2) о ситуационно достаточных эквивалентах кодовых функций в структуре систем интеракций и в понимании внеш-

него мира, например об общеубедительном определении ситуации в однозначно кризисных состояниях; 3) о возможности распоряжаться смежными кодами в рамках одного коммуникативного средства, где такие коды принимают на себя часть функций субститута и даже время от времени могут функционировать в качестве такого субститута, например, репутация может выступать субститутотом истины, неформальная власть может функционировать наряду с властью формальной, семейная история переплетенных биографий может быть субститутотом любви¹³³; 4) в отдельных случаях о весьма комплексных предпосылках обучаемости, которые делают возможным довольно быстрое образование альтернатив для ставших проблемными составных частей кодов.

Исходя из всего вышеизложенного, — и здесь мой подход отличается от традиционных подходов к проблеме легитимации — я вижу сущность данной проблемы не в недостаточном (не говоря уже о логически состоятельном) обосновании кода власти и не в его фактически терпимом принятии благодаря попеременному воздействию факторов консенсуса и насилия, но в существовании *структур и процессов, делающих возможными и контингентность кода, и контроль над ней*. Обоснование и терпимое принятие кода — всего лишь аспекты (притом сформулированные недостаточно научно) этой общей проблемы контроля контингенции. В нашей более абстрактной формуле снимаются старые постановки проблемы¹³⁴, смещаются акценты и взгляды на вытекающие из нее следствия. Центральное место отводится вопросу о том, как возможно, что *при высокой контингенции сохраняются дифференциация*

КОДОВЫЕ ФУНКЦИИ

цпи, иначе говоря, каким образом можно, с одной стороны, препятствовать превращению всех проблем коммуникации в проблемы кодов, то есть смешению структуры и процесса, и каким образом, с другой стороны, можно предотвратить разрушение дифференциации различных медийных кодов, то есть тому, чтобы власть не основывалась бы на истине, любви или деньгах?

IV. ВЛАСТЬ И ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

Власть конституируется посредством распределения предпочтений в пользу тех или иных альтернатив и поэтому содержательно зависит от констелляций данных предпочтений. В предыдущей главе мы удовлетворились этой общей констатацией, чтобы затем обратиться к общим проблемам кодов. Теперь мы собираемся сконцентрировать свое внимание непосредственно на задаче прояснения взаимоотношений власти и насилия.

Власть в ее связи с другими структурами социальных систем в качестве условия своего существования обладает определенным множеством альтернатив и определенным порядком предпочтений. Она не является абсолютно автаркичным предметным комплексом и как в вопросе условий своих возможностей, так и в вопросе уровня потребностей и притязаний зависит от внешних факторов. Часто замечают, что власть изменяется вместе с типом и мерой дифференциации общественной системы, а также в зависимости от уровня разделения труда в отдельных системах тех или иных организаций¹³⁵. Исходя из этого, в зависимости от типа альтернатив, которые либо оказываются предпочтительнее других, либо теряют свою привлекательность, можно конструировать различные типологии власти. Впрочем, подробно рассматривать эти варианты мы в рамках данного исследования, к сожалению, не имеем возможности. В целом же следует ясно осоз-

навать, что вместе с растущими вследствие дифференциации взаимозависимостями возрастают как возможности власти, так и потребность в ней, хотя вопрос об «адекватности» власти следует тем не менее рассматривать отдельно. Не стоит представлять дело так, будто общественное развитие автоматически порождает власть, в которой оно нуждается, будто власть возникает сама собой как побочный продукт общественной дифференциации, а затем используется обществом в целях перекрытия более высокой комплексности и более высокой контингенции возможных действия. В пикку этому подходу следует заметить, что власть, опирающаяся на структурно обусловленные зависимости, в ходе растущей дифференциации существенно ослабляется, получает функциональную специфичность и лишается локализации, скажем, как власть руководства ремонтной бригады над рабочими-сдельщиками в структуре предприятия¹³⁶. Формирующиеся при образовании власти структурные зависимости требуют поэтому соответствующей эластичности. Однако это не должно безоговорочно означать эластичности формирования соответствующих диспозиционных свобод конкретного властителя. Если в процессе дифференциации систем власть по мере своих возможностей и в соответствии с потребностями общества усиливается, то этот принцип роста зависит не от чего иного, как от соответствующих генерализаций самого кода власти. Следует искать такие основания власти, которые *не* зависят исключительно от общественной дифференциации, но могут применяться универсально. На уровне общества в целом этому служит такое основание власти, как *физическое насилие*.

Сначала вернемся к сформулированному в главе 1 тезису, в соответствии с которым в ходе актуального применения физического принуждения на основе средств телесного воздействия власть, по крайней мере в ситуациях, в которых это действительно происходит, исчезает. «*Nemo ad praecise factum cogi potest*»*, — гласит древнеримское судебное изречение. Физическое насилие поэтому не может пониматься просто как «последнее средство» на шкале усиливающегося давления со стороны власти. Напротив, в его соотношении с символически генерализованным кодом власти насилие имеет гораздо более общее значение, заключающееся в том, что оно опосредует отношения символического уровня с уровнем органическим, *не ангажируя при этом такие неполитические функциональные области, как экономика или семья*. Благодаря этому насилие делает возможным дифференциацию специфически политической власти, которая должна отвечать непререкаемому условию — не «вырождается» в физическое насилие.

Здесь представляется уместным провести анализ на уровне общей теории средств коммуникации, аналогичный тому, что мы проводили в ходе рассмотрения кодов коммуникативного средства власти. Ни одно средство коммуникации не может состоять исключительно из ряда генерализованных символов, скажем, представлять собой просто набор знаков. Все участники коммуникативного процесса подчиняются условиям и ограничениям, которые накладывает на них селективный характер их фи-

* «Никто не может до конца подчиняться принуждению» (лат.). — *Прим. ред.*

зической и органической природы, иначе говоря, подчиняются условиям совместимости с другими уровнями образования систем. Поскольку эти физико-органические предпосылки являются общими для всех участников, то можно говорить о симбиозе, и поэтому средства регуляции отношений между символическим и симбиотическим уровнями можно представить в виде *симбиотических механизмов*¹³⁷. Все средства коммуникации образуют симбиотические механизмы, но они обязательно зависят от степени дифференциации, генерализации и спецификации кодов, функционирующих в рамках определенных условий. С одной стороны, существуют *общие* симбиотические основания для всех коммуникативных средств, скажем, условия и ограничения органического потенциала переработки информации¹³⁸. С другой стороны, имеются особые, специфические для различных констелляций, схематизмы, которые в отношении *отдельных* коммуникативных средств приобретают порой *особую* релевантность (хотя, разумеется, все эти механизмы так или иначе предполагают друг друга). Так, в случае истины специфическую релевантность приобретает *восприятие*. В случае любви эту роль играет *сексуальность*. Код денег соотносится с *удовлетворением потребностей*. Власть же устанавливает специфические отношения с *физическим насилием*.

Несмотря на многообразие симбиотических механизмов всем им свойственны следующие проблемы:

1. Симбиотическое отношение *невозможно игнорировать*. В вопросе истины нельзя просто отвлечься от того, что дано в восприятии; точно так же в вопросах власти невозможно просто проигнорировать место локализации более высокого потенциа-

ла физического насилия. Отношение к симбиотическому уровню должно поэтому также регулироваться кодом.

2. Формулируя позитивно, симбиотические механизмы предоставляют управляемым коммуникативными средствами и согласованным с ними процессам своего рода гарантии *надежности*¹³⁹. По мере усиления селективности управляемого действия (переживания) обеспечение надежности становится все более важным для обеих сторон коммуникации. Чем менее надежно распределяется селекция, чем больше возможностей вмещает в себя представление, тем важнее знать, что именно было дано в восприятии. Так, если в брак могут потенциально вступать все партнеры, то сексуальность — как основа брачных отношений и доказательство любви — приобретает большее значение.

3. Для всех процессов характерно, что фиксация и обусловленность симбиотических механизмов в органических системах заставляет их *неспецифически* воздействовать на более высоком уровне конституированных смыслом процессов. Здесь они могут оставаться не до конца определенными и функционировать относительно независимо от структуры. На более высоких уровнях как раз на этом и основывается их функция. Хотя в аппарате восприятия организма присутствуют предустановленные ограничения, однако самих содержаний восприятия здесь еще не дано. Опираясь на физическое насилие, нельзя достичь всего, но насилие почти не нуждается ни в каких условиях для того, чтобы быть мотивированным. Правда, это качество не реализуется само собой. В свою очередь, оно зависит от символических процессов, которые его конституируют,

ибо в естественном жизненном мире первоначально еще не существует никакого физического насилия, никакого свободного от контекста восприятия, никакого либидо самого по себе, которое искало бы себе партнера. Следовательно, лишь функция медийного кода позволяет запускать симбиотический механизм таким образом, чтобы на символическом уровне могла быть востребована его независимость от фиксированных объектов и специфических смысловых структур. Этот эффект, как было сказано выше, варьируется в зависимости от возрастающих притязаний коммуникативных средств на большую дифференцированность, генерализацию и специфичность.

4. Поскольку в управляемые медийными средствами процессы коммуникации вовлечено большое число органических систем, то коды этих средств вынуждены заботиться о том, чтобы организмы и их психические системы управления не обособлялись; чтобы их связь обеспечивалась даже в обход имеющих смысл социальных коммуникативных отношений. Это осуществляется на основе *запретов самодовлетворения*. Для случая любовь-сексуальность эта связь представляется наиболее прозрачной. Истина также не может опираться исключительно на субъективное переживание ее очевидности в акте восприятия либо интуитивного прозрения. Аналогичным образом и власть едва ли смогла бы выполнять функции по наведению социального порядка, транслировать результаты своих селекций и выходить за пределы простого принуждения, если бы каждый индивид был способен самостоятельно и в любое время применять физическое насилие. Тот факт, что лишь благодаря экономической открыто-

сти собственность и деньги приобретают свой смысл и функцию, также лежит на поверхности, хотя данный код ссылается не на нормативные запреты, а на условия рентабельности экономического поведения.

5. Симбиотические механизмы получают специализированные на средствах коммуникации функции, отличающиеся прочно фиксированной организационной основой, лишь благодаря символически генерализованным кодам. Помимо этого, по мере роста притязаний на специфичность усиливается *зависимость от организации*. Но организационные процессы, кажущиеся последним основанием, сами в свою очередь опираются на специализированные социальные системы. Деньги приводят к удовлетворению потребностей лишь посредством организованной торговли. Научно релевантные восприятия в большинстве случаев доступны лишь на основе организованной подготовки. Физическое насилие, когда, скажем, на некоторой территории должно быть гарантировано подавление возможного сопротивления, предполагает участие множества людей и мобилизацию ресурсов. Само по себе насилие не является последним средством обеспечения надежности, а требует организации решений по его применению, и эта организация должна быть гарантированной. Даже сексуальность не представляется более основной гарантией любви, ее доказательством, а требует, со своей стороны, достаточного обеспечения надежности в виде продуктов фармацевтической индустрии. Такого рода цепи надежности предоставляют перед лицом тотальной ненадежности более высокие гарантии, так как они образуются гетерогенным образом и не могут порваться сразу во всех своих звеньях.

Эти основания сравнения с другими симбиотическими механизмами лежат в основе структуры теории насилия. Но не следует останавливаться на уровне простых аналогий, поскольку в этом случае функциональный анализ вырождается в чисто классификационные процедуры. Теоретический вопрос об эквивалентности разнородного требует выхода за пределы аналогий и соотнесения характеристик насилия с особенностями кода власти и его функцией специфической констелляции интеракций.

Физическое насилие, намеренно применяемое по отношению к людям¹⁴⁰, упорядочивается в рамках соотнесенного с действием коммуникативного средства власти¹⁴¹ благодаря тому, что *одно действие элиминируется им на основе другого*, исключая тем самым *коммуникативный перенос редуцированных предпосылок решений*. Обладая такими свойствами, физическое насилие как таковое не может быть властью, но оно образует непреодолимый пограничный барьер для конституирующей *власть альтернативы избегания*. Здесь становится понятен смысл рассмотренных выше свойств симбиотических механизмов: возможность применения насилия не может игнорироваться ни одной из сторон коммуникации; насилие обеспечивает сильному *большую надежность* в преследовании своих целей; оно *может применяться почти универсально*, поскольку в качестве средства оно не привязано ни к определенным целям, ни к определенным ситуациям или мотивациям участников коммуникации; наконец, поскольку речь идет об относительно простом действии, то его легче *организовать*, а значит, за исключением случая самоудовлетворения, и *централизовать*. Помимо этого, насилие демонстрирует

асимметричный порядок предпочтений, который требуется при образовании власти: для сильных насилие менее неприятно, чем для слабых¹⁴². Применение насилия является также кульминационным пунктом конфликта, в котором неизбежно должно выясниться, кто из сторон конфликта одержит победу. При этом выбор той или иной альтернативы в рамках бинарного схематизма ориентации проистекает из антиципации исхода конфликта. Если этот схематизм применять в качестве общественной альтернативы избежания, то в случае выбора позитивной альтернативы он дополняется схематизмом правового-неправового. Двойственная природа кода власти, образованная дихотомиями сильный-слабый и правовое-неправовое, покоится, следовательно, на удвоении негативных и позитивных комбинаций альтернатив, которые конституируют власть. Отсюда вытекает требование совместимости силы и права и одновременно понимание того, что сила и право не являются идентичными друг другу. В основе же возникшей в эпоху софистов и постоянно возобновляющейся дискуссии о «праве сильного» лежит слишком уж упрощенная теория власти.

Если такие свойства, как правота и сила, совпадают, то физическое насилие в процессе формирования власти приобретает исключительные позиции. Обладая способностью комбинировать названные аспекты, физическое насилие не может быть превзойдено никакой другой альтернативой избежания. Вместе с тем эта комбинация преимуществ ограничена рамками применения альтернатив избежания как таковых. Поэтому насилие всегда сохраняло и продолжает сохранять свою специфическую, соотносенную с властью природу, а следовательно,

ВЛАСТЬ И ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

не может симбиотически фундировать никакие медийные средства иного рода, скажем, истину или любовь. Непременное ограничение фундированной насилем власти состоит в том, что она может осуществляться практически универсально, но получаемая ею «прибавочная стоимость» не может быть непосредственно использована для завоевания позиций в сферах других коммуникативных средств.

На фоне этих размышлений становится понятным значение всех наших прежних усилий по истолкованию насилия в качестве альтернативы избегания. Например, насилие может осуществляться посредством демонстрации впечатляющей силы, провоцировать которую было бы безумием. Функциональным эквивалентом для этого становится гражданская техника *темпорализации* насилия. По мере дифференциации двойных временных горизонтов такая темпорализация становится возможной двояким образом: или как смещение в прошлое, или как смещение в будущее. Иначе говоря, она осуществляется в направлении того или иного неактуального, но релевантного горизонта современности. Насилие может интерпретироваться как *начало* системы, вызвавшее к жизни селекцию правил, функция, рациональность и легитимность которых получили независимость от своих исходных условий¹⁴³. Вместе с тем насилие может быть представлено в качестве *будущего* события, наступление которого пока еще можно избежать в современности, поскольку условия его применения хорошо известны. Оба вида темпорализации основываются на эффективном регулировании какого-либо современного поведения власти, а следовательно, на двойном кодировании власти посредством права. Они заме-

няют плоскую вездесущность насилия конкретикой регулируемой современности, которая совместима с временными горизонтами инородного, но не актуального прошлого или будущего.

Способы решения этой тонкой структурной проблемы, конечно же, обусловлены исторически и зависят от многих факторов. Они не только предполагают надежную монополизацию решений по применению насилия, но и, сверх того, достаточно комплексное отношение общественной системы ко времени. Если будущее и прошлое предстают в виде гетерогенных современностей, то различия временных модусов должны рассматриваться гораздо шире, а не только в соотнесенном с властью отношении к реконструкции общественной комплексности. Такая возможность впервые была реализована в буржуазном обществе XVIII—XIX столетий.

Теперь мы намерены сформулировать два других комплекса соображений, затрагивающих соответственно вопросы образования систем и генерализации.

Фундированная насилием власть отличается *относительно простым* (по своей форме близким к решению) принципом ориентации, который в то же время оказывается *совместимым с высокой комплексностью*. Согласно общим системно-теоретическим воззрениям, такой принцип ориентации, если он совпадает с *дисконтинуальностью системы и внешнего мира*, аккумулируя результаты совершенных простых шагов, может приводить к образованию комплексных систем¹⁴⁴. Транслируемые властью редукции, подкрепленные насилием, способствуют открытию новых источников власти, на пример властных сцеплений. На этой основе из

простых первоначальных условий может вырастать система контингентной комплексности, упорядочивающая эффективность которой делает эту систему во многом независимой от ее исходных условий.

В ходе подобного процесса, который никак нельзя назвать необходимым, дифференцируются генетические условия власти и условия ее контроля. Насилие — это всего лишь генетическое, минимальное и непереносимое условие основания системы власти, но постепенно оно утрачивает функции контроля над нею. Возможность рационального истолкования системной комплексности со временем становится проблемой. Возникновение современного суверенного государства на основе монополизации решений о применении насилия, разрастание его постепенно выходящей из-под контроля комплексности представляет собой в общегражданском плане показательный пример подобного развития. Одновременно с этим наша теория власти объясняет также возможность возникновения в данной ситуации революционных кризисов, то есть попыток обращения к насилию с целью изменения неконтролируемой комплексной системы путем регрессивной прогрессии.

Похожий разрыв на линии возрастающей власти мы обнаруживаем при анализе проблемы ее *генерализации* на основе насилия. Структура коммуникативных средств оказывается слишком сложной для того, чтобы их функция могла возрастать линейно. Развитие способностей распоряжаться средствами насилия касается лишь определенной, хотя и важной альтернативы избежания. Оно быстро достигает предельной точки, в которой прекращается рост надежности и, тем более, усиление власти. Дальней-

шее усиление власти перестает зависеть от того, насколько надежно обеспечивается победа в физической борьбе, или от того, сколь мало усилий требуется для этой победы. Власть обретает структурные основания нового типа, которые мы обозначили как потребности в символически генерализированных кодах. Генерализация символического кода перестает сводиться к единственной форме универсального средства насилия, которое можно использовать для достижения почти любых целей. На более высокой ступени развития власть получает тем более общий характер, чем больше она оказывается способной комбинировать весьма разнородные ресурсы и связывать их с селективностью в довольно разнородных ситуативных контекстах¹⁴⁵. Поэтому наиболее генерализированной властью является не та, которая предоставляет властителю случайно-разнообразный выбор из широчайшей области альтернатив избежания, так как столь обширную комплексность он был бы не в состоянии редуцировать самостоятельно, но та, которая способна, подобно деньгам, реализовать широчайшую вариативность, ибо определяет предпосылки для принятия решений другими лицами. Однако решающее условие этой функции состоит не в способности распоряжаться средствами насилия, а в рациональном контроле над предельно комплексными связями между решениями.

Усиление власти, если она преодолевает относительно элементарный порог, трансформирует ее в *не случайную и не произвольно актуализируемую форму*. Не в последнюю очередь это связано с тем, что вместе с основной властью конституируется и другая, противоположная ей власть. Этот факт был ус-

тановлен нами в ходе анализа образования властных сцеплений. Это всегда имеет место в том случае, когда подчиненный воздействует на властителя, заставляя его учитывать условия и специфику ситуаций, в которых он может осуществлять свою власть. Также и провоцирование насилия является примером такой противоположно направленной власти. Условия роста власти имеют свои ограничения. Именно в силу этого можно сформулировать теорию даже самой высокой власти.

Подводя общий итог всех наших размышлений на тему насилия, следует констатировать, что распространенное представление о противоположности или одномерной полярности между легитимностью и насилием либо между консенсусом и принуждением¹⁴⁶ ошибочно. В рамках данных представлений речь, по-видимому, идет о гражданско-повседневной конструкции, параллельно формулирующей изложенную нами выше проблему темпорализации и дезактуализации насилия. Этот концепт является составной частью самого кода власти, то есть является поведенческим предписанием и означает, что властитель, прежде чем применять насилие, всегда должен заботиться о консенсусе. Подобный анализ был бы в качестве теории власти, а особенно — в качестве понятийного инструмента для анализа отношений между результатами генерализации, совместимостью (несовместимостью) средств-символов и симбиотическими механизмами, чрезмерным упрощением.

Ни легитимность, ни насилие не могут сформироваться без помощи симбиотических процессов. Эти понятия не просто характеризуют две противоположности или два противоположных полюса едино-

ВЛАСТЬ И ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

го измерения, как если можно было бы сказать, что чем больше насилия, тем меньше легитимности, и наоборот, но, напротив, представляют собой символические взаимозависимости, которые проявляются там, где регулирование отношений с симбиотическим уровнем, то есть с органической основой совместной жизни, не может быть осуществлено без учета других требований к коммуникативным средствам. Взаимодействие обоих названных уровней требуется для контингентности процесса, а условия этого взаимодействия являются эволюционно вариативными. Прежде всего они зависят от степени дифференциации специфически политического механизма власти и от его универсальной доступности для всех членов общества.

В следующей главе мы снова обратимся к теме вариативности общественно-структурных требований к власти и насилию, а именно рассмотрим их с точки зрения технологичности власти.

V. ЖИЗНЕННЫЙ МИР И ТЕХНИКА

В предыдущих главах нами был исследован механизм власти в его предельно специализированной форме дифференцированного средства коммуникации. При этом мы не забывали о существовании множества разнообразных коммуникативных средств. Однако, если даже рассматривать их все вместе, сфера их действия все-таки не покрывает собой всего того, что в самом широком смысле слова принято называть «влиянием». Все коммуникативные средства развиваются лишь при наличии специфических констелляций интеракций, а значит, и особых проблемных ситуаций, делаая возможными разрешение последних. С самого начала они предполагают фактическое человеческое общежитие, социальный «жизненный мир».

После Гуссерля¹⁴⁷ часто пишут о том, что практическое общежитие людей в повседневных интеракциях протекает на основе очевидной уверенности в существовании реалий мира, неважно, представляются ли они проблематичными или же не проблематичными. Утрата очевидности — исключительно редкий случай. Основания социального общежития и условия его долговременного существования в нормальном случае не нуждаются в осмыслении, обусловленное им поведение не требует оправдания, а мотивы такого поведения — специального рассмотрения и демонстрации. Проблематизации и тематизации никогда при этом не исключаются и всегда остаются возможными. Этих неактуальных воз-

возможностей в качестве базиса интеракций в нормальном случае оказывается вполне достаточно; если они никого не беспокоят, значит, все функционирует нормально.

Это фундаментальное условие жизненного мира повседневности нельзя элиминировать. Оно покоится на узости и слабости человеческой способности осознанно перерабатывать переживания. Ни культурный прогресс, ни рост технических или нормативных факторов, зависимостей или регламентаций, ни феноменологическую программу выявления всех смысловых конструкций изначальной субъективности нельзя понимать в качестве процесса постепенного переоформления неосознанного содержания сознания, постепенного перехода от первичной наивности к рациональности. Ни развитие, ни просвещение не следует считать простым замещением плохого хорошим. Жизненный мир в своем статусе горизонта неактуализированных возможностей всегда остается предсознанным. Поэтому рост эффективности социального порядка возможен лишь в виде умножения формулируемых и не формулируемых, проблематизированных и не проблематизированных смысловых предпосылок социального общения.

В условиях социального общения возрастание эффективности принимает форму техники. Снова следуя Гуссерлю¹⁴⁸, но отказываясь от его негативной оценки техники с позиций трансцендентальных мыслительных возможностей, мы усматриваем сущность технического в разгрузке смыслообразующих процессов переживания и действия от восприятия, формулирования и коммуникативной экспликации всех вытекающих смысловых отношений.

В пограничном случае техника принимает форму автоматизации и калькуляции при переработке информации, оперировании идеальными единицами, исключая в ходе этих операций из сознания их более широкий смысл. Технизация делает возможной селективную обработку комплексных обстоятельств и тем самым вызывает к жизни новую организацию возможностей мира, который остается при этом совместимым с границами сознания и, таким образом, сохраняет свой статус жизненного мира.

Данное социологическое понятие техники гораздо шире понятия машинной техники. Поэтому с самого начала трудно определить его корреляции с другими общественно-структурными переменными. В отличие от машинной социологически понимаемая техника не так непосредственно ассоциируется с первичными факторами общественного изменения: организацией труда, господством над природой, производственными отношениями, экономическим строем, классовым разделением (хотя такие связи и не исключаются). Вследствие своей широты оно совпадает с размерами общественной системы в целом. Можно предположить, что на высокой ступени развития технизация общества непосредственно затрагивает все его функциональные области.

Если в основу нашего анализа положить это широкое понятие техники, то можно будет лучше представить себе дифференциацию средств коммуникации и, в частности, дифференциацию власти как формы проявления техники. Техническое начало в структуре средств коммуникации коренится в свойствах бинарных кодов и заключается в схематизации процессов, первоначально протекающих в слу-

чайной форме; оно проявляется в регулировании последовательностей операций и усилении их селективности на основе образования сцеплений. Все эти технические свойства превышают возможности обзора реальности отдельными участниками и выходят за пределы их непосредственной ответственности. Столь же важной представляется и способность техники символизировать возможности таким образом, чтобы процесс селекции мог реагировать не только на действительное, но и на возможное (или на действительное в его возможности предстать в иной форме). Кодирование и символизация разгружают сознание и благодаря этому усиливают способность ориентироваться в различных контингенциях¹⁴⁹. Однако все это, как и сама технизация жизненного мира, становится возможным и приобретает смысл только при наличии определенных эволюционных предпосылок.

Там, где могут возникнуть предпосылки образования специализированных медийных кодов, обладающих указанными выше техническими функциями, выстраивание комплексных систем ускоряется за счет своего рода автокатализа. Ориентация на относительно *простые* и взаимно приемлемые правила социального общения при наличии *случайно* варьируемого по отношению к системе внешнего мира приводит к выстраиванию все более комплексных структур¹⁵⁰. Простота и случайность являются относительно непритязательными условиями выстраивания комплексности. Поэтому сами по себе эти условия принятия решения еще не гарантируют сохранение складывающихся систем, не обеспечивают их саморегуляцию. Таким образом, проблемы сохранения и устойчивого воспроизводства сис-

тем выступают по преимуществу в качестве побочных проблем технического развития и вследствие этого требуют применения техник особого рода, формирующихся на базе уже достигнутой сложности. В настоящее время становится все более очевидным, что то же самое имеет смысл и в отношении конституированных властью систем политики и управления.

Нижеследующий анализ будет посвящен прояснению на примере власти отношений между жизненным миром и техникой; одновременно мы также намерены выявить условия развития данных отношений. Эту тему, типичную, скорее, для науки, с помощью общей теории средств коммуникации можно приложить и к практической области власти-права-политики. При рассмотрении последствий усиления кода власти, его способности абстрагировать, идеализировать и схематизировать, выявлении редукций и оптимизаций ориентирования параллельно следует проанализировать технизации иного типа, скажем, в области логики или денежного обращения. Вместе с тем их можно понимать и как «отклонения» от основополагающих феноменов социальной жизни, как «нормализованные невероятности», как структуры, которые всегда предполагают, что в нормальном случае влияние не должно имплицитно или эксплицитно основываться на власти, но может актуализироваться мимолетно и ситуативно, не вызывая существенного резонанса. Власть предполагает, что перед ней стоит не слишком много проблем, причем эти проблемы она может разрешить сама. По аналогии с этими регулируемыми властью коммуникациями следует предположить, что и у кодов других видов

ЖИЗНЕННЫЙ МИР И ТЕХНИКА

коммуникаций не должно быть слишком много проблем.

Опираясь на сформулированные предположения, мы намерены рассмотреть в остальных главах этой книги следующие тематические комплексы:

1. Как возможна генерализация опосредованного смыслом влияния, возникающего в процессе трансляции поведенческих редукций? Как условия дифференциации и технизации селективно воздействуют на формы генерализации влияния? (Глава шестая).

2. Какие риски сопровождают невероятные с эволюционной точки зрения и с позиции жизненного мира достижения? Какие формы поглощения риска им соответствуют? (Глава седьмая).

3. Какая связь существует между технизацией коммуникативного средства власти и возрастающей в ходе эволюции дифференциацией различных уровней образования систем (общества, организации, интеракции)? В каком смысле власть была и остается специфически общественным феноменом? (Глава восьмая).

VI. ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ ВЛИЯНИЯ

Под влиянием — в общем и без какой-либо детальной квалификации — мы будем понимать трансляцию результатов редукции¹⁵¹. Являясь основой различных возможностей селекции, влияние обеспечивает универсальное смысловое ориентирование. Смысл всегда синхронно конституирован — временным, предметным и социальным горизонтами¹⁵². Отнесения к другому времени переживания, другим предметам переживания и другим переживающим лицам не могут быть элиминированы из переживания смысла, хотя в определенных отношениях их можно отрицать или выносить за скобки путем абстрагирования. Отсюда следует, что смысл генерализируется в указанных трех направлениях. Причем генерализируется он в той мере, в какой утрачивает зависимость от различий, существующих в рамках конкретных измерений, то есть от того, когда, что и кем переживается. Всесторонняя генерализация смысла является условием относительно независимого от контекста и ситуации использования смысловых содержаний, а значит, она оказывается предпосылкой всех видов технизации. Важнейшим инструментом генерализации выступает язык¹⁵³.

Этот общий подход мы рассмотрим на примере отдельного случая влияния, вызывающего не только переживание, но и действие. Прежде всего следует проанализировать генерализацию мотиваций того, кто должен побуждаться к определенному дей-

ствию. Такой человек переживает свою ситуацию и свои возможности осмысленно и контингентно. Фиксируя направленное на него влияние, он осуществляет селекцию и для этого нуждается в мотивах. Последние, как и любой смысл вообще, могут генерализоваться во временном, предметном и социальном измерении. В случае временной генерализации нейтрализуются временные различия: Эго поддается влиянию потому, что оно уже делало это прежде, потому, что существует история, требующая своего продолжения¹⁵⁴. В случае предметной генерализации нейтрализуются предметные различия: Эго поддается влиянию, так как в других случаях оно также поддавалось влиянию; свою уверенность в правильности принятия одного содержания коммуникации оно переносит на другое. В случае социальной генерализации нейтрализуются социальные различия: Эго поддается влиянию, потому что это влияние оказывается и на других. Для более отчетливого обозначения трех данных типов генерализации назовем генерализированное во времени влияние *авторитетом*, предметно генерализированное влияние — *репутацией*, а влияние, генерализированное социально, — *лидерством*¹⁵⁵. Авторитет, репутация и лидерство различаются своей направленностью, но остаются при этом полностью совместимыми друг с другом генерализациями мотиваций в ситуациях подчинения влиянию¹⁵⁶. Авторитет, репутация и лидерство представляют собой относительно «естественные» формы генерализации мотивов. Это подразумевает, что их возникновение и выстраивание в форме ожидаемых структур можно наблюдать уже в простых системах интеракции¹⁵⁷, то есть они могут осуществляться и при от-

сутствии строгих предпосылок. Далее, эти формы способны развиваться в направлении все более высокой степени генерализации. Их развитие и рост, как и в других аналогичных случаях, протекает не стихийно, но отвечает определенным условиям совместимости и вытекающим из них следствиям. Нам следует составить себе хотя бы предварительное представление об этих взаимосвязях для того, чтобы затем, учитывая пределы естественных генерализаций влияния, выделить специфические функции коммуникативного средства власти, или, как мы теперь можем иначе сформулировать, функции технизации трансляции редукций.

Авторитет образуется на основе дифференциации шансов, приобретенных благодаря предшествующим действиям. Если коммуникации, использующие (неважно, по какой причине) влияние, всегда оказываются успешными, они консолидируют ожидания, которые еще более усиливают вероятность успешного исхода, облегчают новые попытки и уменьшают возможность отклонения¹⁵⁸. После некоторого периода гладко протекающих коммуникаций на основе влияния возможное отклонение обескураживает, ведет к разочарованиям, трудно представимым последствиям и поэтому нуждается в специальных обоснованиях. Авторитет, напротив, поначалу не нуждается ни в каком оправдании. Он, если угодно, покоится на традиции, однако не нуждается в том, чтобы к ней апеллировать¹⁵⁹.

Репутация покоится на предположение, что под действия на основе влияния можно подвести основания их правильности¹⁶⁰. Вместе с тем предметная генерализация влияния представляет собой такое направление генерализации, которое более всего

приближено к когнитивным механизмам. Научные теории поэтому могли бы использовать понятие репутации для обозначения возможного субститута истины¹⁶¹. Генерализация мотивов в этом случае осуществляется благодаря тому, что общая способность объяснения и аргументации принимается *относительно некритически* или, зарекомендовав себя в ряде успешных случаев, транслируется на другие ситуации¹⁶².

Основание подобного отношения также и в данном случае предстает в качестве некоторой *возможности* — чистой возможностью повторного вопрошания и сомнения, которая, однако, не реализуется на практике. Эта возможность обладает своего рода моментом неопределенности, точнее, моментом отсутствия необходимости полной определенности, который несет на себе генерализация. В той мере, в какой основания для определенных решений являются ясными и общепризнанными, репутация утрачивает свое значение. Поэтому часто говорят, что большая предметность в производственных коммуникациях приводит к отмиранию иерархических функций на предприятиях¹⁶³.

Лидерство — здесь мы отсылаем читателя к исследованиям в области теории групп — вырастает из повышенной готовности людей следовать за кем-то, опираясь на опыт, подсказывающий им, что то же самое делают и остальные, иначе говоря, из имитации. Одни люди поддаются влиянию потому, что ему подчиняются другие, а те другие — поскольку это делают первые. Если влияние оказывается на несколько индивидов и это соответствует их ожиданиям, то лидер может выбрать одного из них в качестве объекта влияния. Он получает в свое распо-

ряжение альтернативы, которые, в свою очередь, становятся для других людей фактором ориентации. Лидер приобретает независимость от конкретных условий послушания, которые могли быть предоставлены ему отдельным индивидом. Отдельный человек теряет свои прежние возможности влияния и для их возвращения должен настроить против лидера группу. Но и лидер должен прилагать усилия для сохранения — пусть и иллюзорного — группового климата, а именно для сохранения разделяемого всей группой убеждения, что и другие люди, не входящие в группу, готовы признать его в качестве лидера, так как в противном случае они непременно окажутся в изоляции.

Вышеописанные временные, предметные и социальные генерализации обладают определенными общими особенностями. В качестве условий возможности образования ожиданий они предполагают наличие объекта идентификации, а тем самым и известную централизацию смысловой структуры системы на базе выделенных тематик коммуникации, например вокруг общих целей или выдающихся ролей. Для создания ожидаемого влияния следует ссылаться на что-то определенное, интегрированное в рамки системы¹⁶⁴. Это неизбежно влечет за собой выстраивание более комплексных структур, которые следует понимать как неслучайные связи высокого уровня.

Такое выстраивание структур с тематической и (или) ролевой концентраций отнюдь не предполагает полной спецификации ни в рамках соответствующего горизонта, ни в функциональном отношении. Ни один лидер не может опираться исключительно на социальный аспект всестороннего един-

ства ожиданий. Для принятия правильного и успешно реализуемого решения в определенной предметной области он непременно должен учитывать достоверную информацию и проверенную репутацию. Достоверности же нельзя достичь без учета тематик и задействованных лиц. Значит, такая временная генерализация, как формирование авторитета, не может разворачиваться совсем без учета репутации, и, как только эта репутация становится предметом коммуникации, начинается и соответствующая социальная генерализация. Именно в том случае, когда правильность решения не может быть обоснована быстро и непосредственно, начинают учитываться мнения других и готовность следовать за лидером. Впрочем, какие бы важные узловые моменты ни выявлялись в данном случае, следование исключительно аналитическому различению разнородных смысловых измерений не является необходимым условием реального — и даже возможного — функционирования социальных систем.

Здесь мы видим не только препятствия на пути генерализации и абстрагирования отношений влияния, но одновременно и границы функциональной дифференциации социальных систем. Временные генерализации мотивов, при всем интересе к «закономерностям» социальной жизни, невозможно полностью отделить от фактической истории системы с ее разнообразно-конкретной вовлеченностью в другие контексты. Репутация при всей своей понятийной абстрактности и высокоразвитой вербальной истории также неизменно соотносится с наличным знанием. Короче говоря, в различных смысловых измерениях генерализации взаимно обуславливают и предполагают друг друга¹⁶⁵. Односторонние

ориентации в рамках только одного измерения возможны лишь ограниченно и, во всяком случае, всегда рискованны. Для достижения высоких возможностей комбинирования, свободы выбора и смены диспозиции следует учитывать заданные контексты, которые являются носителями генерализации мотивов.

Благодаря дифференциации специального коммуникативного средства власти влияние на действия в какой-то степени отделяются от исходных условий генерализации мотивов. Власть в целом может быть более независимой от мотивационных предпосылок, чем влияние. Она — особенно при обращении к подавляющему физическому насилию — опирается на описанные выше констелляции предпочтений. Подобные констелляции могут стандартизироваться. Власть способна становиться независимой от более ранних средств ее обеспечения и традиции, а тем самым и от фиксированных тематик, лиц, типов ролей или контекстов, с которыми прежде были связаны гарантии ее исполнения. Она может приобретать иммунитет к готовности других следовать за лидером, как только это перестает быть фактором самой власти. В результате власть становится более совместимой с изменением тематик коммуникаций и сменой властителей, то есть с более высокой мобильностью системы. Все это является предпосылками социального признания *контингентности* влияния, иначе говоря, признания следствий чужой редукции реализуемого в рамках этой контингентности потенциала действий, хотя сама эта контингентность осуществляется *только на основе собственного решения*.

Таким образом, дифференциация кода власти де-

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ ВЛИЯНИЯ

лает процессы влияния в известной степени независимыми от слишком конкретных исторических условий их временной, предметной и социальной генерализации. Это позволяет увеличить селективность процессов влияния и инновативно использовать их в гетерогенных ситуациях. Тем не менее более высокая мобильность и свобода от контекста в процессе трансляции селекций представляют собой лишь *возможности*, могущие реализоваться посредством власти. Дифференциация, символическая генерализация и спецификация средства коммуникации являются предпосылками реализации этой возможности. Правда, они ничего не говорят о других условиях, обеспечивающих действительность или хотя бы вероятность соответствующих связей действий. Общность условий протекания конкретных событий по своей природе весьма комплексна и не может быть выявлена без рассмотрения определенных исторических ситуаций. Одна лишь власть еще не является достаточным условием своей самореализации (как если бы она в одиночку была способна учредить саму себя). Но никакая иная «власть», в свою очередь, не может приписываться власти; никакой «власти власти» быть не может. Таким образом, для прояснения общественно-структурных условий, в которых осуществляется развитие и институционализация абстрактных, эффективных и результативных медийных кодов, требуется основополагающий эволюционный и системно-теоретический анализ¹⁶⁶.

Эти соображения теперь можно интегрировать в рамки отношений между жизненным миром и техникой. Технический характер власти ослабляет определенные ограничения, накладываемые на гене-

рализацию естественных жизненно-мировых ожиданий. Он делает вероятными более широкие возможности и тем самым более высокую свободу выбора внутри системы. Одновременно на этой основе возрастает селективность решений власти и, в конечном счете, селективность самого кода власти. Отнюдь не случайно, что *политически* конституированные общества начинают испытывать *контингенцию* и проблематизировать ее¹⁶⁷.

В прошлом контингенция понималась и перерабатывалась в религиозной форме¹⁶⁸. Пример из более близкого нам времени делает контуры исследуемой здесь проблемы еще более отчетливыми, а именно: используемая в естественных науках математическая конструкция мира и создаваемая на ее основе автоматическая техника убеждают в том, что высокая селективность и контингенция технических достижений ни в коем случае не допускают случайности, неопределенности, произвола или произвольности возможных переживаний и действий¹⁶⁹. Напротив, в данном случае выявляется все более тесная зависимость поведения от строгих условий и ограничений. Аналогичным образом, усиление власти приводит к обострению теоретических, организационных и технических проблем, связанных с принятием решений. Сильная власть неизбежно предстает в виде контингентного решения. Поэтому ей можно предъявлять больше условий, усугублять больше ограничений, требовать от нее большей осмотрительности. По сравнению с грехами простого человека, в котором никогда не умирает надежда на справедливость властителей, список прегрешений власти постоянно удлиняется¹⁷⁰. Однако данную постановку проблемы можно лишить ха-

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ ВЛИЯНИЯ

ракторного морального аспекта, сформулировав ее более абстрактно, а именно — как растущую зависимость возможностей и ограничений. В рамках подобной концепции высокий рационализм сильной власти заключается не в преследовании форсируемых и тем не менее всегда остающихся проблематичными хороших целей, но в том, что все большее число возможностей подвергается все большему числу ограничений. Рациональность как раз и состоит в этой *связи* возможностей и ограничений, а отнюдь не в степени эффективности властных действий. Рост рациональности требует все более абстрактных критериев принятия решений. Данное обстоятельство и выявляет технический характер власти и ее рациональности. В этом смысле техника власти может пониматься как демократия, нормироваться в соответствии с ее конститутивными предпосылками и вновь получать свое моральное обоснование. Предпосылкой здесь служит то обстоятельство, что ограничения власти составляют одно целое с условиями совместимости общественных структур¹⁷¹.

VII. РИСК ВЛАСТИ

Развитые формы институционализации медийных кодов мыслимы лишь в том случае, если результаты селекции управляемых коммуникативными кодами процессов (и даже результаты селекции самого кода) являются социально прозрачными. Для того, чтобы предполагать, что другие люди тоже ориентируются на специфически кодированные основания, необходимо знать, что селекции вообще как-то осуществляются, или хотя бы верить в это. Прежде всего это касается дифференцированных средств коммуникации, переставших репрезентировать общую реальность.

По мере роста селективного сознания все более осознается и связанный с ним риск. Сначала он тематизируется на уровне процессов селекции и трансляции как риск совершения ошибок. При таком формулировании проблемы ее решение видится в установлении стандартов правильной селекции. Это в равной степени касается всех коммуникативных средств, хотя свойственные каждому из них правила мышления, мораль, догматика и организационно-институциональные предписания, вырабатываемые и рекомендуемые в том или ином случае для избежания опасности, имеют ярко выраженные различия. В случае власти люди боятся злоупотреблений со стороны властителя. Как только централизованная власть стала явной и определенной, сразу же возникла проблема тирана, деспотически и самовольно распоряжающегося властью.

Этому состоянию посредством связанной с теми или иными институтами этики соответствовала определенная политическая теория. Таким образом, в данной формулировке проблема риска дифференцированной власти ставилась в зависимость от властных структур и поэтому должна была решаться в каждом конкретном случае отдельно.

Буржуазное общество нового времени с самого начала осознавало, что уровень развития существующих в нем отношений уже не отвечает такому определению опасности и пониманию того, как ее избежать. Причины этого представляются довольно комплексными, и здесь у нас нет возможности анализировать их подробно. Они кроются в отношениях политики с другими общественными системами, в возрастающей генерализации политических целей и иных формул единения, а также в общественно необходимом усилении власти. Высшей точкой этого развития стали дискуссии на тему суверенитета. В результате этих изменений буржуазная революция, когда она окончательно оформилась как политический процесс, уже не могла использовать обычный механизм коррекции властных злоупотреблений, основанный на принципе решения отдельных частных проблем. И это было также совершенно ясно формировавшемуся в ходе буржуазной революции сознанию.

Менее ясным до сих пор остается то, какое именно понятие риска власти могло бы придти на смену старому, хорошо сформулированному, обладающему солидной моральной опорой, «право-мочному» концепту злоупотребления властью. То, что данный концепт еще не отжил свой век, но, напротив, благодаря технике усилился, стало ясно в эпоху, пре-

взошедшую все предшествующие столетия масштабом и эффективностью властных злоупотреблений. Эта беспомощность старых средств против новейших властных злоупотреблений, включающих и право на восстание, заставляет задуматься. Столь же очевидно, что простая генерализация старых тематик злоупотребления и подавления, скажем, в концепции «структурного насилия», «господствующих классов» или в весьма наивном представлении о капиталистах и плутократах, извлекающих «прибавочную стоимость», уже не отражает реальность, а служит лишь для стимуляции агрессии. Синдромы представлений этого типа не поддаются анализу на предмет выявления эвристической силы их понятий. И если по мере роста общественных взаимозависимостей властные потенциалы, стремясь вызвать политический резонанс или реакцию, еще принимают форму абстрактных идей или мистификаций, то это является лишь слепым рефлексом самих властных отношений (а следовательно, одним из аспектов риска власти)¹⁷². Наконец, другой подход, заключающийся в простом «продолжение» темы революции в смысле гегелевского прогноза¹⁷³, заставляет думать прежде всего о требованиях совместимости высшей власти с нестабильными политическими отношениями, однако в силу своей замкнутости на исторической теме он не содержит достаточно дифференцированного анализа проблемы риска. Способна ли теория коммуникативных средств вывести науку из этого замкнутого круга?

Для более общей постановки проблемы сначала следует выяснить связь нашей теории с теорией эволюционной. В процессе эволюции в нормальном случае побеждает более вероятное, поскольку оно

встречается чаще и стремительнее воспроизводится. Невероятное поэтому должно появляться и сохраняться вопреки общей тенденции (или, как сказали бы ученые-естествоиспытатели, вопреки тенденции возрастания энтропии). Эволюция — это порождение невероятностей, или, если угодно, их нормализация. Помимо прочего, эволюция всегда предполагает проблему времени, а именно проблему временной конкуренции между вероятными событиями; например, в органической эволюции это происходит посредством катализа или контроля над темпами воспроизводства. В связи с этим возрастает и возможность сбоя. Если относительно вероятное вступает в конкуренцию за шансы воспроизводства с относительно невероятным, то время структурируется, а именно оно перестает быть для происходящих событий чем-то равновероятным и безразличным, но приобретает необратимость в том смысле, что утраченные возможности уже более никогда не возвращаются (если, конечно, их воспроизводство, как исключительный случай, не обеспечивается структурно).

Таким образом, эволюция в общем смысле ускоряет темп движения и ведет к росту взаимозависимостей, дифференциальных временных ограничений и риска, в свою очередь обуславливающих и усиливающих друг друга. Этому соответствуют, с одной стороны, дифференциация особых ролей и, позднее, особых символических кодов, служащих исполнению власти, а с другой стороны, усиление, концентрация и спецификация риска в одной точке. Такая дифференциация соответствует своей функции в том случае, если она обеспечивает ускорение и контроль над временной последовательнос-

тью событий благодаря тому, что делает общество независимым от случайного характера транслируемых решений¹⁷⁴. Тем самым концентрация риска приобретает иную форму: она делается более зримой и, следовательно, более контролируемой селективной практикой властителя. Из временного горизонта риск смещается в сторону проблем предметной адекватности действий властителя и социального консенсуса. Это проблемное состояние обычно регистрируется как «комплекс тирании» и описывается вполне традиционно.

То, что прежде всегда представляло как угроза «чрезмерной власти», в новое время распознается также и как опасность «недостаточной власти». Отсюда вытекает риск нового рода, а именно риск потери функциональности, явной неэффективности и распада власти, который, обнаруживая себя, лишь возрастает.

Исходным пунктом этой проблемы является быстро растущая по мере общественного развития потребность в решениях, рост которой не способны перекрыть никакие достижения в области принятия и трансляции решений. Способность разрешать проблемы перед лицом естественных констант любого рода (относящихся как к «внешней», так и к внутренней «природе») возросла настолько, что почти каждая селекция уже изначально является решением или может быть к нему сведена. Но поскольку это бремя решений, очевидно, не может быть возложено на одну-единственную инстанцию, которая бы обеспечивала управление из единого центра, то организация решений и тем самым цепная трансляция власти становятся проблемой. Хотя мы практически ничего не знаем об отношениях между ког-

нитивной комплексностью и структурами власти в организациях (это, видимо, станет важной областью будущих исследований темы организаций), в ходе рассмотрения проблемы в рамках теории общества становится очевидным, что потенциал решений имеет ограничения, становящиеся источниками власти, причем в двойном смысле: 1) как власть, блокирующая властные цепи, которая может ни на что не воздействовать и ни за что не отвечать, но способна многому препятствовать¹⁷⁵, и 2) как власть, устранимая на ответственных позициях от принятия решений¹⁷⁶. В таких условиях более вероятными становятся случаи, когда власть принимает и транслирует негативные решения, и более невероятными — когда она принимает и транслирует решения позитивные¹⁷⁷.

С этим самым тесным образом связана и другая точка зрения. Она затрагивает проблемы времени в контексте исполнения власти, то есть именно тот аспект, в котором изначально состояли эволюционные преимущества дифференциации власти. Здесь также дают о себе знать симптомы перегруженности. Темп, синхронизация и своевременность становятся в сфере властной практики проблемой и меняют структуру ее предпочтений¹⁷⁸. При более высокой взаимозависимости общественных процессов и различных временных ритмов властитель, упорядочивая властный процесс, как правило, оказывается не в состоянии синхронизировать его с другими процессами. Можно предугадать ход развития того или иного поступательного процесса и научиться воспроизводить линейные последовательности, однако одновременность множества различных требований в условиях высокой комплексности усколь-

зает от программирования и вынуждает то и дело откладывать решения¹⁷⁹. Таким образом, время становится фактором возмущения, неосязаемым препятствием. Не жесткость материи и не твердолобость людей, а часы и календарь делают невозможной синхронизацию процессов. Из этого также следует, что усиление власти в политической системе делает возможным смену представителей власти, по крайней мере, на самых высших позициях. В результате оказывается, что периоды предвыборных размышлений попадают в сферу властной практики не только в чисто временном аспекте, но и в определении того, что представляется возможным и что может случиться в пределах срока исполнения должности¹⁸⁰.

Таким образом, как в предметном, так и во временном отношении локализованная в политической системе власть, видимо, уже более не отвечает требованиям принятия решений и их трансляции. Не удивительно, что и в социальном плане здесь выявляются напряжения и симптомы кризисов¹⁸¹. Если сформулировать это в терминах, предложенных мною в пятой главе, то можно сказать следующее: политически конституируемая власть постепенно перестает функционировать как единый технический субститут авторитета, репутации и лидерства. Обращение к этому скорее «естественно-самобытному» основанию генерализации влияния вряд ли может помочь при рассмотрении центральных функций власти в развитом обществе. Вместо этого развиваются технические субституты самой власти, принимающие, например, формы самомистификации лидеров или внушения массам ощущения успеха.

Остается тем не менее неразрешенным вопрос о том, действительно ли отмеченные явления указывают на дефицит власти. Подобное заключение нельзя вывести просто из того факта, что можно представить себе гораздо лучшее положение дел. Оно может получить оправдание лишь на основе целостного общественного анализа и соответствующего обоснования универсума рассуждений и масштабов сравнения. Однако от этого мы еще весьма далеки. В этом исследовании мы рассматриваем лишь эволюционный риск власти, и нас интересует только вопрос о том, не возникает ли вместе с хроническим отставанием властных решений от структурно задаваемых ожиданий новый тип риска, а именно риск *очевидности того, что власть не реализует свои собственные возможности*.

К риску дифференцированных средств коммуникации, если говорить о нем в самом общем виде, относится и то, что по мере роста символической артикуляции и масштабов селективного сознания увеличивается также и расхождение между возможным и действительным, оказывающееся так или иначе зависимым от соответствующих установок. Чтобы охватить весьма разнообразные ситуации и гетерогенные мотивационные основания, символические элементы медийных кодов должны получить очень высокую степень генерализации. В этой своей функции они используют идеализации и фикции, например понятие принудительной интерсубъективной достоверности, понятие суверенитета или представление о любви как о чувстве, направленном на определенного человека и одновременно свободном от каких-либо ограничений¹⁸². Разочарования, имеющие здесь место, относятся к *структурному*

(а не только к *интеракционному*) риску дифференцированных средств коммуникации и поэтому должны также дополнительно контролироваться посредством их собственных символических либо смежных кодов.

На основании вышесказанного в отношении всех средств коммуникации можно в целом констатировать, что дифференциация, генерализация и функциональная спецификация усиливают расхождения между возможным и действительным, и не только в смысле растущей селективности процессов, но и в смысле структурного порождения завышенных притязаний и ожиданий эффективности соответствующих систем коммуникации, фактически никак не оправдывающихся. В экономической области хорошим примером этого служит часто обсуждаемая революция непропорционально растущих ожиданий. Указанные расхождения можно понимать и как перепады комплексности, как различия между комплексностью возможного и действительного. Как таковые эти расхождения являются реальным фактором, оказывающим обратное воздействие на условия формирования возможностей, например, ведущим к дисконтированию, идеологизации или к оппортунистическому использованию символов-кодов.

Это предварительное соображение проясняет нормальный характер подобного риска. Речь здесь вовсе не идет о каком-то неправильном развитии. Но, с другой стороны, такая констатация еще почти ничего не говорит об условиях стабилизации, которые могли бы заключаться, во-первых, в развитии соответствующих *установок*, а во-вторых, в переводе проблемы в сферу *кризисной техники*. Наконец,

они могли бы также состоять в *контролируемой инфляции или дефляции власти*.

Рассматривая вопрос совместимых установок, нам следует кратко остановиться на том, почему об этом еще почти ничего не известно. Здесь мы вторгаемся в область исследований политической психологии. Существуют установки, скажем, фатализм или апатия, которые специально служат предварению разочарований. При других установках в случае высокой контингенции и низких шансах реализации возможностей можно ожидать изменения особенностей ориентации, например смещения от интернального к экстернальному исчислению, что сказывается на мотивации достижений¹⁸³. Дальнейшие возможности адаптации кроются не в процессах социализации, а в процессах селекции, переводящих на решающие позиции индивидов с проблемно-совместимыми установками. Нынешнее состояние науки пока не позволяет сформулировать более или менее однозначное суждение относительно всех этих аспектов. Еще меньше можно сказать о теоретическом и эмпирическом инструментарии, необходимом для исследования подобных установок.

Что касается кризисной техники, то не совсем ясными представляются как само это понятие, так и его теоретический контекст¹⁸⁴. Для начала удобнее всего будет ввести исключительно формальное понятие кризиса, рассмотрев его во временном измерении — как чрезвычайно угрожающую фазу какого-либо процесса, предоставляющую вместе с тем необычайные возможности. Система оказывается просто не в состоянии одновременно перерабатывать всю комплексность возможного и поэтому отображает ее на временной оси как последователь-

ность различных состояний: нормальных ситуаций с ограниченной властью и удаленными во времени возможностями, нереальными в настоящем, и кризисных ситуаций, в которых может актуализироваться тематически и ситуационно специфическая власть, соответствующая ограниченным во времени особым условиям структурной совместимости. Так посредством дисконтирования предпосылок поведения образуются преимущества временной дифференциации.

Есть основания предполагать, что кризисы развиваются ввиду недостаточной власти и (или) недостаточной компетентности. Данные основания, правда, характерны, скорее, для организованных социальных систем¹⁸⁵; без дальнейших уточнений они не могут переноситься на уровень анализа общества в целом¹⁸⁶. Однако описанные процессы блокировки (или фильтрации) власти, применяемой исключительно негативно, представляют собой как раз организационные феномены. Поэтому можно предположить, что именно на этом уровне — будь то в области когнитивной комплексности или в сфере власти — и следует искать заторы, вызывающие кризисное развитие. Уже имеются первые исследования о том, что кризисы меняют положение власти в организациях¹⁸⁷. Поэтому для адекватного ответа на требования, предъявляемые к общественным функциям власти, следует в первую очередь вырабатывать организационно-специфические инструменты кризисной техники.

Кризисная техника отнюдь не представляет собой средства смягчения или устранения кризисов общественной системы, которые, как справедливо полагают марксисты, являются неизбежными. Напро-

тив, под ней подразумевается временное дифференцирование властного риска, осуществляемого посредством вовлечения кризисов в само властное планирование. Формализованным образцом этого служат законы о чрезвычайном положении. Данный образец способен воспроизводиться в политическом процессе также с меньшими трудностями и в меньшем формате¹⁸⁸. Наряду с этим организация знает и «кризисное управление». Этот последний образец может представлять в политике в увеличенных масштабах в смысле исключительной активизации политических ресурсов власти. В подобных антиципированных и калькулированных кризисах риск высшей власти оплачивается определенными ограничениями в процессе принятия решений: давлением времени, краткосрочностью достигаемых эффектов, зависимостью от актуальных, крайне политизированных проблем, то есть меньшим потенциалом планирования¹⁸⁹. Но в том, что касается возможных тематик, данный механизм действует в высшей степени селективно. Ибо не всякое страдание способно приводить к кризисам и получать форму организации.

Третий, подчеркнуто медийно-теоретический вариант проблемы риска власти состоит в *инфляционной тенденции*. Перенос понятия инфляция (дефляция) из области денежной теории в сферу сначала теории власти, а затем и общей теории средств коммуникации впервые был предпринят Т. Парсонсом¹⁹⁰. Тем не менее остается неясным, как именно следует абстрагировать эти понятия для осуществления подобного переноса. Инфляционно воздействует чрезмерно рискованная генерализация, приводящая к опасности обесценивания средств моти-

РИСК ВЛАСТИ

вации. Напротив, неиспользование шансов генерализации при незадействованных возможностях трансляции селекций воздействует дефляционно. В случае власти коммуникативная практика, которая работает с пустыми угрозами либо с угрозами, реализуемыми лишь в исключительных случаях, получает инфляционную нагрузку. Речь, например, может идти о «криминализации» областей поведения, где по криминально-политическим соображениям могут фактически не преследоваться правонарушения¹⁹¹. Как и в монетарной сфере, в политике «легкая» инфляция является, по-видимому, возможной стратегией риска. Правда, она обладает некоторым изъяном, поскольку те, на кого она направлена, могут ее предвосхищать и использовать в собственных целях. Это приводит к более или менее ярко выраженным расхождениям, с одной стороны, между различными кодами-символами и, с другой стороны, между ролями и имеющимися в наличии ресурсами, что в конце концов может вызвать прекращение дифференциации коммуникативных средств на обоих уровнях¹⁹².

VIII. ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ВЛАСТИ

Символически генерализированные средства коммуникации обладают (и в этом плане их можно сравнить с языком) необходимой системной референцией, которой является общество. Они затрагивают проблемы, релевантные для всего общества, регулируют все возможные в обществе констелляции событий, независимо от их времени и места. Их нельзя ограничить или изолировать рамками частных систем в том смысле, как если бы истина имела значение исключительно для науки, а власть проявлялась бы только в политике. В связи с удвоенно-контингентной селективностью возникают констелляции, которые не могут быть элиминированы из горизонта возможностей человеческой интеракции. Там, где люди вступают в коммуникацию или где хотя бы существует такая возможность, в той или иной ее форме возникает вероятность трансляции селекций (противоположное утверждение было бы хорошим социологическим определением энтропии). Там, где люди коммуницируют друг с другом, всегда существует вероятность того, что они будут ориентироваться на возможность причинения взаимного вреда и тем самым оказывать друг на друга влияние. Власть, таким образом, представляет собой жизненно-мировую универсалию существования общества.

Итак, все средства коммуникации, если они подверглись дифференциации, представляют собой об-

ществленные учреждения. И истина, и деньги, и любовь в этом смысле — вездесущи, и причастность к ним (в негативном либо позитивном смысле) является жизненной необходимостью. Эволюционные изменения подобных кодов всегда затрагивают и счастливых, и несчастных, и тех, кто может любить, и тех, кто в символах нового типа узнает, что он любить не в состоянии, и тех, кто обладает деньгами и собственностью, и тех, кто их не имеет. Изменения кодов могут в известном объеме приводить к новому распределению шансов, однако «внутренняя логика» кодов и неслучайность их символической конфигурации существенно препятствуют тому, чтобы нововведения приводили к радикальному перераспределению. Совокупность не-собственников никогда не станет собственником, поскольку это означало бы, что каждый будет иметь все и, следовательно, ничего. Структура всех медийных кодов делает «революции» невозможными¹⁹³. Она индивидуализирует и операционализирует все процессы движения. Коды — это катализаторы исторических, самосубститутивных порядков. В этом смысле они являются формообразующими элементами общественной системы.

Эти положения затрагивают отношение жизненного мира и техники и поэтому должны рассматриваться с этой точки зрения. На фоне жизненно-мировой общественной универсальности власти ее дифференциация, усиление и функциональная спецификация оказываются проблемами. Дифференциация требует развития новых политических системных референций, специализированных на формировании и применении власти. Так, в поздних архаических обществах речь прежде всего идет об

узурпации и усилении долговременной, тематически относительно независимой власти, сосредотачиваемой в определенных центрах; при этом данная системная референция никогда не была в состоянии обеспечить концентрацию и интеграцию всех видов власти. По мере дифференциации системы вне ее рамок оказывается все большее число видов иной власти: сначала — власть других сообществ, других политических систем, потом — власть землевладельцев, позднее — главным образом власть финансовая.

В истории развития общества дифференциация политической власти на основе специфического медийного кода сделала возможным переход от архаических обществ к высокоразвитым культурам, ставший необратимым эволюционным достижением. Она в целом революционизировала ситуацию власти в обществе: ее наглядность, символику (включая потребность в легитимации), способ функционирования, границы. Речь, следовательно, идет не просто о процессе спецификации, о сужении и ограничении власти лишь той частью, которая имеется в наличии. Конституция политической власти релевантна не только для политики. Она изменяет все общество. Хотя благодаря образованию в обществе особых политических систем, которые могли бы опираться и на гораздо более эффективное физическое насилие, и стали возможными известная систематизация и спецификация целей, а следовательно, и более комплексная зависимость от решений по применению власти, однако полной монополизации власти в руках «государства» не произошло. С одной стороны, для того, чтобы влиять на решения по поводу власти, необходимо учиты-

вать возможность применения власти *против* политически легитимных ответственных за принятие решений инстанций, оказывая на них общественное давление, а то и угрожая им физическим насилием. С другой стороны, более важной проблемой, возможно, является вопрос об объеме общественной власти, возникающей и остающейся *вне* рамок политической системы: власти в семье («деспотии» в собственном смысле слова), власти священников, экономической власти, много обсуждавшейся в новое время власти собственника, а также не в последнюю очередь власти, практикуемой теперь в системе воспитания и служащей основой принятия решений о наделении тех или иных лиц особым статусом. Все эти явления подводят нас к вопросу о *границах политизируемости власти*¹⁹⁴.

Прежде всего следует понять, что параллельно власти развиваются и другие средства коммуникации и частные системы, ограничивающие применение негативных санкций и позволяющие дифференцировать позитивные и негативные санкции. Так, угроза лишиться любви противоречит самому ее коду, поскольку сама эта угроза уже является отказом от любви и поэтому не дает любящим никакой власти. В области экономики власть владельца дефицитных ресурсов нейтрализуется деньгами, позволяющими купить эти ресурсы. В этом случае вопрос о том, сколько ему предложить, становится лишь проблемой собственных ресурсов и рациональной калькуляции. По сравнению с позднеархаическим механизмом распределения ограниченного количества продуктов в «большом доме» денежная экономика обеспечивает гораздо более отчетливое дифференцирование позитивных побуждений и

негативных санкций, а следовательно, и более отчетливое дифференцирование соответствующих форм влияния.

Благодаря этому соображению становится, с одной стороны, понятным то, в какой мере политика узурпирует сегодня функции распределения и при этом сама использует деньги для нейтрализации противной ей власти; с другой стороны, оно выявляет меру воздействия в обществе неполитизированной власти. Следует заметить, что мы в данном случае говорим о власти в строгом смысле этого слова, а не просто констатируем тот факт, что отцы семейств, священники, собственники или воспитатели, исполняя свои функции, оказывают влияние¹⁹⁵. Речь идет о том, что их функции дают им в руки средства угрозы и санкции, которые они могут использовать как основания для власти, но которые при этом, будучи опосредованными структурами ожиданий, действуют на основе антиципаций и тем самым могут вызывать функционально диффузные эффекты. *Общественно-структурная* проблема состоит, следовательно, не только в возможном покушении на «верховенство» политической системы (с этим все общества, как правило, успешно справляются, поскольку для того, чтобы угрожать политической системе, общественная власть должна быть переведена во власть политическую). Проблема заключается также и в невозможности элиминировать власть из сферы внеполитических интеракций в ограниченности функциональной спецификации *других* общественных сфер: чисто личной любви, рационального производства и чистого обмена, чисто воспитательно-образовательной работы. Следовательно, не только самоутверждение политической

системы перед лицом широкого спектра общественных источников власти является долговременной политической проблемой. В такой же точно степени проблематичным оказывается и сохранение функциональной спецификации других систем именно *как других*.

Эта двойная проблематика возможных угроз, с которыми, с одной стороны, сталкивается политическая система, а с другой стороны, неполитизируемый, функционально диффузный характер общественной власти, также в свою очередь подвержена общественным трансформациям. Острота и масштабность этой проблематики зависят, кроме того, от многих других факторов и изменяются вместе с ними. Основную роль здесь играют функциональные взаимозависимости и слоевые структуры. Возрастающие взаимозависимости умножают политически не контролируемые источники общественной власти (что отнюдь не означает, что и формы проявления этой власти тоже не контролируются политически). Осторожность, проволочки или просто не кооперативное, не жертвенное поведение при высоком уровне взаимозависимостей превращаются в источник власти первого (низшего) уровня. Эта власть не опирается на физическое насилие, и ее невозможно преодолеть угрозой применения физического насилия. Правда, способность такой власти к генерализации, тематической независимости и угрозам представляется весьма ограниченной. Поэтому из ее взаимозависимостей не может развиваться никакая политика, противоположная обычной политики. Однако проблема как раз и состоит в том, что общественная власть сама никогда не притязает на господство. Стремясь получить выгоду от уже

функционирующей политики и тем самым подрывая ее функциональность, она в лучшем случае остается политически паразитарной. Вместе с тем такая власть, задавая протекающим в ее сфере интеракциям метаориентацию на решение вопросов власти и одновременно стремясь сохранить функциональность этой власти, в тенденции разрушает функциональность собственной сферы.

В общественных формациях старого типа взаимозависимости были ограничены пределами общественных слоев и контролировались рамками семьи, социальным статусом и ролью. Социальный слой, к которому принадлежал человек, задавал перспективу его поведения, выходящую далеко за пределы какой бы то ни было функциональной спецификации. Этот ориентир определял и специфические для каждого слоя регулятивы поведения. На этом основании покоился также неполитический, интеракционно-эффективный контроль власти. Прежде всего он был типичен для высших сословий, в которых тип небольшого сообщества, основанного на личном знакомстве, был способен легко воспроизводиться в более широких общественных границах.

Крайне высокие взаимозависимости современного общества уже невозможно нейтрализовать ни в рамках специфически сословных систем интерактивных контактов между членами сословия, ни вообще в рамках статуса и ролей. Поэтому стало возможным идеологическое неприятие самого принципа сословной дифференциации. Непроясненным, правда, остается вопрос о функциональных эквивалентах, поскольку эта проблема не может быть снята простым объяснением, что в современном обще-

стве будто бы снизилась потребность в интеграции. Для нашей особой проблемы неполитизируемой власти этот вопрос остается открытым. В настоящее время возможны, по-видимому, два варианта его решения. Оба они связаны с ликвидацией в гражданском обществе социального расслоения. Получая все большее значение, они тем не менее уже начинают отчетливо демонстрировать симптомы перегруженности. Речь идет о «юридификации» и «демократизации». В первом случае имеет место экспорт политической власти в далекие от политики контексты интеракций, во втором — подражание политике в рамках неполитических сфер.

Если в архаических общественных системах интеракционно мотивированные правовые конфликты являлись приводными пружинами ситуативной политизации¹⁹⁶, то в результате дифференциации политических систем и становления позитивного права правовые формулировки, напротив, становятся средствами генерализации и расширения сферы политики. В форме права политическая власть как бы подвергается консервации и может продолжительное время оставаться в распоряжении тех, кто политиками не является и собственной властью не обладает. Так, договор следует понимать как инструмент надежного использования непрограммируемой политической власти для неполитических («частных») целей¹⁹⁷. Фатальное различие частного и публичного права размыло эту универсальную связь права и политики, хотя именно частное право первоначально и было собственно правом политическим (*ius civilis*). В дискуссиях о правовом государстве спорят, как правило, лишь о публичном праве. Однако достижение правовой формы в обще-

нии между частными лицами имеет ничуть не меньшее значение, чем достижение правового контроля над политическим насилием.

Политическая власть, облаченная в форму права, как было показано выше (глава III, параграф 6), схематизируется бинарно. Благодаря этому она может *воспроизводиться упрощенно, не проходя повторно все этапы своего возникновения*. Для приведения этого схематизма в действие не требуется нового образования политической власти. Достаточно того, что она существует и к ней можно взывать. Благодаря этому обстоятельству власть может экспортироваться в неполитические контексты интеракций, не политизируя их. Схематизация, следовательно, выполняет не только функцию разгрузки в процессе воспроизводства, но одновременно облегчает перенос управляемых средствами коммуникации мотивов через системные границы и крайне гетерогенные поля интеракций, что делает коммуникативные средства хорошо совместимыми с высокой функциональной дифференциацией общества¹⁹⁸.

В той мере, в какой социальный контроль опосредован правом и гарантирован дистанцированным властителем, интеракционные системы могут быть освобождены от конкретно обязывающего и тем самым существенно менее эластичного социального взаимоконтроля непосредственно контактирующих сторон. Так, право допускает относительно рискованные действия, если они отвечают предельно специфицированному функциональному контексту. Интеракционные системы могут в большей или меньшей степени подчиняться специфическим частным системам общества. На рынке в этом случае

будут осуществляться лишь действия по приобретению и продаже: там продают и покупают, но не общаются, воспитывают, ищут любовного партнера или подготавливают следующие политические выборы.

Значение права для становящегося буржуазного общества нового времени может быть понято только с учетом этого теоретического контекста.

Новейшие исследования и сравнительный анализ на международном уровне показывают, насколько неестественной является экспансия политически контролируемого права в сферу общества (хотя и представляется довольно естественным, что в любом обществе необходимые общественные функции реализуются в правовой форме)¹⁹⁹. Ни возможность бинарной схематизации конфликтных ситуаций в соответствии с кодом правовое-неправовое, ни принятие в расчет дистанцированной, политически инсталлированной власти, принимающей решения, не могут обеспечиваться универсально. Помимо прочего, на пути подобной правовой ориентации довольно часто встает мораль. Прогрессирующая индустриализация, по-видимому, тоже не является безусловно зависимой от права. Вместо права общество может вновь обращаться к не до конца сломленным сословнообразующим структурам как инстанциям, опосредующим дифференциацию и интеграцию. На основании этого вынести окончательное суждение о будущем государственно-правового типа решения проблемы взаимного опосредования политики и общества представляется весьма затруднительным.

Большее внимание в настоящее время уделяется попыткам решения той же проблемы разграниче-

ния общества и политической власти с помощью своеобразного малоформатного системно-специфического локального политизма²⁰⁰. Организационные системы любого типа во всех общественно-функциональных контекстах, будь то школы или горнодобывающие концерны, тюрьмы или церковные приходы, нормативно определяемые такими постулатами, как демократия, соучастие (партиципация) или соопределение, стремясь выразить мнение всех членов общества, неизбежно оказываются в ситуации конфронтации друг с другом по поводу исполнения власти. Тем самым идеологически подрывается как уровневая дифференциация общественной системы вообще и отдельной организации в частности, так и дифференциация общественных функциональных областей. В итоге мы возвращаемся к жизненно-мировой универсальности феномена власти. Разумеется, никто не в силах остановить процесс дифференциации политической системы или повсеместно перейти к осуществлению малой политики по образцу большой. Единственное, что возможно, так это сделать более прозрачным позиционное либо функциональное влияние внутри самих организаций и вплести его в сеть коммуникаций или метакоммуникаций по вопросам власти. Можно предвидеть, что это усилит и без того типичную для организаций власть противодействия. Перспектива изменения общества через интеракции, ориентированные на коммуникативное средство «власть», оказывается здесь менее реальной, чем где бы то ни было. В настоящее время слабости власти в контексте общественной эволюции очевидны. В конечном счете они обусловлены комплексностью мировой общественной системы. От-

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ВЛАСТИ

ражением этих слабостей является стремление заменить ориентирующуюся на власть коммуникацию коммуникацией по поводу этой власти, однако именно это и оказывается невозможным.

IX. ОРГАНИЗОВАННАЯ ВЛАСТЬ

Если власть надлежит рассматривать прежде всего как общественно-универсальное явление, то в основу теории власти необходимо положить такую системную референцию, как общество. Это означает, что следует исходить из тех функций власти, которые релевантны для системы общества в целом. При включении же в анализ политики и права референция системы никак не меняется, потому что политика, как и правовая система, является частной системой общества, дифференцировавшейся для выполнения функций, релевантных для общества в целом. Дифференциация и функциональная спецификация этих частных систем трансформируют общество, изменяют возможности и условия совместности всех общественных подсистем, а следовательно, представляют собой момент общественной эволюции. Вместе с тем при анализе функций и структур символически генерализированного кода власти мы часто сталкиваемся с такими возможностями их оптимизации и связанными с этим проблемами, которые более не могут полностью охватываться рамками данной системной референции. Например, это имеет место при образовании длинных цепей власти, тематическую консистенцию которых все-таки еще можно как-то контролировать, а также при формировании в этих сцеплениях противодействующей власти. Сюда же можно отнести и уже поднимавшиеся выше проблемы потенциала переработки информации и границ рациональнос-

ти решений. Адекватное рассмотрение этих тем требует смены системной референции и анализа особых структурных условий организованных социальных систем.

Выбор системной референции научного анализа представляет собой, естественно, опцию исследовательского процесса; он зависит от выбора тематик исследования и накладываемых ими ограничений. Но сам этот выбор отнюдь не является следствием случайности или чистого произвола. Как показывает пример рассматриваемого нами медийного кода, релевантного обществу в целом, данный код предполагает также существование системы иного типа, а именно организации.

Ресурсы селективности и потенциал трансляции селекций, выраженные в символической структуре коммуникативного средства, могут реализоваться в полной мере лишь в том случае, если внутри общества образуются не только его подсистемы, но и системы другого типа, то есть организации. Символика универсальных общественных функций предполагает наличие нескольких разнородных и взаимозависимых возможностей системообразования. Использование более ограниченных ресурсов системообразования является предпосылкой реализации возможностей, релевантных для общества в целом. Вместе с тем дифференциация и спецификация особых коммуникативных средств формирует катализаторы, способствующие образованию систем в форме организаций, а именно организаций по распоряжению собственностью и подкрепленной насилием политической властью.

Полезность от организаций заключается не в использовании коммуникативных средств нового рода, а

проистекает из своеобразия самого системообразующего процесса. Такие системы, как организации, всегда образуются в том случае, если вступление в систему и выход из нее осуществляются на основе решения, для принятия которого могут быть развиты специальные правила. Это условие можно также сформулировать и применительно к проблеме контингентности. Организация предполагает, что роли ее членов являются контингентными. Это означает, что не-члены могут стать членами, а последние — потерять свое членство. Следовательно, предполагается существование сферы потенциальных рекрутов, а также возможности выхода (или увольнения) из организации ее членов. Но это лишь одно из полей контингентности. Другое поле образовано правилами, конституирующими членские роли и определяющими поведение в организациях. Эти правила также устанавливаются контингентно. Их позитивное значение определяется на основании решений, и благодаря этому аспекту своей значимости они и проявляют свой контингентный характер, независимо от происхождения, изменчивости или сравнения с другими системами внешнего мира. Оба поля контингентности, делаясь более очерченными и оформленными, могут взаимно укреплять и усиливать друг друга. Возрастание контингентной вероятности правил вступления в члены организации и правил поведения, обусловленных членскими ролями, тесно связано с контингентностью рынка труда, рост которой ограничивает возможности селективного рекрутирования и увольнения людей. Напротив, если подготовлены контингентно устанавливаемые ролевые связи, сохраняющие свою стабильность независимо от их случайного замещения, мо-

бильность возрастает. Отношение между этими двумя вариационными сферами — вступающих или покидающих организацию членов и правилами членства — является поэтому уже не контингентным (или гораздо менее контингентным, чем сами эти сферы). Правила членства в организации и члены организации могут меняться, но лишь в соответствии с теми основаниями, которые обеспечивают континуальную зависимость правил от членов, а членов — от правил. В этом смысле механизм функционирования организаций можно охарактеризовать как систематизацию не (или менее) контингентных отношений между отношениями контингентными. Рациональность такого механизма основывается на реляционировании отношений. При этом реляционирование контингентного действует по отношению к своим собственным возможностям самоселективно. Ибо только возможное может комбинироваться не случайным образом²⁰¹.

Организации, следовательно, представляют собой определенный способ системообразования, в основе которого лежит усиление и редукция контингенций. В дальнейшем этот принцип находит свое воплощение во внутреннем устройстве организационных систем и формулируется через идентификацию занимаемых членами организации «позиций». Любая позиция репрезентирует узел соединения контингентных программ поведения (условий правильности поведения) и контингентных коммуникативных отношений с соответствующим контингентным лицом. Идентичность позиции вообще делает возможным проявление этих разнородных аспектов именно как контингентных. Вместе с тем позиция, как точка сопряжения контингентных сил, редуци-

рует случайное разнообразие этих контингенций, поскольку не любое лицо и не любая сеть коммуникаций отвечают тем или иным задачам организации. Таким образом, контингенция в условиях роста ограничивающих условий может специфицироваться, становясь все более невероятной. При этом в соединении элементов, способных бесконечно меняться, возникает более или менее не-контингентная композиция. В ситуации высокой комплексности контингентного его реляционирование и интерконтингенция служат редукции этой комплексности. Если схоластика спокойно считала простое необходимым, а составное — контингентным²⁰² и поэтому утверждала, что «*Ex multis contingentibus non potest fieri unum necessarium*»²⁰³, то сегодня мы почему-то склонны жаловаться на тяжеловесность организаций и неподвижность начавшихся когда-то давно процессов, иначе говоря, на необходимость контингентного.

В настоящей работе мы не имеем возможности развивать теорию организаций далее даже в самом общем виде. В рамках теории власти тем не менее представляется необходимым рассмотреть некоторые следствия из нее, важные для понимания механизмов образования и элиминации власти в организациях. Само собой разумеется, что структура организаций меняет общественно возможное, причем как раз в той области, которая имеет дело с властью. Код власти, как инстанция, релевантная для общества в целом, в самых разных аспектах указывает на возможности организационного обеспечения и ограничения новых комбинаций власти. Этот код запускает данные возможности посредством централизованного распоряжения основами власти и ка-

талитического использования власти при образовании организаций. И все же было бы крайне нереалистично рассматривать системы организаций исключительно инструментально — как аппарат, как длинные руки власти имущего²⁰⁴. Последний феномен представляет собой лишь репродукцию символического самопредставления кода власти и поэтому не может служить основанием эмпирически подтверждаемой теории. Отношение общественного коммуникативного средства к организации как типу социальных систем в действительности является гораздо более комплексным.

1. Свой анализ мы начнем с тезиса, в соответствии с которым переход на другой уровень, для которого характерен иной принцип системообразования, одновременно делает возможным *конвертирование* коммуникативного средства, что на уровне общества в целом было бы недопустимо. Это «конвертирование» означает, что возможности влияния одного коммуникативного средства могут быть использованы другим средством. Например, знание можно конвертировать во власть, ибо если кто-то может обнаруживать и констатировать истины, то его потенциал угрозы возрастает. Влияние же на основе собственности или денег может легко превращаться во влияние на основе власти.

Общественная система, в рамках которой дифференцируются и отдельно друг от друга символически оформляются несколько различных средств коммуникации, должна также всегда заботиться о том, чтобы эти средства не могли неупорядоченно конвертироваться друг в друга, поскольку это дискредитировало бы символику данных средств и уничтожило бы их дифференцированность. Существуют

довольно эффективные барьеры, препятствующие прямой покупке истин, любви или власти²⁰⁵. Естественно, деньги не могут не влиять на производство истин. Тот, кто может финансировать исследования, может определять и выбор тем. Тем не менее не существует никакой прямой оплаты истинных или неистинных предложений, не говоря уже о корреляциях такого рода, при которых деньги могли бы прямо преобразовываться в истину, не опосредуясь при этом специфическим кодом другого средства. В той мере, в какой истины допускают проблематизацию и должны подчиняться особому контролю со стороны своего специализированного кода, подобные прямые эквиваленции исключаются. При расчете финансирования исследований могут, правда, учитываться экономические соображения соотношения издержек и прибыли, однако они всегда остаются в пределах своего собственного стоимостного контекста, и их невозможно встроить в аргументы «за» или «против» истинности определенных предложений. Финансирование исследований связано поэтому обычно с проводящими эти исследования *организациями* и ограничивается изысканием ресурсов и определением необходимого объема средств, но не установлением истинности или ложности тех или иных предложений, то есть не прибегает прямо к бинарному схематизму другого коммуникативного средства.

Тем не менее в данном случае мы уже сталкиваемся с интересующим нас типом решения сформулированной выше проблемы: прямой конфронтации и слияния коммуникативных средств, перемешивания их значений и поведенческих регулятивов можно избежать посредством смены системной референ-

ции, перевода проблемы конвертирования на уровень организаций. Финансируются не истины, а организации, которые более или менее успешно развивают методы изыскания и установления истины или лжи. *Mutatis mutandis** аналогичная ситуация возникает при конвертировании денег или собственности во власть.

На уровне общественных подсистем экономики и политики существуют важные нормативные барьеры, препятствующие прямой конвертации денег и власти. Политическое влияние не должно зависеть от богатства лица и в современном обществе зависит от этого меньше, чем на любой из его предшествующих стадий развития²⁰⁶. Богатство теперь не только не увеличивает шансы определять содержание законов. В свою очередь, политическая власть в силу конституционных предписаний не может беспрепятственно отчуждать собственность, непосредственно обогащаться или превращаться для власти имущих в источник доходов²⁰⁷. Но при наличии всех этих барьеров власть все-таки может использовать коммуникативное средство экономики, придающее системам организаций определенную привлекательность либо посредством правового оформления земельной и вещной собственности просто создающее элементарные условия и возможность организованного труда²⁰⁸. В этой своей функции коммуникативное средство экономики называется также капиталом. Образуемые капиталом и основывающиеся на схематизме «владение — не-владение» организации, в свою очередь, определяют условия приема и выхода своих членов, правила подчинения

* С соответствующими изменениями (лат.) — *Прим. ред.*

указаниям руководства, конституируя таким способом собственную автономную власть. Это касается как государственной бюрократии, так и бюрократии негосударственных организаций.

Обычно высказываются опасения и утверждения, что тем самым собственники незаслуженно усиливают свою власть. Такое, разумеется, возможно²⁰⁹. Однако данное опасение, со своей стороны, само является отражением тех ограничений конвертируемости, которые кладутся в основание медийных кодов. Внутри организаций в игру, таким образом, вступает собственная логика социальных структур, которая меняет условия, определяющие необходимость конвертационных ограничений. Деньги, если они являются генеральным средством производства привлекательности системы, не могут (или могут лишь в весьма ограниченном смысле) одновременно являться средством *ad hoc** мотивации. Переключение с денег на власть должно осуществляться более или менее универсально. Уже благодаря этому на пути слияния кодов возникают препятствия. К тому же при выстраивании комплексно организованных систем власти очень быстро достигается та точка, где устанавливаются непреодолимые границы централизации власти в руках собственника или собственников. С этого момента положение власти в организации становится проблемой, которая более не может быть решена посредством прямого обращения к экономическим критериям оборота частной собственности. Впрочем, собственник и тогда все еще сохраняет более легкий доступ к властным позициям в организа-

* Для (лат.) — Прим. ред.

ции, исходя из которых, он может реализовывать свою власть лишь в соответствии с ее (а не его!) условиями. Ограниченность его возможностей в этой ситуации известна благодаря многочисленным исследованиям по проблемам рекрутирования наследников в семейных предприятиях²¹⁰. С экономической точки зрения сопрягать замещение позиций с собственностью нерационально; это означало бы зависеть лишь от случайно возможного совпадения в одном лице и собственника, и способного управленца. Собственнику остается потенциал угрозы: он может вывести из предприятия свои средства. Но тем самым — с точки зрения техники власти — он окажется в невыгодном положении по отношению к тому, кто уже ангажирован предприятием и отнюдь не намерен его ликвидировать²¹¹. У возможных противников собственника появляется, таким образом, возможность эксплуатировать его в рамках организации, поскольку его ликвидационная власть слишком велика для того, чтобы ее можно было эффективно использовать внутри организации.

Эти замечания представляются достаточными для демонстрации того, как с помощью собственной комплексности систем организаций может осуществляться конвертирование денег во власть без деструктивного амальгамирования кода. Генетическая связь вновь конституированной власти с собственностью и деньгами становится благодаря этому менее проблематичной. С другой стороны, дифференциация системы общества и организованных социальных систем, которые делают это возможным, разводит власть организации и конституированную в общественной системе политическую власть.

И здесь — в долгосрочной перспективе — могут возникнуть более важные проблемы²¹².

2. Если формальная власть в организации основывается на прерогативах отдавать служебные указания, признание которых является условием членства и может санкционироваться увольнением, то фактическая власть в организациях в гораздо большей степени зависит от возможностей влияния на карьеру членов организации. Следовательно, фактическая власть в организации связана не столько с диспозициями, определяющими членство, сколько, напротив, с тем, что определяет замещение позиций — на тех полномочиях, которые на языке чиновников называются «влиятельным положением». Используя короткие и емкие термины, мы будем говорить об организационной и персональной власти.

В обоих случаях главный принцип остается одним и тем же: возможность распоряжаться контингентом, сказать «да» или «нет» относительно желаемых кем-то ролей является базисом власти. Эта возможность превращается в основу власти в том случае, если образуются интересы, имущественные состояния или должности, лишение (или умаление) которых функционирует как альтернатива избежания. Однако оба названных вида власти различаются между собой в важных аспектах. Организационная власть связана с членством в целом, персональная власть соотносится с тем или иным его выражением по отношению к позиционной роли, которую член организации исполняет или хотел бы получить. Членство в организации, если оно вообще является привлекательным для потенциальных членов, может, и обычно именно так и происходит, об-

ладать целым рядом преимуществ, распространяющихся на обширную зону разнообразных позиций и условий труда²¹³.

Поэтому не при каждой смене позиции ставится вопрос о пребывании в системе, и тем более — не при каждом «перемещении» по лестнице карьерных позиций. Лишение членства в организации по дисциплинарным причинам происходит также достаточно редко, к тому же от этого можно без труда защититься, выполняя минимальные требования и уменьшая частоту проявлений вызывающего поведения. Но для того, чтобы в рамках системы сделать карьеру, требуется гораздо больше усилий. И тот, кто этого желает, в полной мере ощущает на себе действие персональной власти.

С этим различием связано также то обстоятельство, что организационная власть гораздо чувствительнее к конъюнктуре. При экономическом спаде возрастает опасность увольнения, а вместе с ней — готовность к нормативному конформизму и избыточному послушанию, тогда как в экономике с полной занятостью дает о себе знать обратный эффект. Персональная же власть остается относительно независимой от подобных конъюнктурных колебаний, поскольку желаемых позиций всегда не хватает. Системы организаций, которые на основании экономической ситуации или, как это имеет место в политических или церковных организациях, на основании правовым образом обеспечиваемой защиты коллектива распоряжаются лишь весьма незначительной организационной властью, должны поэтому активно использовать персональную власть либо в большей или меньшей степени отказываться от властного влияния на свой персонал. Органи-

зационная власть обнаруживает свои границы в дефиците компетентного персонала, а персональная власть — в дефиците желаемых позиций в системе организации. Санкции организационной власти (увольнение) имеют место крайне редко; они однозначно представляют собой негативные альтернативы избежания, зависимые от обеих сторон и всегда носящие официальный характер. Санкции персональной власти осуществляются (в зависимости от мобильности системы) чаще и в более сложной форме. В предметном плане здесь происходит смешение позитивных и негативных санкций. Санкции могут просто состоять в предпочтении одних претендентов другим, и лишь отвергнутому они представляются негативными. Такие санкции основываются, скорее, на антиципации и приписывании интенций. Следовательно, для самого властителя они могут и не являться неизбежной альтернативой. Тем не менее, оптимизируя свою политику, направленную на замещение позиций, он не может одновременно и учитывать компетентность персонала, и вызывать у него позитивные побуждения, и осуществлять санкционирующую власть, поскольку зачастую это требует принятия взаимоисключающих решений. «Издержки» альтернатив избежания персональной власти становятся очевидными не столько при анализе отдельных случаев, сколько при функционально-интегрирующем и рационализирующем способе рассмотрения системы в целом²¹⁴.

Соответственно различаются и отношения обеих видов власти к формальной структуре существующих в системах организаций правил. Организационная власть своей собственной контингентцией служит стабилизации этих контингентных правил.

Она имеет официальный характер. Персональная власть, если ее связать формальными правилами замещения позиций, критериями отбора персонала и анализа рабочего места, стандартизированными отзывами, напротив, слабеет. Она использует ссылки на подобные правила, скорее, для маскировки, как отговорку или возможность дать негативную оценку одному члену организации через позитивную характеристику другого. Постоянному наличию такой возможности противостоит юридическое ограничение персональной власти, претендующей в форме субъективных правовых притязаний на определенные решения о персонале.

Именно в силу этого структурного различия комбинирование организационной и персональной власти включает в себе возможность усиления власти. В иерархии начальствующих лиц обе формы власти сливаются в конечном счете в единое целое. Даже если непосредственный начальник, способный единолично исполнять персональную власть, утрачивает полномочия принимать решения о персонале²¹⁵, он все-таки сохраняет значительное влияние на это решение, скажем, в виде суждений о работниках, и это является достаточным источником власти²¹⁶.

Новейшие тенденции реформирования и рационализации руководства персоналом больших организаций используют персональную власть не столько через ее обособление, сколько посредством ее систематизации и усложнения. По мере рационализации решений о персонале, в ходе которой решения начинают принимать лишь при ситуативном наложении многочисленных условий и предварительных оценок рабочих мест и суждений о занима-

ющем их персонале, все труднее становится предугадывать потенциал использования этих решений во властном контексте. Манипуляция персоналом в рамках системы оказывается для начальствующих затруднительной, в то время как для подчиненного становится очевидной проблематичность того, что позитивные (или негативные) установки начальников могут как-то сказаться на его карьере. Система приобретает прозрачность на уровне критериев, но тем самым теряет ее на уровне решений. Однако при достаточной гибкости власть способна перейти от контроля над членством к контролю над замещением позиций и даже к контролю над критериями оценок, которые могут оказаться релевантными для контроля над карьерой членов организации. Но возникает вопрос: может ли порождающая власть констелляция альтернатив сама собой приводить к появлению столь утонченной гибкости и глубокого понимания интересов организации?

3. Таким образом, вполне может случиться, что важные источники власти в сравнении с практическими возможностями начальства окажутся слишком сложными. Подобные тенденции наблюдаются при принятии самих властных решений. Типичная для организованной власти позиция уже неоднократно нами отмечалась: власть делает возможным образование длинных властных цепей и переплетений и благодаря этому очень быстро начинает предъявлять повышенные требования к потенциалу переработки информации и контроля²¹⁷ отдельного властителя. Характерное для классической теории власти положение, согласно которому власть всегда *пред-находит* власть противоположную и призывает ей сопротивляться, утратило свое былое

значение. Напротив, в организациях *власть именно порождает противоположную себе власть.*

Предъявление чрезмерных требований к руководителю в организациях, в которых его позиция не предполагает свободного выбора действий (или бездействия), может быть использовано другим лицом в качестве источника собственной власти. Защищаться от начальника можно не только путем сокрытия информации; можно сыграть также и на том, что он обязательно будет стремиться найти консенсус с подчиненными, ибо зависит от «сотрудничества» с ними, и это обстоятельство оставляет за его противником последнее слово в принятии решения о «свободном» консенсусе или конфликте. В той мере, в какой это действительно имеет место, в бюрократической среде на место последней альтернативы избежания (увольнения или выхода из рядов организации) заступает новая альтернатива: возможность самоутверждения с помощью приказа. Если при этом она постоянно держится на заднем плане и по возможности не используется, то способствует укреплению власти. Ради избежания эксплицитного приказа начальствующий охотно отказывается от достижения относительно неважных целей, а подчиненные, со своей стороны, всячески стараются избежать чрезвычайной ситуации, которая бы заставила начальника приказывать²¹⁸.

Если этот анализ применить не к растущему производству, как это часто имеет место при социологическом исследовании организаций²¹⁹, а к рассмотрению усиливающейся власти, тогда можно поставить вопрос о том, чья собственно власть получает выгоду от усиливающихся взаимозависимостей. Как распределяются властные возможности между

начальствующими и подчиненными в условиях возрастания комплексности их возможных отношений? Способность воспринимать эту комплексность у начальствующих, очевидно, весьма ограничена. Поскольку именно это обстоятельство и является источником власти подчиненных, то можно было бы предположить, что любой рост комплексности властных отношений смещает баланс власти в пользу подчиненных. Вследствие этого по мере возрастания комплексности снижается управляемость организации как системы.

Правда, ограниченному властному потенциалу начальствующих соответствуют в этом случае столь же ограниченные возможности подчиненных. Если в первом случае ощущается дефицит понимания, то во втором — дефицит коммуникации. Власть подчиненных возрастает лишь у отдельных представителей этой группы, приобретая в крайнем своем проявлении характер власти клики. Такая власть всегда ситуативна; она зависит от личной инициативы и от достаточной меры предварительного взаимопонимания. Она, конечно же, не может привести к простой рокировке позиций, к наделению подчиненных властью начальника, потому что сама структура власти подчиненных основана именно на их подчиненном положении и на относительной слабости их начальников, облеченных более могущественной властью. Конечно, отдельные подчиненные вполне могут стремиться к тому, чтобы, отказавшись от власти, соответствующей их месту, занять начальствующие позиции. Но, сделавшись начальниками, не станут же они вести себя подобно коню, пытающемуся впрыгнуть в свое седло. В этом случае неизбежно будут наблюдаться тенден-

ции коллективизировать, систематизировать, приручить и легитимировать власть подчиненных. Иногда их действительно можно наблюдать. Подчиненным внушается, что для них было бы благом коллективное исполнение власти, выбор представителей, образование органов, которые бы соучаствовали в принятии решений. Посредством такого клише, как партиципация, или соучастие, эта идея получает в настоящее время широкое распространение, внушая при этом ложное сознание. Подобного рода «эмансипация» стала новомодной уловкой менеджмента, который, отрицая различия между начальствующими и подчиненными, лишает последних основ их власти. Ставя задачу выравнивания властных полномочий²²⁰, реально можно реорганизовать лишь ту власть, которой подчиненные в общем и целом и так уже обладают.

Насколько реализация этой задачи может оказаться удачной (если вообще возможной), пока еще трудно предвидеть²²¹. Многие свидетельствуют о том, что власть подчиненных, формально организованная в виде власти коллектива, никак не поглощает их неформальную власть, однако и не усиливает ее. Власть формальная должна реализовываться на практике независимо от власти неформальной и при совершенно других условиях (например, большей прозрачности, меньшей эластичности²²², более высокой конфликтности, большей восприимчивости ко внешнему влиянию). Благодаря этому положение власти оказывается еще более комплексным, причем независимо от ее предмета и темы, а только благодаря организации. При всей несостоятельности гипотезы, в соответствии с которой представительные органы трудящихся имеют большое влия-

ние на руководителя и солидную репутацию в его глазах²²³, иногда, действительно, может сложиться ситуация, при которой отдельные подчиненные, являясь членами таких органов, могут усилить прямое влияние на своего начальника, применяя по отношению к нему свое потенциальное право голоса как «альтернативу избежания». Но, с другой стороны, на этом пути можно легко приблизиться к той черте, за которой влиять на начальника станет бессмысленно, потому что у него не останется никакой власти.

Еще до начала захлестнувшей организации «волны демократизации» Мэри Паркер Фоллет²²⁴ предложила следующую формулу: «Разделение властей является не предметом сознательного установления, а способом функционирования организации, порождающим власть»²²⁵. Позднее, после мирового экономического кризиса, в сфере другого коммуникативного средства — экономики — родилась идея, что для решения проблем экономического распределения настоятельно требуется экономический рост, но не наоборот²²⁶. Учитывая этот аргумент, Парсонс попробовал отказаться в сфере теории власти от условий нулевой суммы власти и релятивирования вопросов распределения власти путем их отсылки к переменным властным величинам²²⁷. После того, как им был поставлен этот, пусть и чересчур общий, вопрос, представления, будто бы в организациях можно не спеша присваивать чужую власть, полностью сохраняя ее общий объем, оказались несостоятельными. Невозможно также стало более полагать, что разделение властей само по себе является достаточной защитой от произвола. Наш же анализ организации приводит к пониманию

того, что сохранение бессильной вышестоящей власти является условием власти подчиненного. Поэтому, если рассматривать властные величины как переменные и принять во внимание, что усиление власти порождает власть противоположную, то ключ к проблеме согласования власти начальника и подчиненных в организации может лежать в более развитой дифференциации и спецификации источников власти, которые препятствовали бы тому, чтобы взаимные властные потенциалы аннигилировались друг другом²²⁸. Эту мысль можно сформулировать и в виде вопроса: как посредством механизмов селекции может возникать организация, в которой при наличии обратно направленной власти сохраняется асимметричная структура властных коммуникаций?

Современный уровень исследования организаций пока не дает ответа на этот вопрос. Простой слепок с модели разделения властей является сильным упрощением. Эта модель имеет специфическую функцию дифференциации правового и противоправного применения власти. Она должна санкционировать первое и блокировать второе. Но этого недостаточно, поскольку власть внутри организаций как раз и не предполагает адекватного юридического обеспечения. Столь же несостоятельны предположения об обоюдном усилении влияния, которые вырабатываются в рамках движения «*human relations*»; речь в данном случае идет о замкнутых цепях возрастающего влияния, в которых Эго тем больше влияет на Альтера, чем больше последний влияет на Эго²²⁹. В рамках организационных систем возможность этого, конечно, не исключается, однако подобный процесс едва ли совместим с негативны-

ми санкциями и альтернативами избежания, то есть он соответствует, скорее, проявлениям любви, нежели проявлениям власти²³⁰. К тому же бросается в глаза излишне эмоциональный, социальный и локальный окрас подобных предположений, оставляющих открытым вопрос о том, в какой мере усиление взаимного влияния отвечает целям приспособления системы к внешнему миру и до какой степени организации способны выносить изменения в структуре персонала.

По-видимому, этот результат связан с тем, что, хотя источники власти в организациях могут быть жестко дифференцированными, этого нельзя сказать о ее темах. Другими словами, власть в организации распределяется по различным позициям и основаниям, но не может в достаточной степени распределяться тематически. Власть начальника (организационная, персональная или рекомендующая) противостоит власти подчиненных, покоящейся на абсолютно иных альтернативах избежания. С другой стороны, вследствие функциональной дифференциации и разделения труда в больших организациях необходимо, чтобы начальствующий и подчиненный работали в рамках относительно узкой тематической области. Следовательно, они почти не имеют возможности разграничить области своих интересов так, чтобы начальствующий оказывал большее влияние на одни, а подчиненный — на другие проекты и чтобы при этом взаимное уважение зон влияния мотивировалось последующим обменом результатами. Для этого еще слишком велики взаимозависимости и централизованные ответственности внутри некоторой дифференцированной сферы разделенного труда²³¹. Даже в университетах

и на факультетах, где могут быть четко разделены такие разнородные сферы власти, как экзамены, профессиональная политика, планирование учебного процесса, административно-хозяйственная часть, выражение политических установок и т. д., пока, видимо, невозможно достичь согласия о зонах ответственности и взаимном признании сфер влияния между властными группами. Впрочем, ввиду существования множества крайне разнородных организаций невозможно аподиктически утверждать (хотя в тенденции усиления власти в организациях может приводить к этой дилемме), что дифференциация источников власти не может совпадать с дифференциацией ее тематик таким образом, чтобы исчезло игровое пространство выравнивания властей. Для суммарной аккумуляции разнородной власти степень взаимозависимости в системе слишком высока.

4. Благодаря этим соображениям при более пристальном взгляде на властные позиции подчиненных выявляется еще одна проблема, которую невозможно адекватно осознать, просто констатировав факты перепада и выравнивания власти между начальниками и подчиненными в организациях, — проблема *властных отношений между подчиненными*. Если в организациях потенциальная власть все больше смещается в пользу подчиненных, то очень важно выяснить, как регулируются их отношения друг с другом. Рост концентрируемой в руках подчиненных власти придает им смелость применять ее и по отношению друг к другу. Начальник же получает новую функцию — функцию трансформации властных сражений подчиненных²³². Он сталкивается не только с проблемой различий во

мнениях и степени восприимчивости своих подчиненных, но и, кроме того, с проблемой структурно или кликообразно обусловленного перепада власти между ними, который он не в состоянии как таковой устранить и в котором сам он оказывается лишь одним из факторов среди других. В то же время навязываемое начальнику участие в конфликтах должно отвечать функции их сглаживания и уравнивания власти подчиненных. Вопрос состоит в том, способно ли это участие отвечать данным функциям.

Едва ли существуют исследования о роли компоненты власти в процессах принятия решения внутри больших бюрократических систем. Суждения некоторых специалистов тем не менее дают возможность понять все значение этой постановки проблемы, одновременно создавая впечатление, что главенствующая роль при принятии решений в бюрократических системах принадлежит в основном негативной власти защиты и блокировки²³³. Общее «да» вытекает здесь из суммированных предрасположенностей не говорить «нет». Этот эффект еще более усиливается на основе политики непосредственного участия в интеракциях, личной близости, знания конкретного окружения и способности чувствовать ситуацию. С точки зрения общественно-релевантной теории власти такое развитие властных отношений означает полный отказ от техничности власти в вышеизложенном (глава V) смысле и от образования иницируемых властью сцеплений. И все это имеет место именно в области организаций! В высшей степени интересное исследование коммунальной политики одного американского мегаполиса²³⁴ показывает, как подобная власть,

редуцированная в ходе организационной децентрализации до уровня простого потенциала блокирования, может затем компенсироваться благодаря неформальному соглашению и диффузной структуре политического влияния, в результате чего в рамках подобного неформального соглашения власть снова становится политически калькулируемой и контролируемой. Власть, так сказать, заново формируется вопреки организациям. Преодоление трудностей, вытекающих из формальной структуры, в неформальной системе политического влияния относят к «политическим издержкам», которые могут, но не должны, препятствовать активности участников этой неформальной системы. Политика живет этим и одновременно страдает от того, что власть вынуждена отказываться от технической эффективности.

Нельзя недооценивать актуального воздействия доктрин и стилей мышления на происходящие в рамках организаций процессы и результаты их исследований, особенно в аспекте тем власти. Идеологически подкрепленная и благодаря этому легитимированная высокоразвитая восприимчивость власти — как на практике, так и в науке, — препятствует точному определению границ властных возможностей²³⁵. Поэтому отсутствуют и независимые основания надежного эмпирического знания. Невзирая на эти затруднения, мы можем исходить из того, что анализируемые состояния сигнализируют об имманентных препятствиях на пути усиления власти в рамках и посредством организаций. Если возрастает взаимозависимость решений в организациях, если от кондиционального программирования переходят к программированию целевому, то барьеры становятся более ощутимыми. Поэтому

власть постепенно утрачивает функцию осуществления трансляции результатов селекции. Но данное обстоятельство отнюдь не отрицает того, что среди нагромождений чересчур сложно выстроенных организаций, прежде всего, на их нижних этажах еще можно жить.

В силу этого дефицита власти движение «*human relations*» может быть охарактеризовано как попытка найти другие источники и формы влияния. Однако недостаточность и ограниченную эффективность такого высоко технизированного инструмента, как формальная власть, невозможно компенсировать с помощью менее технизированных, конкретнее применяемых и более контекстуальных форм коммуникации и интеракции. Из локального влияния, эффективного при интенсивной интеракции, невозможно получить эквивалент организационной, общественно значимой, технизированной, независимой от контекста и способной инициировать инновации власти. Заблуждение, характерное для движения «*human relations*», заключается в соединении различных уровней системообразования, в первую очередь — в объединении партиципации и демократии. Если наше предположение о том, что это соединение не может быть реализовано в принципе, соответствует действительности, то не столь уж важно, послужит ли констатация этой неудачи интересам господствующей власти или будет способствовать процессу эмансипации подчиненных.

В любом случае техника может быть дополнена только техникой. И, прежде всего, следует задуматься о более или менее широко развитых техниках квантифицирующей переработки информации и статистическом агрегировании данных и контро-

ля, которые могут быть использованы для получения окончательных результатов, а также для непосредственной фиксации требований и результатов. С их помощью может быть поднят информационный уровень организационного управления. Однако это не все. Связь решений по вопросам управления с механизмами трансляции селекций может стать менее жесткой. Изменения могут затронуть программу производства, организацию рабочих мест или систему персонала с ее критериями приема в организацию, оценку результатов и оплаты. Для того, кого оценивают, эти критерии не имеют непосредственного отношения к их прошлому поведению или к иным преходящим событиям. Данные критерии вытекают из высоко агрегированных данных. Они применяются не путем санкций и поэтому не принимают вид угрозы и тем более — альтернатив избегания, от которых по возможности стараются воздерживаться. Они изменяют параметры и предпосылки будущих действий в системе и зависят от уровня притязаний и состояния дел. Определение и оценка таких суждений основываются, естественно, на системно-политических решениях. Управление никогда не сможет стать логическим автоматизмом. И, конечно же, мы воздержимся от суждений о «рациональности» указанных форм управления. Результативность и доступность соответствующих им управленческих технологий пока еще невозможно социологически оценить; неизвестно и их значение для общества в целом, особенно в том, что касается объема и степени распространения данных технологий. Несмотря на это, мы продемонстрировали здесь возможности реконструкции организационной власти в ее чисто формальном аспек-

ОРГАНИЗОВАННАЯ ВЛАСТЬ

те определения условий членства в организации, а также возможности ее приручаемости в своих собственных регулятивных сферах. Это означает, что мы показали возможности более жесткой дифференциации малого мира интеракции и большого мира организации и воспроизведения для каждого из них соответствующих им властных ролей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: *Harsanyi*, 1962 a; 1962 b; *Tedeschi*, *Bonoma*, *Brown*, 1971; *Baldwin*, 1971c; *Bonoma*, *Tedeschi*, *Lindskold*, 1972.

2. См.: *Riker*, 1964; *Danzger*, 1964; *March*, 1966; *Wrong*, 1968; *Luhmann*, 1969 b.

3. На специфику этой постановки вопроса обратил внимание Леман: *Lehman*, 1969.

4. Эта опасность характерна для социальных психологов: *Raven*, 1965; *Clark*, 1965.

5. Исследование власти именно как средства коммуникации впервые предпринял Парсонс (*Parsons*, 1963a). Дальнейшие импульсы, дополнения и критика связаны с именами Чезела (*Chazel*, 1964), Мичела (*Mitchell*, 1967), Леснофа (*Lessnoff*, 1968), Гидденса (*Giddens*, 1968), Тернера (*Turner*, 1968), а впоследствии также Болдуина (*Baldwin*, 1971a) и Блейна (*Blain*, 1971). В последующем изложении понятие средства коммуникации будет употребляться нами независимо от парсоновской парадигмы взаимообмена (*interchange*). Оно не опирается на представление об этом взаимообмене, а также отклоняется от концепции Парсонса и в других отношениях. Эти различия вытекают из понимания проблемы контингентности и разъясняются в моей статье «Генерализующие медийные средства и проблема контингентности» («*Generalized Media and the Problem of Contingency*»), которая будет опубликована в готовящемся к выходу в свет сборнике статей, посвященных юбилею Парсонса.

6. См., например: *Homans*, 1964; *Maciejewski*, 1972.

7. Одновременно это положение должно продемонстрировать, насколько проблематично определять индивида как субъект. С помощью подобной двусмысленности как-то чересчур легко осуществляется восхождение от абстрактного к конкретному.

8. Такое понятие коммуникации рассматривается в книге Мак-Кея: *MacKay*, 1969.

9. См.: *Berger*, *Luckmann*, 1969; *McLeod*, *Chaffee*, 1972; см. также: *Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen*, 1973.

ПРИМЕЧАНИЯ

10. См., например: *Marshall*, 1961.

11. См.: *Goody, Watt*, 1963; *Goody*, 1973.

12. Впоследствии именно из этого развивается «диалог» как литературная форма, как противоречащий самому себе протест против требований, накладываемых письменностью, и в результате за счет этого он достигает стилистического совершенства.

13. Это учитывает Парсонс в своем тезисе о двойной контингентности как предпосылки образования дополняющих друг друга ожиданий (см.: *Parsons, Shils*, 1951: 14 ff.). Обратите также внимание на интересное определение власти (*authority*) как инстанции, устанавливающей предпосылки решений (но не сами решения!) для других: *March, Simon*, 1958: 90.

14. Вследствие этого в рамках общей теории власти лишено смысла односторонне подчеркивать возникающие у той или другой стороны проблемы, связанные с принятием решений. При особых констелляциях власти это может быть совсем не так. Так, Фишер (*Fisher*, 1969) рекомендует чиновникам министерства иностранных дел заботиться не столько об уточнении собственной политики, сколько обращать внимание на политику других государств и, прежде всего, вырабатывать механизмы ответного применения власти в отношении тех решений других правительств, которые вызывают наибольшее беспокойство.

15. Этой позиции придерживаются, прежде всего, Абрамсон, Катлер, Кауц и Мендельсон (*Abramson, Cutler, Kautz, Mendelson*, 1958), которые подчеркивают, что в теории власти большая часть возможностей действия должна рассматриваться как в равной мере наличествующая у обеих сторон.

16. Сравните это с наблюдениями Кроцира (*Crozier*, 1963: 193), подметившего, что в чрезмерно структурированных организациях власть перемещается туда, где в отношении выбора действий, от которых зависят другие, еще сохраняются остатки неопределенности. В качестве одного из обобщений в направлении создания общей «стратегической теории контингенции» власти см.: *Pennings et al.*, 1969; *Hinings et al.*, 1974.

17. Данный случай применения физического насилия (подобный тому, как если бы мы двигали внешние тела для изменения их положения в пространстве) необходимо последовательно отличать от символического использования физического насилия как способа формирования власти. К этому мы еще вернемся в четвертой главе.

ПРИМЕЧАНИЯ

18. Проблема, на которую здесь может быть лишь бегло указано, заключается в том, что все эти единицы измерения относительно и определены условиями возможности, лежащей в их основе. Поэтому измерение, о котором идет речь, всегда предполагает, что задействованные элементы принадлежат системе и ограничены общими для них условиями возможности.

19. См.: *Danzger*, 1964: 714 ff.

20. См., например: *Walter*, 1966. Критику см.: *Mayhew, Jr., Gray*, 1969.

21. См. ряд экспериментов, эксплицитно исходящих из альтернатив, которыми обладают обе стороны: *Thibaut, Faucheux*, 1965; *Thibaut*, 1968; *Thibaut, Gruder*, 1969.

22. В теории власти это учитывается иногда явно, но чаще всего имплицитно. О соответствующем определении понятия власти идет речь в книге Ван Дорна: *Van Doorn*, 1962/63: 12.

23. Новейший обзор проблем теории каузальности можно найти у Даля (*Dahl*, 1968: 410 ff.). См. также: *Gamson*, 1968: 59 ff. Стичкомб (*Stinchcombe*, 1968: 163 ff.) предложил информационно-теоретическую формулировку каузальной концепции власти.

24. Этот признак власти часто рассматривается в форме, предложенной М. Вебером. Люди признают власть лишь там, где власть имущий может провести свое решение даже при наличии сопротивления: *Weber*, 1948: 28. С этим определением понятия власти согласны, например, Эмерсон (*Emerson*, 1962) и Хольм (*Holm*, 1969). На уровне же общей теории средств коммуникации оказывается существенным, прежде всего, селективное определение, «процессирование контингенции». Мы еще вернемся к специфическим особенностям, которые характерны для этого процесса в случае власти.

25. Такое понимание восходит к веберовскому понятию «шанса». Ронг (*Wrong*, 1968: 677 f.) правильно указывает на то, что здесь подразумевается оценка того, кто починяется власти, а не статистический анализ случаев фактического применения власти, проводимый социологами.

26. В этом смысле Даль (*Dahl*, 1957) определяет как шанс не только саму власть, но и каузальность власти как изменение вероятностей.

27. К примеру, повсеместно наблюдается тенденция преимущественно позитивного определения ситуации. Данная тенденция, по-видимому, редко позволяет реализоваться случаям двойных (менее невероятных) отрицаний. См., например: *Jor-*

ПРИМЕЧАНИЯ

dan, 1965; *Kanouse, Hanson*, 1971. Другой вопрос заключается в том, обладают ли негативные (позитивные) оценки всякий раз большей интерференцией с большим количеством альтернатив и блокирует ли невероятное (или вероятное) событие другие возможности либо же оно их, наоборот, по преимуществу провоцирует.

28. Все «за» и «против» см.: *Nagel*, 1968: 132 f.; *Gamson*, 1968: 69 f.; *Wrong*, 1968: 678 f. Шермерхорн (*Schermerhorn*, 1961: 95 f.) рассматривает пример локально-политической власти больших предприятий.

29. Так полагает Нагель (*Nagel*, 1968).

30. См.: *Luhmann*, 1972 а.

31. Еще радикальнее это изменение диспозиций дает о себе знать в сферах других коммуникативных средств. Истина, рассматриваемая в качестве средства коммуникации, более не может пониматься как значение предложений или представлений, любовь — как чувство, деньги — как имущество, а вера — как внутренняя связь личности. Для социологии коммуникативных средств такого рода представления и исчисления являются не признаками ее теории, а признаками ее предмета — как средства упрощения взаимопонимания в общественной жизни, которая ориентируется на генерализированные коды.

32. Как известно из экспериментальных исследований, уже иерархии в общих чертах управляют процессом приписывания аналогичным образом. См.: *Thibaut, Riecken*, 1955.

33. Не менее бессмысленно, конечно, и обратное, то есть понимание подчиненного как решающей причины установления власти. Об этом свидетельствуют многочисленные американские определения власти (*authority*). См.: *Barnard*, 1938: 161 ff.; *Simon*, 1957; *Peabody*, 1964. Об угрозе со стороны власти см.: *Lazarus*, 1968: 339 ff.; *Fisher*, 1969.

34. Леман (*Lehman*, 1969), к примеру, указывает на постоянно возрастающее значение стабильного, предсказуемого механизма приписывания власти на макросоциологическом уровне. Более детального исследования на эту тему мне не известно.

35. См.: *Gouldner*, 1971: 290 ff.

36. Ср.: *Guzmán, Borda, Luna*, 1962.

37. См. также критику Хабермасом (*Habermas, Luhmann*, 1971: 202 ff.) функциональной эквивалентности переживания и действия и Ло (*Loh*, 1972: 48 ff.) различающегося отношения к идентификации систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

38. Различием между интернальным и экстернальным приписыванием занимается также социальная психология, работа на стыке важных проблем когнитивной психологии и психологии мотиваций. См.: *Lecourt*, 1966; *Kelly*, 1967; *Jones et al.*, 1971; *Meyer*, 1973.

39. См.: *Luhmann. Selbststeuerung der Wissenschaft // ders.*, 1970: 232—252 [233]. Социально-психологические исследования доказывают, что в формировании ошибочных когнитивных ожиданий принимает участие эмоциональность. По-видимому, это происходит вследствие эмоционального стремления к уравновешиванию. См., например: *Carlsmith, Aronson*, 1963; *Keisner*, 1969.

40. О понятии мотива, который здесь имеется в виду, см.: *Blum, McHugh*, 1971.

41. Обзор новейших исследований см.: *Maselli, Altrocchi*, 1969.

42. Единственной причиной они не могут быть потому, что воля и мотив не являются независимыми от действия, определяемого ими; определяя его, они определяются им сами. См.: *Melden*, 1961: 83 ff.

43. В этой связи можно также упомянуть категорию *интереса*, которая в период своего появления — в эпоху зарождения буржуазного общества — проектировалась специально для этого общества. Интересом является мотив действия, формируемый только в рефлексии, иначе говоря, только в переживании. Этот мотив действия сразу распознается в перспективе переживания как проблематическое обособление. В буржуазном обществе он, являясь прежде всего экономическим мотивом, тесно связан с дифференциацией общества. С переходом дифференцирования действий в категории переживания здесь, как и в других аналогичных случаях, связано требование социального единодушия, которое в буржуазном обществе не может быть достигнуто ни религиозным рвением (Фенелон), ни конкретной нравственностью государства (Гегель), не говоря уже о таком широком понятии, как «общественный интерес». Достигается же оно исключительно посредством денег, выступающих в качестве гармонизирующей формулы устойчивых интересов. Об истории понятия «интерес» см.: *Spaemann*, 1963: 74 ff.; *Hirsch-Weber*, 1969: 50 ff.; *Neuendorff*, 1973.

44. Мы не предполагаем существование транзитивного порядка предпочтений. Если бы нечто подобное существовало, то

ПРИМЕЧАНИЯ

калькуляция власти и ее применение естественным бы образом упрощались — вплоть до полного их исчезновения. О бинарной схематизации предпочтений см. ниже.

45. Контингентность власти присутствует, следовательно, уже в сфере чистых возможностей, а не только в сфере решений по поводу «использования властных средств». См. по этому поводу последовательное различие не-контингентных и контингентных угроз и обещаний у Тедeschi: *Tedeschi, 1970*.

46. Иначе представляет это распространенная теория угроз, которая видит в чистых угрозах «замену» собственного исполнения власти, причем замену с определенными свойствами, которые высвобождаются посредством генерализирующих сил. Ср., например: *Clausen, 1972: 8*. Эта концепция вплотную приближается к излагаемым ниже представлениям о генерализации власти. Однако о «замене» в данном случае нельзя говорить как раз потому, что это понятие предполагает тождественность функций санкции и угрозы. А этой тождественности мы и не наблюдаем.

47. К этому пониманию примыкает теория и художественный стиль *провокации*. Провокация является вызовом для властителя, требующим от него демонстрации или даже реализации своих альтернатив избежания, что приводит к разрушению его власти *им же самим*. Это типично детское испытывающее поведение, которое, однако, может быть рекомендовано и как общественно-политическая стратегия.

48. См., например: *Riggs, 1957: 70, 86*. Также: *Parsons, 1964 a; Coser, 1967: 93*.

49. Хотя данное различие является старым и общепринятым, имеется относительно мало эмпирических исследований по сравнению негативных и позитивных санкций. Их обзор см.: *Raven, Kruglansky, 1970: 86*. О готовности к кооперации как независимой переменной см.: *Miller, Butler, McMartin, 1969; Schmitt, Marwell, 1970; Cheney, Harford, Solomon, 1972*.

50. Об этом недвусмысленно пишут Парсонс (*Parsons, 1963 a*), Блау (*Blau, 1964: 117*), Бахрах и Барац (*Bachrach, Baratz, 1970: 21*). Кроме того, Болдуин показывает, что политическая наука развивается преимущественно в направлении, которое вырабатывает важные различия между негативными и позитивными санкциями, хотя потом он применительно к обоим видам санкций странным образом вновь обращается к использованию более широкого понятия власти. Мое главное сомнение относительно широкого понятия власти состоит в том,

ПРИМЕЧАНИЯ

что это понятие включает в себя такие формы влияния, как деньги и любовь.

51. Блау (*Blau*, 1964: 116) говорит об «изначальной основной черте» (*initial baseline*), то есть о некотором *status quo*, применительно к которому только и могут различаться наказание и поощрение.

52. Речь здесь идет не о различии актуальной и потенциальной власти (как это часто формулируют), а о действительном и эффективном ориентировании в возможностях, то есть о так называемом законе предвосхищаемых реакций Фридриха (*Friedrichs law anticipated reactions*). См.: *Friedrich*, 1941: 589. Обратите также внимание на различие «власти как потенциала» (*power as potential*) и «потенциала для власти» (*potential for power*) у Роуза (*Rose*, 1967: 47). См. также: *Wrong*, 1968: 678. При всех стараниях автора придерживаться этого различия его логические и теоретические основания в конечном счете остаются неясными. Отличие некоей чисто возможной власти от потенциала власти, реализация которого является вероятной и который оказывает воздействие уже *per anticipationem*, может быть объяснено лишь посредством обращения к различным условиям возможности, иначе говоря, с помощью различения системных референций.

53. См.: *Goodman*, 1965: 50.

54. См.: *Marsh*, 1966: 58.

55. Простейший принцип подобного рода состоит в том, что власть применяется лишь соразмерно росту сопротивления; так, например, полагает Кларк (*Klark*, 1965: 12). Тем не менее остается нерешенным еще один вопрос, а именно: не ведет ли «экономическое» обращение с властью к отказу от ее признания, поскольку экономическая рациональность максимизирует, как правило, не доходы, а всего лишь разницу между доходами и расходами.

56. *Harsanyi*, 1962 a, 1962 b.

57. Так считает, например, Абрамсон (*Abramson*, 1958: 17). Парсонс переводит данную проблему в область аналогий с деньгами и выдвигает тезис, согласно которому, всякое применение власти означает ее растрачивание (*spending of power*). См.: *Parsons*, 1963 a: 246.

58. Разоблачение этого положения властителя может быть также связано с намеренными провокациями, а именно, с провокациями-пустяками, цель которых состоит в том, чтобы спровоцировать власть имущего на применение

ПРИМЕЧАНИЯ

власти ради самой власти и раскрыть тем самым его потенциал.

59. Ср.: *Watzlawick, Beavin, Jackson, 1967*.

60. Термин «формулируется» используется в данном случае в том смысле, в каком его употребляют Гарфинкель и Сакс (*Garfinkel, Sacks, 1970*). Такое «формулирование» кода-отношения в повседневной интеракции необходимо последовательно отличать от общей сформулированности кода, скажем, от его представления в форме письменного текста. Но и тексты нужно цитировать, и именно это последнее и подразумевается здесь под «формулированием».

61. В этой связи интересными представляются результаты эмпирического исследования коммуникативных отношений между начальствующими и подчиненными, изложенные в книге Бернса (*Burns, 1954*). См. также подтверждение этих результатов в следующих книгах: *Webber, 1970: 244 ff.*; *Zaleznik, Dalton, Barnes, 1970: 97 ff.*

62. Фишер (*Fischer, 1969: 27*) видит в этом вопросе стратегическую проблему и советует власть имущему не поддаваться рутине и не уступать чувству ангажированности, но всякий раз решать проблему по-новому, согласовывая каждый свой шаг с ситуацией и возможностями решения адресата. Параллельно этому следовало бы все-таки исследовать структурные предпосылки, от которых зависит открытость будущности властителя.

63. Это сравнение можно обнаружить у Т. Парсонса, хотя и в несколько ином смысле, в его формуле «растрачивания власти» (*spending of power*) через установление «обязывающих решений», что подразумевает перенос расходуемой власти. См.: *Parsons, 1963 a: 246*.

64. В американских исследованиях, посвященных общественной власти (*community power*), также говорят о «темах» (*issues*).

65. Иначе обстоит дело в экономической системе, где ориентированные на средства процессы должны избегать тематической интеграции, и поэтому в качестве субститута темы функционируют передаваемые («транслируемые») символы денег, идентифицируемость которых гарантирует консистенцию селективных событий. Это дает возможность наглядно представить «течение» экономического процесса, несмотря на смену тематического интереса к обороту денежных символов при переходе денег из одних рук в другие. В этой более высокой абст-

ПРИМЕЧАНИЯ

рактности денег лежит предел сравнения циркуляции денег с циркуляцией власти.

66. Эта проблема исследуется у Айзенштадта (*Eisenstadt*, 1963) на примере формирования великих империй прошлого.

67. См.: *Hahn*, 1967.

68. См. его определение (*Hohlm*, 1969: 278): «Власть А по отношению к В есть способность А негативно влиять на действующего В».

69. Это приводит затем к трудностям, которых можно избежать, если правильно выбрать понятие власти. Критику методологических упрощений данного подхода можно найти у Крисмански (*Krysmanski*, 1971: 65 ff.).

70. См.: *Douglas*, 1966: 94 ff.

71. См.: *Parsons*, 1951: 10 f., а также: *Parsons, Bales, Shils*, 1953: 41 f.

72. Сравните это положение с понятием *state of conditional readiness* (состояние обусловленной готовности) у Мак-Кея (*MacKay*, 1972: 12 f).

73. О молекулярных системах, способных следовать комплексным инструкциям, см.: *Eigen*, 1971: 492 ff.

74. О границах артикулируемых в языке возможностей отрицания см.: *Schmidt*, 1973.

75. Я умышленно использую в данном случае форму прошедшего времени, чтобы показать, что манифестация власти заводит партнеров в ситуацию, при которой одному из них непременно нужно заполучить иную историю, а именно историю, которая придает его целям селекционную остроту, характеризующую определенными фронтальными диспозициями.

76. Подробнее см. ниже.

77. См.: *Bachelard*, 1938; 1940.

78. См.: *Gnther*, 1959; 1967. К вопросу о неразрешенности соответствующих проблем кодов в системной теории см.: *Hejl*, 1971/72.

79. Аналогичные явления представляются функционально значимыми и для других коммуникативных средств. Абсолютно немислимо, чтобы все функционирующие, требующие согласования истины постоянно бы присутствовали в коммуникации. В случае любви чувство высочайшего взаимопонимания основывается как раз на ненужности неуклюжих средств языковой коммуникации (см.: *Berger, Kellner*, 1965), а необходимость языкового выражения любовной коммуникации может явиться признаком кризиса. Точно также и успех упорядочива-

ПРИМЕЧАНИЯ

ющей функции коммуникативного средства денег основывается в значительной степени на операциях расчета, которые лишь в крайних случаях могут зависеть от эксплицитного тестирования рынка, спрашивания цен у продавца и тому подобного. Во всех перечисленных случаях предполагается дифференциация кодов-символов и тематик, о редукции которых собственно и идет речь. К этому вопросу мы скоро еще раз вернемся.

80. Об этом на примере организаций см.: *Mechanic*, 1962; *Rushing*, 1962; *Kahn, Wolfe, Quinn, Snock*, 1964: 198 ff. Моя гипотеза состоит в том, что современные тенденции к сочувствующему, разрешительному стилю руководства, предполагающему соучастие подчиненных, представляет собой следствие того, что начальствующий просто не имеет возможности вести себя как-то иначе. Или, формулируя мысль по-другому, усиление власти с необходимостью требует разгрузки коммуникативного процесса, а это предполагает большее разделение труда.

81. Значение подобной тематической независимости может быть хорошо проиллюстрировано на противоположном примере — примере системы (скажем, университет или факультет), которая аналогичным образом нейтрализует сильную персонализацию власти благодаря зависящим от тем флуктуациям. Но именно поэтому управление на основе прямого использования власти здесь затруднено, а равным образом не может идти речи и о какой-либо власти со стороны. Об этом свидетельствует любопытный анализ, представленный в работе Бухера (*Bucher*, 1970). Как бы то ни было, университет, как организация, специализирующаяся на истине и воспитании, нуждается в нейтрализации власти. Однако сегодня это динамическое и ориентированное на консенсус властное равновесие все больше замещается статичным равновесием группового конфликта, в котором фактическую власть исполняет «внутренний круг» лиц, ориентированный, скорее, экономически.

82. Подобная рассогласованность является, по-видимому, более важной в случае власти, чем в случае денег. Деньги очень просто взять у тех, кто, накопив их, убеждается в том, что их следует пускать в оборот. Так возникает кредит. Эквивалентом кредита в случае власти было бы блефование средствами власти, порождаемыми самим этим блефом.

83. Одной из важных причин политического краха китайских императорских советников из числа теоретиков легизма являлось, по-видимому, невнимание к различению должности

ПРИМЕЧАНИЯ

и личности властителя. Это привело к тому, что предельно абстрактная, лишенная какой-либо моральной опоры теория и практика власти накладывала обязательства на личности конкретных государей, ассоциировалась с ними, а затем вместе с их падением и исчезала. См.: *Vandermeersch*, 1965: 175 ff. Современные исследования создают впечатление, что именно вследствие этого лица, наблюдавшие государя, неизбежно должны были гипертрофированно приписывать ему высокий уровень интеллекта. См.: *Han Fei Tzu*, 1964; *Bünger*, 1946.

84. См. об этом ниже.

85. Примеры см.: *Bensman, Gerver*, 1963.

86. К этому можно добавить то, что на более высоких должностях наблюдаемые конфликты становятся более открытыми. См.: *Evan*, 1965.

87. Это означает, что власть перестает проявляться в виде приказов. Ведь и любовь не состоит в половых актах, истина не выражается в словах или предложениях, а деньги — это не монеты.

88. См.: *Luhmann* 1971 a: 188 ff., 207 f.; *Grunow*, 1972: 18 ff.

89. На этом пример Блейн (*Blain*, 1971) пытается развивать альтернативу меновой модели коммуникативных средств Парсонса.

90. См.: *Bachelard*, 1938.

91. См.: *Luhmann, Reflexive Mechanismen // Luhmann*, 1970: 92—112.

92. Интересный пограничный случай описывает Смит. См.: *Smith*, 1960.

93. Это ясно демонстрирует позиция, которая в рамках данного вопроса представляется критической: речь идет об институте политических выборов, который, отвечая за смену высшего властителя, именно вследствие этого основывается на дифференцированной структуре ролей, так что политический избиратель в рамках этого института едва ли в состоянии реализовать в своем политическом выборе какие-то другие интересы, вытекающие из его неполитических ролей.

94. В данном случае я также рекомендую обратиться к исследованию Смита. См.: *Smith*, 1960: 27 ff. О теоретических проблемах обратно ориентированной власти см.: *Wrong*, 1968: 673 ff.

95. См.: *Luhmann, Selbststeuerung der Wissenschaft // Luhmann*, 1970: 232—252.

96. Любопытно, что в случае схемы истина-репутация ее ре-

ПРИМЕЧАНИЯ

левантность для внешних отношений может, по-видимому, превращаться в свою противоположность: хотя во внешнем для системы науки социальном мире научная репутация представляется понятной (как авторитет), за пределами такого понимания остаются вопросы собственно теоретического стандарта и методических критериев поиска истины.

97. Развивать здесь далее это сравнение мы не имеем возможности. Однако следует предупредить читателя от возможных недоразумений. Бинарный схематизм любовных отношений состоит не в том, что партнеров оказывается двое, а в том, что общественный мир удваивается и повторяется в мире личных отношений, в котором все события могут подвергаться повторной проверке в отношении их значимости для переживания партнеров. То обстоятельство, что речь при этом идет лишь об одном партнере (в общем и целом — о двух партнерах), делает возможным однозначный характер упорядочивания в ходе этой параллельной оценки. Предписываемое кодом любви-брака партнерство двоих является, следовательно, лишь соблюдением правила удвоения (дубликации), но еще не самим удвоением (дублицированностью). Это удвоение еще только должно быть достигнуто в соответствии с указанными символическими инструкциями, а значит, оно может и не удался.

98. См.: *Luhmann*, 1974 а: 60 ff.

99. См. также ниже параграф 7.

100. См.: *Kelly*, 1958; *Weinrich*, 1967.

101. В данном случае мы сталкиваемся с древнейшей проблемой конструкции мира архаических обществ, которая в позднейших обществах в ходе прогрессирующей дифференциации делегируется отдельным коммуникативным средствам, приобретая тем самым более рациональную, лучше специфицированную, но в то же время и более невероятную форму выражения. К вопросу о более ранних формах конструкции мира см.: *Massart*, 1957; *Yalman*, 1962; *Leach*, 1964. Новейшая версия этой же проблемы представлена теоремой Эрроу, которая затрагивает весьма узкий круг условий, при которых множество комплексных точек зрения может быть выражено исключительно в виде решений да-нет. См.: *Arrow*, 1963.

102. См.: *Sorel*, 1936.

103. См.: *Kuhn*, 1967.

104. См.: *Parsons, Bales, Shiles*, 1953: 45 ff., 81; *Parsons*, 1960; см. также: *Blau*, 1962.

105. Это происходит в силу того, что в рамках права уже дав-

ПРИМЕЧАНИЯ

но и повсеместно сформировались широкие универалистские ориентации, способные обеспечивать разрешение правовых конфликтов в согласии с заранее установленными критериями, независимо от конкретных признаков и ситуативных определений самих участников.

106. Обзор исследований и другие материалы по этой теме см.: *Macaulay, Berkowitz, 1970.*

107. Власть *wоспитателей* (в семье и школе), по-видимому, не участвует в этом взаимодействии, поскольку ее юридическое регулирование связано со значительными трудностями. Если воспитание опирается на внешние источники власти, это влечет за собой разрушение всякой воспитательной задачи, даже если такая опора и регулируется правом. Власть воспитателей трудно обуздать юридически и обеспечить за ней политический или судебный контроль. Замечательное исследование этой проблемы см.: *Rubington, 1965.*

108. См.: *Stinchcombe, 1968: 150 f., 158 ff.* Аналогичное представление мы обнаруживаем у Попица (*Popitz, 1968*), согласно которому «базисная легитимация» имеет своим исходным пунктом «взаимное признание привилегированных». Сравнение этих двух анализов, помимо всего прочего, помогает осознать, что данный феномен является гораздо более проблематичным на уровне интеракционных систем, о которых идет речь у Попица, нежели на уровне функционально дифференцированных общественных систем, в которых интегрируются и одновременно взаимно обуславливают друг друга весьма разнообразные источники власти.

109. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

110. Ср. это с тем, что было изложено выше в гл. II.

111. Обзор такого рода исследований дан у Тедеси: *Tedeschi, 1970.*

112. Когда я писал эти строки, газета «Франкфуртер Альгемайне» (номер от 12 августа 1972 года) сообщила, что политики всех партий дистанцировались от санкционированного прокурором обыска в здании редакции одного иллюстрированного журнала и что даже федеральный канцлер публично выразил сомнения в правильности методов государственной прокуратуры. Тем самым дискредитации подверглось право как достаточное основание для исполнения власти. Здесь возникает вопрос, к какому же еще коду, кроме правового, может апеллировать господин Брандт, чтобы показать свою убедительность в качестве властителя: к своим благим намерениям или

ПРИМЕЧАНИЯ

угрозе физического насилия? Оба ответа имели бы регрессивный характер. Они указывали бы на общественно-политическое состояние, которое уже было преодолено посредством государственно-правового кодирования политической власти.

113. О возникновении иерархий из отношений насилия см.: *Rammstedt*, 1973.

114. Критику соответствующих теоретических предпосылок см.: *Luhmann*, 1969: 160 ff. Если критика иерархии является обычным делом, то на проблему и предпосылку константности суммы обратил внимание, прежде всего, Парсонс. См.: *Parsons*, 1963 a: 250 ff.; 1963 b: 59 ff. См. также: *Lammers*, 1967. О проблемах меновых и эксплуатационных процессов между центром и периферией см.: *Jessop*, 1969.

115. Это требование аналитической независимости теории коммуникативных средств от нормативных кодов самих средств, сохраняющее, вопреки сомнениям Хабермаса и других, свое значение даже в случае такого коммуникативного средства, как истина, я бы, разумеется, с удовольствием рассмотрел в его специфической форме — в форме обратного влияния теории коммуникативных средств на ее предмет. Теория коммуникативных средств, для которой, как мы видели, даже логика и непротиворечивость являются, прежде всего, признаками кода истины, в процессе познания должна подвергать проверке свою собственную способность производить истинные высказывания. См.: *Habermas, Luhmann*, 1971: 221 ff., 342 ff.

116. Это высказывание, разумеется, имеет смысл лишь в рамках сформулированного нами в гл. I понятия мотива.

117. Именно ради этого в бюрократических организациях существуют специально выработанные ритуалы. Коды власти, выстраиваемые в противоположном этой тенденции направлении, например приписывающие подчиненному право и обязанность отказываться от повиновения, а значит, и ответственность, в случае противоправных указаний должны принимать во внимание то, что предписываемое ими поведение крайне трудно осуществимо. Так, в военной сфере подчиненному обычно просто не придет в голову, что ему самому могут приписать селективное отношение к выполнению приказа. К тому же информационная нагрузка в процессе проверки *всех* ситуаций, в рамках которых отдаются приказание, была бы столь высока, что соответствующее смещение ответственности было бы малоэффективно. Однако в *исключительных случаях* такие ситуации все же имеют место. Аналогичным образом, определенные

ПРИМЕЧАНИЯ

функции подобного рода в рамках кода власти могут выполнять и иллюзорные элементы. См.: *Rostek*, 1971.

118. См.: *Lovejoy*, 1936. О связи перфекции и отрицания см.: *Burke*, 1961: 283 ff.

119. *Kyriōtatē* у Аристотеля (Политика, 1252 а 5), *principa-lissimum* у Фомы Аквинского (*Thomas*, 1492: 1).

120. Так, постепенное вытеснение в эпоху позднего средневековья положения Ансельма об «*ens quo maius cogitari nequit*» («существо, больше которого невозможно помыслить») положением об «*ens infinitum*» («бесконечном существе») Дунса Скота имело своим следствием научное признание актуальной бесконечности мира, хотя и не затрагивало присущие Богу атрибуты. См.: *Maier*, 1947.

121. См.: *Calasso*, 1951; *von der Heydte*, 1952; *Quaritsch*, 1970: 80 ff.

122. Одним из наиболее известных примеров такого подхода является учение Кельзена об *основной норме* (*Grundnorm*), если понимать его как теоретико-познавательную гипотезу, которая призвана обосновать правомерное исполнение *власти*. См.: *Kelsen*, 1960. Другая интерпретация этой идеи представлена Хабермасом в известном тезисе, что всякая власть устанавливается в ходе дискурса по вопросу ее обоснования.

123. См.: *Parsons*, 1964 в. Согласно Парсонсу, медийное средство «власть» (*power*) контролируется в рамках социальных систем медийным средством «влияние» (*influence*), которое, в свою очередь, подвергается контролю со стороны медийного средства «ценностных предпочтений» (*value commitments*). См.: *Parsons*, 1963 b; 1968.

124. Примеры многочисленных случаев подобного рода см.: *Vönger*, 1946: 27 f., 66 ff. См. также слова римского юриста Павла Юлия в «Дигестах» (32, 23): «На основании непроверенных доносов императору *постыдно* отрешать от должности легатов или своих доверенных лиц; высшей власти *надлежит* подчиняться законам в той мере, в какой законы ее не связывают» (курсив Н. Лумана; пер. с латинского М. Хорькова. — *Прим. ред.*).

125. О происхождении этой формулы «Дигест» (1, 3, 31) и ее применении в средние века см.: *Esmein*, 1913; *Krause*, 1952: 53 ff.; *Tierney*, 1962—63. Первоначально она означала всего лишь конкретно понимаемую привилегию императора самостоятельно издавать указы, например предписания по структуре полицейских органов.

ПРИМЕЧАНИЯ

126. Этому опасается Липп (*Lipp*, 1972). Вопросы в этом ключе формулировал также в одном устном выступлении Райнер Баум.

127. См. выше начало этой главы.

128. О возникновении и развитии политических тем см.: *Luhmann*, *Öffentliche Meinung* // *Luhmann*, 1971 а: 9—34.

129. Размышления по этому поводу см.: *Luhmann*, 1973 е.

130. Подробный анализ см.: *Luhmann*, 1974 b.

131. Точно так же, как это имело место уже в правовом двойном кодировании власти, в политическом двойном кодировании можно наблюдать тенденции развития прямых и наивных преференциальных связей, которые впоследствии получают не системно-структурное, а моральное обоснование. Такую связь предпочтений предлагает, например, постулат, согласно которому власть должна быть прогрессивной, а не консервативной, что в соответствии с логикой политического кода вызывает к жизни противоположный тезис: власть должна быть консервативной, а не прогрессивной.

132. На этом основываются предположительно высокие флуктуации норм в архаических обществах. Об обосновании норм средствами интеракционного консенсуса см.: *Luhmann*, 1972 b, Bd. I: 39, 149; Bd. II: 267 ff.

133. См. выше параграф 5 данной главы.

134. Именно при этом условии мне представляется возможным дальнейшее рассмотрение понятия легитимности, или легитимации. См.: *Luhmann*, 1969 а.

135. См.: *Meu*, 1972. Лучший анализ систем организаций см.: *Dubin*, 1963.

136. Другие примеры подобного рода см.: *Crozier*, 1963: 142 ff., 203 ff. Общая проблема нейтрализации централизованной власти вследствие возрастающих взаимозависимостей рассматривается также у Элиаса. См.: *Elias*, 1970: 70 ff., 96 ff.

137. Подробнее об этом вопросе см.: *Luhmann*, 1972 d.

138. Можно, например, предположить, что универсальное значение бинарных схематизмов обусловлено симбиотически, скажем, физиологической дифференциацией приятного-неприятного. Возможно также и то, что в их основе лежит порог, разделяющий краткосрочную и долгосрочную память. Во всяком случае современные исследования указывают на то, что в случае прерывания потока переживаний этот порог обычно более не сохраняется в долгосрочной памяти в виде двух видов информации. См.: *Simon*, 1969: 39 f. Если это предположение под-

ПРИМЕЧАНИЯ

твердиться, то тем самым будет объяснено, почему на *символическом* уровне при данных исходных условиях более плодотворным оказывается надделение одного из этих двух видов информации высоко генерализированной формой *отрицания*, то есть бинарная схематизация его в данном специфическом смысле.

139. В этом случае Парсонс склонен говорить об обеспечении «реальными активами» (*real assets*), а Дойч — о «контроле за повреждениями» (*damage control*). Оба исследователя видят в этом условии для «подведения» под процессы символической генерализации своего рода базиса надежности. Ср.: *Parsons*, 1963 а; *Deutsch*, 1969: 184 ff.

140. Мы ограничиваемся рассмотрением лишь случая насилия по отношению к людям. Под этим следует понимать и такое предметно опосредованное насилие, которое препятствует людям свободно распоряжаться своим телом, скажем, при изоляции в помещениях, в которые заключенные в них люди попадают по собственной воле. Насилие по отношению к вещам, скажем, при сознательном их разрушении, служит основанием власти лишь в том случае, если оно задумывается в форме символической угрозы и возвещает о готовности применить насилие также и по отношению к людям, например, против тех, кто захочет защитить свои вещи.

141. Этот упорядочивающий фактор, конечно, не является единственным. Он отнюдь не объясняет все фактические проявления физического насилия. Насилие имеет и другие многочисленные функции, вызываемые к жизни различными побуждениями, скажем, функции экспрессивного типа, функции вспомогательного типа (например, при лечении больных или спасении утопающих) и даже функции воспитательного типа. Так, Фэнон (*Fanon*, 1961: 29 ff.) доказывает, что на *общественно-политическом* уровне имеет место агрегация *психических* эффектов: акты насилия провоцируют у притесняемых рост самосознания. Это, разумеется, вполне возможно, но не объясняет возможностей и границ политико-организационной агрегации подобных эффектов. Еще меньше здесь говорится о *комплексности* и «просвещаемости» подобного самосознания.

142. Выше, в примечании 47, рассматривая вопрос о провокации, мы отметили, что асимметрия в процессе реализации альтернатив избегания иногда выглядит довольно странно и что при определенных обстоятельствах властитель и подчиненный могут меняться местами в своем отношении к этим альтер-

ПРИМЕЧАНИЯ

нативам. Также и в отношении задуманного насилия не исключается возможность реализации определенного вида принуждения, а именно когда подчиненный (или слабый) принуждает власть (или сильного) к фактическому применению насилия. Стратегия вызывающего поведения, провоцирующего насилие, в определенных обстоятельствах может приводить к политическому успеху, а именно в тех случаях, когда властитель в силу сложившейся политической ситуации не может использовать насилие как основание своей власти.

143. Шпеман ссылается в данном случае на Канта: *Spaemann*, 1972.

144. Здесь уместно подвергнуть сравнению параллельную область когнитивной переработки информации. См.: *Simon*, 1969. Любопытный анализ, причем именно применительно к власти, можно обнаружить у Попица. См.: *Popitz*, 1968.

145. Об этих особенных требованиях, предъявляемых к «макросоциологической» власти, см.: *Lehman*, 1969.

146. См., например: *Schermerhorn*, 1961: 36 ff.; *Partridge*, 1963: 110 ff.; *Buckley*, 1967: 176 ff. Другие источники см.: *Walter*, 1964.

147. См.: *Husserl*, 1954. Рассмотрение данной проблемы ограничивается у Гуссерля собственно областью коммуникативного средства истины. Для интересов практической феноменологии в его трудах можно обнаружить лишь отдельные полезные замечания.

148. См.: *Husserl*, 1954. По этому вопросу см. также: *Blumenberg*, 1963.

149. Если представлять жизненный мир вообще без контингенций, как это делает Блуменберг (*Blumenberg*, 1972), то можно говорить о том, что только техника и конституирует контингенции. Правда, в этом случае сама феноменология, если в поисках истины она не начинает противоречить логическим условиям, понимается как техника.

150. Об этом см.: *Simon*, 1969: 1 ff.

151. О таком довольно широком определении влияния как основы типологических дифференциаций см.: *Raven*, 1965; *Cartwright*, *Zander*, 1968. Обзор современных социально-психологических исследований, проведенных в США, см.: *Tedeschi*, 1972.

152. Подробнее см.: *Luhmann*, 1971 b.

153. Из своеобразия этого инструмента вытекает, что временные и социальные генерализации возникают и преобразу-

ПРИМЕЧАНИЯ

ются гораздо чаще и легче, чем генерализации предметные. В повседневном общении в пространстве жизненного мира первые два типа генерализаций вообще могут ускользнуть из области осознанного внимания. Слова способны иметь значения независимо от того, кто и когда ими пользуется. Но для них не безразлично то, какое в них вкладывается содержание. Соответственно, язык делает возможным полную диссоциацию, с одной стороны, говорящего и временных моментов говорения, а с другой стороны, социальных и временных содержаний, о которых говорится. Но язык не способен полностью диссоциировать субъективное полагание и значение без того, чтобы не привести в хаотичное состояние использующую его систему интеракции.

154. Специальную теорию влияния на бихевиористской основе, принимающую в расчет это основание временной генерализации (*generalized reinforcement*), предлагают Эдамс и Роумни (*Adams, Romney, 1959; 1962*).

155. Эта терминология вводится нами произвольно и не претендует на понятийную согласованность с другими исследованиями, в которых используются эти термины. Соответствие терминов обозначаемым ими реалиям должно, следовательно, при переходе от одного случая к другому проверяться заново независимо от используемой терминологии. Я сам в своей работе «Функции и следствия формальной организации» (1964: 123 ff.) предлагал обозначения «власть» (вместо «авторитета»), «авторитет» (вместо «репутации») и «лидерство». Основанием для указанных изменений стала дальнейшая разработка теории коммуникативных средств. Подробный анализ истории этих понятий существует прежде всего в отношении понятия «авторитет» (*auctoritas*). См.: *Veit, Rabe, Röttgers, 1971; Rabe, 1972*. В этих исследованиях можно также найти ссылки на посвященную данному вопросу обширную литературу.

156. Схожее различие, хотя и иное по своей интенции, а именно с прицелом на выявление исчисляемых измерений власти, делает Даль (*Dahl, 1957*). Из пяти переменных, которые, по его мнению, определяют понятие власти, он выбирает три, касающиеся подчиненных, делая их основой сравнения. Этими тремя переменными являются следующие: предметно-тематический охват (*scope of power*), социальное измерение, сведенное к простому множеству подчиненных (*number of comparable respondents*), и временное измерение готовности поддаться вли-

ПРИМЕЧАНИЯ

янию (*change in probabilities*), которое, правда, понимается не как перманентность, но как смена моментов. Аналогичным образом рассуждает и Каплан: *Kaplan*, 1964: 13 ff.).

157. См.: *Luhmann*, 1972 с.

158. Сравните это положение с общей кибернетической теорией вероятности роста отклонений. См.: *Maruyama*, 1963.

159. Первым различие между нереклексивным и рефлексивным традиционализмом, используемое ныне в многочисленных исследованиях по проблеме традиции, ввел Карл Мангейм (*Mannheim*, 1927).

160. Именно в этом смысле Фридрих (*Friedrich*, 1958) определяет авторитет как способность к выработке разумных решений. Он подразумевает здесь не чисто субъективную способность, а свойство коммуникации, в ходе которой, помимо всего прочего, осуществляется соответствующая антиципация. Здесь важна не столько сама способность, сколько общепринятое допущение такой способности и ее переоценка. В социально-психологических исследованиях подчеркиваются когнитивные связи между видом репутации и влиянием на мнения (*Asch*, 1948). Характерные особенности одного из участников коммуникации, увеличивающие его убеждающую силу, иногда подводятся под приводящее к заблуждениям понятие «этноса» (*Andersen, Clevenger*, 1963). Другие исследования на эту тему используют понятия «экспертной опытности», «компетентности», «кредита доверия».

161. См.: *Luhmann, Selbststeuerung der Wissenschaft // Luhmann*, 1970: 232—252.

162. Момент непроверенного, некритического признания присутствует также, причем в гораздо большей степени, в понятии авторитета. Например, это дает о себе знать в старой традиции различения мнения и знания (применительно к общественной теории это означает отделение науки от жизненного мира). См.: *Lewis*, 1849: 6 f.

163. Помимо прочего см.: *Weltz*, 1964, 27 ff.

164. При исследовании групп в отношении лидерства, напротив, часто подчеркивается, что централизация ролей не может утвердиться на основе одной только функции, а лидерство в системе может распределяться также и диффузно. См.: *Pater-son*, 1955: 117 ff.; *Thibaut, Kelley*, 1959: 283 ff.; *Shelley*, 1960; *French, Snyder*, 1959. Критические замечания см.: *Janda*, 1960: 351 f.

165. О праве как функции обеспечения такого соответствия

ПРИМЕЧАНИЯ

генерализаций в области нормативных ожиданий см.: *Luhmann*, 1972 b, Bd. I: 27 ff.

166. В данном случае я имею в виду исследования Айзенштадта, которые, правда, остаются еще весьма грубыми как с эмпирической, так и с теоретической стороны. См.: *Eisenstadt*, 1963. См. также: *Fried*, 1967; *Sigrist*, 1967.

167. См.: *Luhmann*, 1973 a.

168. См.: *Luhmann*, 1972 d.

169. Именно поэтому формула, согласно которой рациональность состоит в произвольности, ведет к заблуждениям. См.: *Claessens*, 1967. Данное положение следовало бы сформулировать точнее: более высокая степень рациональности означает более высокую контингенцию выбора среди большего количества ограничений при осуществлении данного выбора. Иначе говоря, более высокая степень рациональности — это большая контингентность, которая способна содержать в себе большее число ограничений. Относительно примера с медийным средством денег, который приводит Клэссенс, следует сказать следующее: более высокий уровень рациональности достигается здесь благодаря тому, что большая свобода при использовании денег делает возможным учет большего количества оснований для ограничения этого использования.

170. См.: *Аристотель*. Политика. III, 4.

171. Более подробно см.: *Luhmann*, *Komplexität und Demokratie* // *Luhmann*, 1971 a: 35—45; 1965; 1973 b.

172. См. *Elias*, 1970: 70 ff., 96 ff. Сравните это с изображением буржуазной революции как снятия старого баланса между «центром» и «периферией», приводящего к идеологизации политики, к ее восприимчивости к протестам (*Eisenstadt*, 1971: 317 ff.).

173. См.: *Ritter*, 1957.

174. Эта политически приобретаемая независимость от случайности, свойственная развитым обществам, была ведущей темой в древнекитайской политической философии легизма. См.: *Duyvendak*, 1928: 109 ff.

175. Об образовании обратно направленной власти во властных цепях см. выше (гл.3), также подробнее в гл.9.

176. См.: *Bachrach*, *Baratz*, 1962; 1963.

177. Однако из этого ни в коем случае еще нельзя делать вывод о том, что сохраниться своего рода *status quo* и общество окажется неспособным к изменению. Стремительное изменение общества уже не остановить; консервация бессмысленна, и к

ПРИМЕЧАНИЯ

тому же для нее нет возможностей. Вопрос может состоять лишь в том, можно ли вообще управлять этим изменением, и если да, можно ли это делать в форме применения власти.

178. См.: *Luhmann*. Die Knappheit der Zeit und die Vordringlichkeit des Befristeten // *Luhmann*, 1971 a: 143—164.

179. Здесь необходим более тонкий анализ того, требует ли воспроизводимость решений проблем дополнительных факторов в рамках линейных последовательностей. Если это предположение подтвердится, то станет возможным нащупать границы того, что именно способна транслировать власть в ходе более или менее автоматического, свободного от внешних вмешательств воспроизводства.

180. См. также: *Luhmann*, 1973 b: 12 ff.

181. Поначалу это проявлялось в вопросе о «легитимности господства» как такового (а не легитимности того, кто господствует); ныне вопрос о легитимности вообще никак не ставится, и негативный ответ на него — молчаливо подразумевается. В ходе опроса служащих государственных учреждений Федеративной Республики Германии, например, выяснилось, что 62% опрошенных (а в группе молодых — даже 71%) не готовы менять собственные мнения под влиянием своих политических начальников. См.: *Luhmann*, *Mayntz*, 1973: 337 ff. Хотя эти цифры не позволяют сделать надежный вывод о фактической готовности чиновников к послушанию, все-таки они показывают, какой глубокой коррозии подверглась в настоящее время основа политического лидерства. Это исследование также демонстрирует, что *сегодня это происходит не только потому, что правовая форма стала функциональным эквивалентом властных указаний.*

182. Если рассматривать историю понятий, все эти коды-символы имеют средневековые корни, которые сегодня едва ли могут быть полностью отсечены. Первоначально они были сформулированы в рамках логики перфекции как нечто такое, выше чего ничего нет и быть не может, как завершение своего рода прогрессии восхождения и поэтому получали конкретную и наглядную упорядочивающую форму.

183. Специально о случае карьерного риска см.: *Luhmann*, 1973 с.

184. Интерес к понятийному прояснению этого вопроса в настоящее время проявляют прежде всего неомарксистские наблюдатели позднего капитализма, например Хабермас: *Habermas*, 1973 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

185. См.: *Crozier*, 1963; *Sofer*, 1961; *Baum*, 1961: 70 ff.; *Guest*, 1962. Интересный анализ, рассматривающий способности университетской власти реагировать на разразившийся студенческий кризис, см.: *Bucher*, 1970.

186. Хабермас (*Habermas*, 1973) в своем анализе общества в целом, проводимого на основе концепции «принципов организации», использует слишком жесткий подход к выделению типов организаций.

187. См.: *Mulder, Ritsema van Eck, de Jong*, 1971.

188. Аналогичным образом рассуждает Шарпф: *Scharpf*, 1971: 27 f.

189. Вайкерс (*Vickers*, 1965: 197 ff.) пишет об «отчаянных решениях» (*desperate decisions*).

190. *Parsons*, 1963 a; 1968: 153 ff. Болдуин (*Baldwin*, 1971 a: 608 ff.), обычно весьма скептически настроенный в отношении возможностей сравнения денег и власти, также видит в такой постановке вопроса концептуальную перспективу. См. также: *Mayhew*, 1971: 143.

191. Против этого предостерегают старые политико-правовые положения: *Montesquieu*, 1941: 95.

192. Об этом пишет Баум (*Baum*, 1971), который связывает понятия инфляции и дефляции именно с этим обстоятельством.

193. Имело бы смысл задуматься о том, обстоит ли дело точно так же и с моральным кодом. Моральные коды основываются на дизъюнкции уважения и неуважения. Известно, по меньшей мере, одно радикальное предложение — почитать презируемых, принадлежащее Иисусу из Назарета. Но остается не до конца понятным, шла ли в данном случае речь о перестановке акцентов или же о снятии морали вообще. Во всяком случае, с той поры революции стали стилизовать себя под моральные мероприятия, поскольку моральную революцию можно себе по крайней мере как-то представить.

194. См.: *Heller*, 1933.

195. В остальном все то, что мы говорим о властных ролях отца семейства, собственника или воспитателя, было бы по отношению к политике уже неоправданной аналогией. В современной семье (аналогично и в других случаях) ребенок, использующий средства принуждения, является гораздо большей проблемой, чем заведомо бессильный «приходящий папа» (*visiting father*). См.: *Patterson, Reid*, 1970. К этому следует добавить, что средства принуждения, используемые ребенком, контролировать политически-правовым способом гораздо

ПРИМЕЧАНИЯ

сложнее, чем средства принуждения, применяемые родителями.

196. Хорошее изложение этой взаимосвязи см.: *Moore*, 1972.

197. Мэйхью (*Mayhew*, 1971: 37), ссылаясь на М. Вебера, формулирует следующее положение: «Такой рационально-легальный инструмент, как договор, позволяет задействованным сторонам использовать официальную мощь государства для решения своих частных дел».

198. Можно привести и другие примеры подобного рода: использование логически схематизированного знания вне контекста, в котором оно зародилось, независимо от условий и интересов исследования; пользование собственностью на основе схематизма владения-невладения независимо от контекста ее приобретения.

199. См.: *van der Sprenkel*, 1962: 71; *Cohn*, 1965; *Hahn*, 1967; *Kawashima*, 1968; *Rokumoto*, 1972, 1973; *Gessner*, 1974.

200. Из необозримого количества литературы, посвященной этому вопросу, следует рекомендовать следующие работы: *Naschold*, 1969; *Oberndörfer*, 1971.

201. Модель данного аргумента встречается в кантовской теории взаимоотношений морали и права как условие согласования свободы нескольких субъектов.

202. См., например: *Johannes Duns Scotus*, *Ordinatio I*, dist. 39.

203. «Из множества контингентного не может возникнуть единственно необходимое» (*Фома Аквинский*. Сумма против язычников. III. 86).

204. Такое понимание мы обнаруживаем в веберовском сопряжении понятий господства и штаба управления, господства и управления, господства и организации. См.: *Weber*, 1948: 29 f., 607 ff. Однако и в более современных исследованиях можно натолкнуться на аналогичные упрощения. Так, например, *Стинчкомб* (*Stinchcombe*, 1968: 149 ff.) рассматривает каналы власти в организациях в виде цепей послушания, допускающих вмешательство властителя, определяющего цели и результаты действий даже самого последнего звена этой цепи. Критический анализ см.: *Bendix*, 1945; *Schluchter*, 1972.

205. Кроме того, следует заметить, что средство, специализированное на обмене, является наименее чувствительным по отношению к этим конвертациям и что для защиты других средств должны институционально устанавливаться специальные барьеры. Первоначально в самих деньгах не заложено ни-

ПРИМЕЧАНИЯ

каких оснований, которые препятствовали бы покупке также и власти, истины или любви. В этом находит свое выражение то обстоятельство, что в общественных системах с высокой степенью дифференциации коммуникативных средств возникает тенденция формирования функциональной первичности экономики. Но более внимательный анализ сразу демонстрирует, что монетарное влияние на определение истинных или неистинных предложений разрушает основания самой денежной системы.

206. Разумеется, данное обстоятельство не оспаривает того факта, что экономическая ситуация и политическая ангажированность индивидов как-то коррелируются друг с другом, и, конечно же, не отрицает того, что социальное расслоение требует такой корреляции. Но вместе с тем символика кода, направленная против такой корреляции, институционализована настолько сильно, что раздражает даже ученых, которые призывают к контрмерам вместо того, чтобы рассматривать данную символику в качестве признака порядка.

207. См.: *Luhmann*, 1973 b: 14 ff.

208. См.: *Commons*, 1932.

209. Я не могу и не хотел бы присоединиться здесь к обширной дискуссии по проблеме фактической власти собственников в рамках их «собственных» систем организаций. Современное введение в эту проблематику см.: *Pondy*, 1970.

210. См., например: *Sofer*, 1961.

211. См.: *Abramson et. al.*, 1958.

212. На это (неожиданно для самого себя) указывает также и анализ политических проблем «позднего капитализма», в рамках которого удивительно «блеклым» и неразработанным остается момент «частного» и, напротив, весьма отчетливо проступает политическая неопределенность лично конституированной в организациях власти. См., например: *Offe*, 1972. Поэтому возникает вопрос: может ли в условиях публично устанавливаемой власти в организациях быть как-то иначе, если мотивация вступления и выхода из них также экономически обуславливается деньгами или тем, что существует благодаря этим деньгам.

213. Ср.: *Barnard*, 1938: 139 ff.; *Simon*, 1955: 71 ff.

214. Ср. различие функций отбора и функций вызова позитивных реакций, которые свойственны таким системам, как фонды содействия (*Mayntz*, 1973); негативные санкции власти почему-то в данном случае даже не упоминаются.

ПРИМЕЧАНИЯ

215. Об этом типе ослабления власти см.: *Blau*, 1956: 64 ff. Противоположное мнение см.: *Myers, Turnbull*, 1956. См. также: *Haritz*, 1974: 24 ff.

216. Если суждения о персонале используются как служащие укреплению власти альтернативы избежания, то это, конечно же, означает, что негативные суждения должны избегаться и функционировать подспудно лишь как возможные. Вследствие этого возникают некоторые диспропорции в сторону позитивных оценок. Этому соответствуют и результаты эмпирических исследований, демонстрирующие, что начальники, выносящие положительные суждения о персонале, оцениваются более позитивно (см.: *Luhmann, Mayntz*, 1973: 224; *Moths, Wulf — Mathies*, 1973: 33 f.) и что начальники обычно дают более благоприятные характеристики, чем подчиненные (см.: *Kamano, Powell, Martin*, 1966).

217. Возможности контроля можно представить как ограничения, накладываемые на те или иные проявления власти путем личного вмешательства, присутствия, участия в интеракционных системах. О подобного рода «ограничениях персональной власти» см.: *Bannester*, 1969: 382 f.

218. Исследования в области социологии организаций отчасти сводятся к эксплицитным рекомендациям толерантного, снисходительного стиля управления. См.: *Roethlisberger, Dickson*, 1939: 449 ff.; *Gouldner*, 1954; *Blau*, 1955: 28 ff., 167 ff.; *Blau, Scott*, 1962: 140 ff.; *Schwartz*, 1964. Однако критические голоса все чаще указывают на неопределенность этой максимы: *Dubin*, 1961: 403 ff.; *Dubin*, 1964. Эмпирические исследования (*Kahn, Wolfe, Quinn, Snoek*, 1964: 161 ff.) показывают, что жизнь при подобном умножении взаимозависимостей в любом случае не становится легче, что возрастают и напряжение, и число конфликтов.

219. В этой преимущественно экономической перспективе аргументация сводится к «росту эффективности»: *Naschold*, 1969; *Hondrich*, 1972.

220. Критические замечания см.: *Strauss*, 1963.

221. Связанное с этим вопросом противопоставление прямой (хотя и исключительно легитимной) и непрямой (коллективно-организованной) партиципации см.: *Lammers*, 1967. Эмпирическое сравнение этих двух форм власти подчиненных должно быть чрезвычайно трудным, в особенности из-за того, что мера их взаимовлияния прояснена еще недостаточно и может варьироваться в зависимости от персональных констелляций.

ПРИМЕЧАНИЯ

222. «Эластичность» связана с вышеизложенной проблемой собственных цепей решений власть имущего. Коллективные органы испытывают гораздо большие трудности в изменении своего мнения по поводу морализированных вопросов власти, нежели индивиды. При этом их память не отличается постоянством, особенно при большой текучке кадров.

223. Так, например, влияние личного советника на вопросы подбора персонала на государственной службе оценивается как относительно незначительное. Оно не учитывается тем чаще, чем выше ранг организации. См. результаты следующих исследований: *Luhmann, Mayntz, 1973: 226, 253 f.* Эти результаты окажутся особенно впечатляющими, если сравнить их с тем влиянием, которое приписывают собственному начальнику. См.: *Luhmann, Mayntz, 1973: 223 ff.*

224. *Follet, 1941: 111* (доклад о «власти», прочитанный в январе 1925 года).

225. «The division of power is not the thing to be considered, but that method of organization which will generate power.» Обсуждения этой формулы: *Schelsky, 1973.*

226. См.: *Kaldor, 1939; Hicks, 1939.*

227. См. выше примечание 114.

228. См.: *van Doorn, 1962: 16 ff.* Напомним также (см. выше прим. 21) о социально-психологических исследованиях тенденций нормообразования в рамках обратной направленности власти.

229. Критику предпосылки нулевой константности суммы власти в рамках этого подхода см.: *Likert, 1961: 55 ff., 179 ff.; Tannenbaum, 1962: 247 ff.; Smith, Ari, 1964.*

230. Также см.: *Wolfe, 1959: 100.*

231. Предложения о решении этой проблемы разграничения зон влияния в указанном смысле время от времени появляются в литературе. Является ли случайным тот факт, что, пытаясь представить эти предложения более убедительно, чаще всего прибегают к примерам из семейной жизни? См., например: *Strauss, 1963, 59 f.*

232. Более старое представление о начальнике, сглаживающем конфликты между подчиненными (см.: *Schmidt, Tannenbaum, 1960*), исходило из предпосылки подавляющей власти начальствующего и ограничивалось, соответственно, разработкой тактических рекомендаций для разрешения подобных конфликтов между подчиненными. Растущая «балканизация» организаций и приближение их к состоянию, когда члены организации не столько работают, сколько враждуют и

ПРИМЕЧАНИЯ

интригуют, ставит нас, однако, перед проблемами совсем другого рода.

233. См., например: *Dalton*, 1959; *Sayre, Kaufman*, 1960: 709 ff.; *Burns*, 1961; *Gournay*, 1964; *Zald*, 1970, *Bosetzky*, 1972. См. также замысловато указывающую на проблемы власти критику «негативной координации»: *Mayntz, Scharpf*, 1973; *Scharpf*, 1973: 47 ff.

234. *Banfield*, 1961.

235. Эксперимент Милгрэма (*Milgram*, 1965) получил известность именно потому, что является исключением из этого правила.

БИБЛИОГРАФИЯ

Abramson, E., Cutler, H. A., Kautz, R. W., Mendelson, M. 1958: Social Power and Commitment: A Theoretical Statement, *American Sociological Review* 23, 15—22.

Adams, J. Stacy, Romney, A. Kimball, 1959: A Functional Analysis of Authority, *Psychological Review* 66, 234—251, überarbeitet unter dem Titel *The Determinants of Authority Interactions*. In: *Norman F. Washburne* (Hrsg.), *Decisions, Values and Groups*, Bd. 2, Oxford 1962, 227—256.

Andersen, Kenneth, Clevenger, Theodor Jr., 1963: A Summary of Experimental Research in Ethos. *Speech Monographs* 30, 59—78, neu gedruckt in *Kenneth K. Sereno, C. David Mortensen* (Hrsg.), *Foundations of Communication Theory*, New York—Evanston—London 1970, 197—221.

Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hrsg.), 1973: *Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit*, 2 Bde, Reinbek.

Aristoteles, *Politica* (hrsg. von W. D. Ross), Oxford 1957.

Aronson, Elliot, Golden, Burton W., 1962: The Effect of Relevant and Irrelevant Aspects of Communicator Credibility on Opinion Change, *The Journal of Personality* 30, 135—146.

Aronson, Elliot, Turner, Judith A., Carlsmith, J. Merrill, 1963: Communicator Credibility and Communication Discrepancy as Determinants of Opinion Change, *The Journal of Abnormal and Social Psychology* 67, 31—36.

Arrow, Kenneth J., 1963: *Social Choice and Individual Values*, 2. Aufl. New York.

Asch, Solomon E., 1948: The Doctrine of Suggestion, Prestige and Imitation in Social Psychology, *Psychological Review* 55, 250—276.

Bachelard, Gaston, 1938: *La formation de l'esprit scientifique: Contribution a' une psychanalyse de la connaissance objective*, Paris.

Bachelard, Gaston, 1940: *La philosophie du non: Essai d' une philosophie du nouvel esprit scientifique*, Paris.

Bacharach, Peter, Baratz, Morton S., 1962: Two Faces of Power, *The American Political Science Review* 56, 947—952.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bacharach, Peter, Baratz, Morton S., 1963: Decisions and Non-decisions: An Analytical Framework, *The American Political Science Review* 57, 632—642, neu gedruckt in: *dies.*, 1970.

Bacharach, Peter, Baratz, Morton S., 1970: Power and Poverty: Theory and Practice, New York—London—Toronto.

Baldwin, David A., 1971 a: Money and Power, *The Journal of Politics* 33, 578—614.

Baldwin, David A., 1971 b: The Power of Positive Sanctions, *World Politics* 24, 19—38.

Baldwin, David A., 1971 c: The Costs of Power, *The Journal of Conflict of Resolution* 15, 145—155.

Banfield, Edward C., 1961: Political Influence, New York.

Bannester, E. Michael, 1969: Sociodynamics: An Integrative Theorem of Power, Authority, Interfluence and Love. *American Sociological Review* 34, 374—393.

Barnard, Chester I., 1938: The Functions of the Executive, Cambridge/ Mass.

Baum, Bernard H., 1961: Decentralization of Authority in a Bureaucracy, Englewood Cliffs N. J.

Baum, Rainer C., 1971: On Societal Media Dynamics. Ms.

Bendix, Reinhard, 1945: Bureaucracy and the Problem of Power, *Public Administration Review* 5, 194—209, neu gedruckt in: *Robert K. Merton, Ailsa P. Gray, Barbara Hockey, Hanan C. Selvin* (Hrsg.), *Reader in Bureaucracy*, Glencoe Ill. 1952.

Bensman, Joseph, Gerver, Israel, 1963: Crime and Punishment in the Factory: The Function of Deviance in Maintaining the Social System, *American Sociological Review* 28, 588—593.

Berger, Peter L., Kellner, Hansfried, 1965: Die Ehe und die Konstruktion der Wirklichkeit: Eine Abhandlung zur Mikrosoziologie des Wissens, *Soziale Welt* 16, 220—235.

Berger, Peter l., Luckmann, Thomas, 1969: Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit: Eine Theorie der Wissenssoziologie, dt. Übers. Frankfurt.

Blain, Robert R., 1971: An Alternative to Parsons' Four Function Paradigm as a Basis for Developing General Sociological Theory, *American Sociological Review* 36, 678—692.

Blau, Peter M., 1955: The Dynamics of Bureaucracy, Chicago.

Blau, Peter M., 1956: Bureaucracy in Modern Society, New York.

Blau, Peter M., 1962: Operationalizing a Conceptual Scheme: The Universalism-Particularism Pattern Variable, *American Sociological Review* 27, 159—169.

БИБЛИОГРАФИЯ

Blau, Peter M., 1964: Exchange and Power in Social Life, New York—London—Sydney.

Blau, Peter M., Scott, W. Richard, 1962: Formal Organization: A Comparative Approach, San Francisco.

Blum, Alan F., McHugh, Peter, 1971: The Social Ascription of Motives, *American Sociological Review* 36, 98—109.

Blumenberg, Hans, 1963: *Lebenswelt und Technisierung unter den Aspekten der Phänomenologie*, Turin.

Blumenberg, Hans, 1972: The Life-Word and the Concept of Reality, in *Lester Embree* (Hrsg.), *Life-Word and Consciousness*, Evanston Ill., 425—444.

Bonoma, Thomas V., Tedeschi, James T., Lindskold, Svenn, 1972: A Note Regarding an Expected Value Model of Social Power, *Behavioral Science* 17, 221—228.

Bosetzky, Horst, 1972: Die instrumentelle Funktion der Beförderung, *Verwaltungsarchiv* 63, 372—384.

Bucher, Rue, 1970: Social Process and Power in a Medical School, in: *Mayer N. Zald* (Hrsg.), *Power in Organizations*, Nashville Tenn., 3—48.

Buckley, Walter, 1967: *Sociology and Modern Systems Theory*, Englewood Cliffs N. J.

Bunger, Paul, 1946: Quellen zur Rechtsgeschichte der T'ang-Zeit, Peking.

Burke, Kenneth, 1961: *The Rhetoric of Religion*, Boston.

Burns, Tom, 1961: Micropolitics: Mechanisms of Institutional Change, *Administrative Science Quarterly* 6, 257—281.

Calasso, Francesco, 1951: *I Glassatori e la teoria della sovranità*, Mailand.

Carlsmith, J. Merrill, Aronson, Elliot, 1963: Some Hedonic Consequences of the Confirmation and Disconfirmation of Expectancies, *The Journal of Abnormal and Social Psychology* 66, 151—156.

Cartwright, Dorwin, Zander, Alvin, 1968: Power and Influence Groups: Introduction, in: *dies.* (Hrsg.), *Group Dynamics: Research and Theory*, 3. Aufl. New York—Evanston—London, S. 215—235.

Chazel, Francois, 1964: Reflexions sur la conception parsonienne du pouvoir et de l'influence, *Revue française de Sociologie* 5, 387—401.

Chenney, John, Harford, Thomas, Solomon, Leonard, 1972: The Effects of Communicating Threats and Promises upon the Bargaining Process, *The Journal of Conflict Resolution* 16, 99—107.

БИБЛИОГРАФИЯ

Claessens, Dieter, 1965: Rationalität revidiert, *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 17, 465—476, neu gedruckt in *ders.*, Angst, Furcht und gesellschaftlicher Druck, und andere Aufsätze, Dortmund 1966, 116—124.

Clark, Kenneth B., 1965: Problems of Power and Social Change: Toward a Relevant Social Psychology, *The Journal of Social Issues* 21 No. 3, 4—20.

Clausen, Lars, 1972: Tausch, *Jahrbuch für Sozialwissenschaft* 23, 1—15.

Cohn, Bernard S., 1965: Anthropological Notes on Disputes and Law in India, *American Anthropologist* 67, II Nr. 6, 82—122.

Commons, John R., 1932: Legal Foundations of Capitalism, New York.

Coser, Lewis A., 1967: Continuities in the Study of Social Conflict, New York—London.

Crozier, Michel, 1963: Le phenomene bureaucratique, Paris.

Dahl, Robert A., 1957: The Concept of Power, *Behavioral Science* 2, 201—215.

Dahl, Robert A., 1968: Power, *Encyclopedia of the Social Sciences* Bd. 12, New York, 405—415.

Dalton, Melville, 1959: Men Who Manage, New York—London.

Danzger, M. Herbert, 1964: Community Power Structure: Problems and Continuities, *American Sociological Review* 29, 707—717.

Deutsch, Karl W., 1969: Politische Kybernetik: Modelle und Perspektiven, Freiburg/Brsg.

Doorn, Jaques A. A. van, 1962/63: Sociology and the Problem of Power, *Sociologia Neerlandica* 1, 3—51.

Douglas, Mary, 1966: Purity and Pollution: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo, London.

Dubin, Robert, 1961: Psyche, Sensitivity, and Social Structure, in: *Robert Tannenbaum, Irving Weschler, Fred Massarik*, Leadership and Organization, New York—Toronto—London, 401—415.

Dubin, Robert, 1963: Power, Function, and Organization, *The Pacific Sociological Review* 6, 16—24.

Dubin, Robert, 1965: Supervision and Productivity: Empirical Findings and Theoretical Considerations, in *ders.*, et al., Leadership and Productivity: Some Facts of Industrial Life, San Francisco, 1—50.

Duyvendak, J. J. L., 1928: The Book of Lord Shang: A Classic of the Chinese School of Law, London.

БИБЛИОГРАФИЯ

Eigen, Manfred, 1971: Selforganization of Matter and the Evolution of Biological Macromolecules, *Die Naturwissenschaften* 58, 465—523.

Eisenstadt, Shmuel N., 1963: *The Political Systems of Empires*, New York—London.

Eisenstadt, Shmuel N. (Hrsg.), 1971: *Political Sociology: A Reader*, New York—London.

Elias, Norbert, 1970: *Was ist Soziologie?*, München.

Emerson, M., 1962: Power-Dependence Relations, *American Sociological Review* 27, 31—41.

Esmein, Adhemar, 1913: La maxime princeps legibus solutus est dans l'ancien droit public francais, in *Paul Vinogradoff* (Hrsg.), *Essays in Legal History*, London, 201—214.

Evan, William M., 1965: Superior-Subordinate Conflict in Research Organizations, *Administrative Science Quarterly* 10, 52—64.

Fanon, Frantz, 1961: *Les damnés de la Terre*, Paris (Dt. Übersetzung, *Die Verdammten dieser Erde*, Frankfurt 1966).

Fisher, Roger, 1969: *International Conflicts for Beginners*, New York—Evanstone—London.

Folett, Mary Parker, 1941: *Power*, gedruckt in: *Henry C. Metcalf, Lyndall Urwick* (Hrsg.), *Dynamic Administration: The Collected Papers of Mary Parker Follet*, London—Southampton, 95—116.

French, John R. P., Snyder, Richard, 1959: Leadership and Interpersonal Power, in: *Dorwin Cartwright* (Hrsg.), *Studies in Social Power*, Ann Arbor, 118—149.

Fried, Morton H., 1967: *The Evolution of Political Society*, New York.

Friedrich, Carl J., 1941: *Constitutional Government and Democracy*, Boston.

Friedrich, Carl J., 1958: Authority, Reason, and Discretion in: *ders.* (Hrsg.), *Authority, (Nomos I)*, New York.

Friedrich, Carl J., 1963: *Man and His Government*, New York.

Gamson, William A., 1968: *Power and Discontent*, Homewood Ill.

Garfinkel, Harold, Sacks, Harvey, 1970: On Formal Structures of Practical Actions, in: *John C. McKinney, Edward A. Tiryakian* (Hrsg.), *Theoretical Sociology: Perspectives and Developments*, New York, 327—366.

Gessner, Volkmar, 1974: *Recht und Konflikt: Eine soziologische Untersuchung privatrechtlicher Konflikte in Mexico*, Ms.

БИБЛИОГРАФИЯ

Giddens, Anthony, 1968: «Power» in the Recent Writings of Talcott Parsons, *Sociology* 2, 257—272.

Goodman, Nelson, 1965: *Fact, Fiction, and Forecast*, 2. Aufl. Indianapolis.

Goody, Jack, 1973: *Evolution and Communication*, *The British Journal of Sociology* 24, 1—12.

Goody, Jack, Watt, Ian, 1963: *The Consequences of Literacy*, *Comparative studies in Society and History* 5, 304—345.

Gouldner, Alvin W., 1954: *Patterns of Industrial Bureaucracy*, Glencoe Ill.

Gouldner, Alvin W., 1971: *The Coming Crisis of Western Sociology*, London.

Gournay, Bernard, 1964: *Un groupe dirigeant de la société Française: Les grands fonctionnaires*, *Revue Française de Science Politique* 14, 215—242.

Grunow, Dieter, 1972: *Ausbildung und Sozialisation im Rahmen organisationstheoretischer Personalplanung*, Stuttgart.

Gunther, Gotthard, 1959: *Idee und Grundriß einer nicht-Aristotelischen Logik*, Bd. I, Hamburg.

Gunther, Gotthard, 1967: *Logik, Zeit, Emanation und Evolution*, Köln—Oplanden.

Guest, Robert H., 1962: *Organizational Change: The Effect of Successful Leadership*, Homewood Ill.

Guzman, German, Borda, Orlando Fals, Luna, Eduardo Umana, 1962: *La Violencia en Colombia: Estudio de un proceso social*, Bogota.

Habermas, Jürgen, 1973: *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*, Frankfurt.

Habermas, Jürgen, Luhmann, Niklas, 1971: *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie — Was leistet die Systemforschung?*

Hahm, Pyong-Choom, 1967: *The Korean Political Tradition and Law*, Seoul.

Han fei Tzu, 1964: *Basics Writings* (translated by Burton Watson), New York—London.

Haritz, Jürgen, 1974: *Personalbeurteilung in der öffentlichen Verwaltung*, Diss. Bielefeld.

Harsanyi, John C., 1962 a: *Measurement of Social Power, Opportunity Costs and the Theory of Two-Person Bargaining Game*, *Behavioral Science* 7, 67—80.

Harsanyi, John C., 1962 d: *Measurement of Social Power in n-Person Reciprocal Power Situations*, *Behavioral Science* 7, 81—91.

БИБЛИОГРАФИЯ

Hejl, Peter, 1971/72: Komplexität, Planung und Demokratie: Sozialwissenschaftliche Planungstheorien als Mittel der Komplexitätsreduktion und die Frage der Folgeprobleme, Diplomarbeit Berlin.

Heller, Hermann, 1933: Political Power, Encyclopedia of the Social Sciences Bd. 11, 300—305.

Heydte, Friedrich August Freiherr von der, 1952: Die Geburtsstunde des souveränen Staates, Regensburg.

Hicks, J. R., 1939: The Foundations of Welfare Economics, Economic Journal 49, 696—712.

Hinings, C. R., Hickson, D. J., Pennings, J. M., Schneck, R. E., 1974: Structural Conditions of Intraorganizational Power, Administrative Science Quarterly 19, 22—44.

Hirsch-Weber, Wolfgang, 1969: Politik als Interessenkonflikt, Stuttgart.

Hollander, E. P., 1960: Competence and Conformity in the Acceptance of Influence, The Journal of Abnormal and Social Psychology 61, 365—369.

Holm, Kurt, 1969: Zum Begriff der Macht, Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie 21, 269—288.

Homans, George C., 1964: Bringing Men Back in, American Sociological Review 29, 809—818.

Hondrich, Karl Otto, 1972: Demokratisierung und Leistungsgesellschaft, Stuttgart.

Hovland, Carl J., Janis, Irving L., Kelley, Harold H., 1953: Communication and Persuasion: Psychological Studies of Opinion Change, New Haven.

Husserl, Edmund, 1954: Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie, Husserliana Bd. VI, Den Haag.

Joannes Duns Scotus, 1963: Opera Omnia Bd., VI, Cirtas Vaticana.

Janda, Kenneth F., 1960: Towards the Explication of the Concept of Leadership in Terms of the Concept of Power, Human Relations 13, 345—363.

Jessop, R. D., 1969: Exchange and Power in Structural Analysis, The Sociological Review 17, 415—437.

Jones, Edward E., et al., 1971: Attribution: Perceiving the Causes of Behavior, Morristown N. J.

Jordan, Nehemiah, 1965: The Asymmetry of Liking and Disliking: A Phenomenon Meriting Further Reflection and Research, Public Opinion Quarterly 29, 315—322.

БИБЛИОГРАФИЯ

Kahn, Robert L., Wolfe, Donald M., Quinn, Robert P., Snoek, Diedrick J., 1964: *Organizational Stress: Studies in Role Conflict and Ambiguity*, New York—London—Sydney.

Kaldor, Nicholas, 1939: Welfare Propositions in Economics and Interpersonal Comparison of Utility, *Economic Journal* 49, 549—552.

Kamano, Dennis K., Powell, Barbara J., Martin, Louis K., 1966: Relationships between Ratings Assigned to Supervisors and Their Ratings of Subordinates, *Psychological Reports* 18, 158.

Kanouse, David E., Hanson, Jr., L. Reid, 1971: Negativity in Evaluations, in: *Edward E. Jones et al.*, *Attribution: Perceiving the Causes of Behavior*, Morristown N. J., 47—62.

Kaplan, Abraham, 1964: Power in Perspective, in: *Robert L., Kahn, Elise Boulding*, (Hrsg.), *Power and Conflict in Organizations*, London, 11—32.

Kawashima, Takeyoshi, 1968: The Notion of Law, Right and Social Order in Japan, in: *Charles A. Moore* (Hrsg.), *The Status of the Individual in East and West*, Honolulu, 429—447.

Keisner, Robert H., 1969: Affective Reactions to Expectancy Disconfirmations under Public and Private Conditions, *The Journal of Personality and Social Psychology* 11, 17—24.

Kelley, Harold H., 1967: Attribution Theory in Social Psychology, *Nebraska Symposium on Motivation*, 192—238.

Kelley, George A., 1958: Man's Construction of His Alternatives, in: *Gardner Lindzey* (Hrsg.), *Assesment of Human Motives*, New York, 33—64.

Kelsen, Hans, 1960: *Vom Geltungsgrund des Rechts*, Festschrift Verdross, Wien, 157—165.

Krause, Hermann, 1952: *Kaiserrecht und Rezeption*, Heidelberg.

Krysmanski, Hans Jurgen, 1971: *Soziologie des Konflikts*, Reinbek.

Kuhn, Thomas S., 1967: *Die Struktur wissenschaftlicher Revolutionen*, Frankfurt.

Lammers, C. L., 1967: Power and Participation in Decisionmaking in Formal Organizations, *The American Journal of Sociology* 73, 204—216.

Lazarus, Richard S., 1968: Stress, *International Encyclopedia of the Social Sciences* Bd. 15, New York, 337—348.

Leach, Edmund R., 1964: Anthropological Aspects of Language: Animal Categories and Verbal Abuse, in: *Eric H. Lenneberg*

БИБЛИОГРАФИЯ

(Hrsg.), *New Directions in the Study of Language*, Cambridge Mass., 23—63.

Lefcourt, Herbert M., 1966: Internal Versus External Control of Reinforcement, *Psychological Bulletin* 65, 206—220.

Lehman, Edward A., 1969: Toward a Macrosociology of Power, *American Sociological Review* 34, 453—465.

Lessnoff, M. H., 1968: Parson's System Problems, *The Sociological Review* 16, 185—215.

Lewis, George Cornewall, 1849: *An Essay on the Influence of Authority in Matters of Opinion*, London.

Likert, Rensis, 1961: *New Patterns of Management*, New York—Toronto—London.

Lipp, Wolfgang, 1972: Anomie, Handlungsmöglichkeit, Opportunismus: Grenzfragen der Systemtheorie, *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* 128, 344—370.

Loh, Werner, 1972: Kritik der Theorieproduktion von N. Luhmann und Ansätze für eine kybernetische Alternative. Frankfurt.

Lovejoy, Arthur O., 1936: *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*, Cambridge Mass.

Luhmann, Niklas, 1964: *Funktionen und Folgen formaler Organisation*, Berlin.

Luhmann, Niklas, 1965: *Grundrechte als Institution*, Berlin.

Luhmann, Niklas, 1969 a: *Legitimation durch Verfahren*, Neuwied—Berlin.

Luhmann, Niklas, 1969 b: *Klassische Theorie der Macht: Kritik ihrer Prämissen*, *Zeitschrift für Politik* 16, 149—170.

Luhmann, Niklas, 1970: *Soziologische Aufklärung: Aufsätze zur Theorie sozialer Systeme*, Köln—Opladen.

Luhmann, Niklas, 1971 a: *Politische Planung: Aufklärung: Aufsätze zur Soziologie von Politik und Verwaltung*, Opladen.

Luhmann, Niklas, 1971 b: *Sinn als Grundbegriff der Soziologie*, in *Habermas/Luhmann*, 25—100.

Luhmann, Niklas, 1972 a: *Knappheit, Geld und die bürgerliche Gesellschaft*, *Jahrbuch für Sozialwissenschaft* 23, 186—210.

Luhmann, Niklas, 1972 b: *Rechtssoziologie*, Reinbek.

Luhmann, Niklas, 1972 c: *Einfache Sozialsysteme*, *Zeitschrift für Soziologie* 1, 51—65.

Luhmann, Niklas, 1972 d: *Religiose Dogmatik und gesellschaftliche Evolution*, in: *Karl-Wilhelm Dahm, Niklas Luhmann, Dieter Stoodt*, *Religion, System und Sozialisation*, Neuwied—Darmstadt, 15—132.

БИБЛИОГРАФИЯ

Luhmann, Niklas, 1973 a: Die juristische Rechtsquellenlehre aus soziologischer Sicht, Festschrift Rene König, Oplanden, 387—399.

Luhmann, Niklas, 1973 b: Politische Verfassungen im Kontext des Gesellschaftssystems, *Der Staat* 12, 1—22, 165—182.

Luhmann, Niklas, 1973 c: Zurechnung von Beförderungen im öffentlichen Dienst, *Zeitschrift für Soziologie* 2, 326—351.

Luhmann, Niklas, 1973 d: Symbiotische Mechanismen, Ms. Bielefeld.

Luhmann, Niklas, 1973 e: Die Funktion des Rechts: Erwartungssicherung oder Verhaltenssteuerung? Ms. Madrid.

Luhmann, Niklas, 1974 a: Rechtssystem und Rechtsdogmatik, Stuttgart—Berlin—Köln—Mainz.

Luhmann, Niklas, 1974 b: Der politische Code: «Konservativ» und «progressiv» in systemtheoretischer Sicht. *Zeitschrift für Politik* 21, 253—271.

Luhmann, Niklas, Mayntz Renate, 1973: Personal im öffentlichen Dienst: Eintritt und Karrieren, Baden-Baden.

Macaulay J., Berkowitz, Leonard, (Hrsg.), 1970: Altruism and Helping Behavior: Social Psychological Studies of Some Antecedents and Consequences, New York—London.

Maciejewski, Frantz, 1972: Sinn, Reflexion und System: Über die vergessene Dialektik bei Niklas Luhmann, *Zeitschrift für Soziologie* 1, 138 — 155.

MacKay, Donald, 1969: Information, Mechanism and Meaning, Cambridge Engl., 3—25.

Maier, Anneliese, 1947: Diskussionen über das aktuell Unendliche in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts, *Divus Thomas* 25, 147—166, 317—337.

Mannheim, Karl, 1927: Das konservative Denken: Soziologische Beiträge zum Werden des politisch-historischen Denkens in Deutschland, *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 57, 68—142, 470—495.

March, James G., 1966: The Power of Power, in *David Easton* (Hrsg.), *Varieties of Political Theory*, Englewood Cliffs N. J., 39—70.

March, James G., Simon, Herbert A., 1958: Organizations, New York.

Marshall, Lorna, 1961: Sharking, Talking, and Giving: Relief of Social Tensions Among the Kung Bushmen, *Africa* 31, 231—249.

Maruyama, Magoroh, 1963: The Second Cybernetics: Devia-

БИБЛИОГРАФИЯ

tion-Amplifying Mutual Causal Processes, *General Systems* 8, 233—241.

Maselli, Mary D., Altrocci, John, 1969: Attribution of Intent, *Psychological Bulletin* 71, 445—454.

Massari, Adhemar, 1957: L'emploi, en egyptein, de deux termes opposes pour exprimer la totalité, in: *Melanges bibliques (Festschrift Andre Robert)*, Paris, 38—46.

Mayhew, Leon, 1971: *Society: Institutions and Activity*, Glenview Ill.

Mayhew, Jr. Bruce H., Gray, Louis N., 1969: Internal Control Relations in Administrative Hierarchies: A Critique, *Administrative Science Quarterly* 14, 127—130.

Mayntz, Renate, 1973: Die Funktionen des Beförderungssystems im öffentlichen Dienst, *Die öffentliche Verwaltung* 26, 149—153.

Mayntz, Renate, Scharpf, Fritz W., (Hrsg.), 1973: *Planungsorganisation: Die Diskussion um die Reform von Regierung und Verwaltung des Bundes*, München.

McLeod, Jack M., Chaffee, Steven R., 1972: The Construction of Social Reality, in: *James T. Tedeshi, The Social Influence Processes*, Chicago—New York, 50—99.

Mechanic, David, 1962: Sources of Power of Lower Participants in Complex Organizations, *Administrative Science Quarterly* 7, 349—364.

Melden, A. I., 1961: *Free Action*, London.

Mey, Harald, 1972: *System und Wandel der gesellschaftlichen Integration*, Ms.

Meyer, Wulf-Uwe, 1973: *Leistungsmotiv und Ursachenerklärung von Erfolg und Mißerfolg*, Stuttgart.

Milgram, Stanley, 1965: Some Conditions of Obedience and Disobedience to Authority, *Human Relations* 18, 57—76.

Miller, Norman, Butler, Donald C., McMartin, James A., 1969: The Ineffectiveness of Punishment Power in Group Interaction, *Sociometry* 32, 24—32.

Mitchell, William C., 1967: *Sociological Analysis and Politics: The Theories of Talcott Parsons*, Englewood Cliffs N. J.

Montesquieu Charles-Louis de, 1941: *Cahiers 1716—1755* (hrsg. von Bernard Grasset) Paris.

Moore, Sally F., 1972: Legal Liability and Evolutionary Interpretation: Some Aspects of Strict Liability, Self-help and Collective Responsibility, in: *Max Gluckman* (Hrsg.), *The Allocation of Responsibility*, Manchester, 51—107.

БИБЛИОГРАФИЯ

Moths, Eberhard, Wulf-Mathies, Monika, 1973: Des Bürgers teure Diener, Karlsruhe.

Mulder, Mauk, Ritsema van Eck, Jan R., de Jong, Rendel D., 1971: An Organization in Crisis and Non-crisis Situations, *Human Relations* 24, 19—41.

Myers, Charles A., Turnbull, John G., 1956: Line and Staff in Industrial Relations, *Harvard Business Review* 34/4, 113—124.

Nagel, Jack H., 1968: Some Questions about the Concept of Power, *Behavioral Science* 13, 129—137.

Naschold, Frieder, 1969: Organisation und Demokratie: Untersuchungen zum Demokratisierungspotential in komplexen Organisationen, Stuttgart—Berlin—Köln—Mainz.

Neuendorff, Hartmut, 1973: Der Begriff des Interesses: Eine Studie zu den Gesellschaftstheorien von *Hobbes, Smith* und *Marx*, Frankfurt.

Oberndorfer, Dieter, 1971: Demokratisierung von Organisationen? in: *ders.* (Hrsg.), *Systemtheorie, Systemanalyse und Entwicklungslanderforschung*, Berlin, 577—607.

Offe, Claus, 1972: Strukturprobleme des kapitalistischen Staates: Aufsätze zur Politischen Soziologie, Frankfurt.

Parsons, Talcott, 1951: *The Social System*, Glencoe Ill.

Parsons, Talcott, 1960: Pattern Variables Revisited, *American Sociological Review* 25, 467—483, neu gedruckt in: *ders.* 1967, 192—219.

Parsons, Talcott, 1963 a: On the Concept of Political Power, *Proceedings of the American Philosophical Society* 107 (1963), 232—262, neu gedruckt in *ders.*, 1967, 297—354.

Parsons, Talcott, 1963 b: On the Concept of Influence, *Public Opinion Quarterly* 27, 37—62.

Parsons, Talcott, 1964 a: Some Reflections on the Place of Force in Social Process, in: *Harry Eckstein* (Hrsg.), *Internal War: Problems and Approaches*, New York—London, 33—70, neu gedruckt in *ders.* 1967, 264—296.

Parsons, Talcott, 1964 b: Die jüngsten Entwicklungen in der strukturell-funktionalen Theorie, *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 16, 30—49.

Parsons, Talcott, 1966: The Political Aspect of Social Structure and Process, in: *David Easton* (Hrsg.), *Varieties of Political Theory*, Englewood Cliffs N. J., 71—112.

Parsons, Talcott, 1967: *Sociological Theory and Modern Society*, New York.

БИБЛИОГРАФИЯ

Parsons, Talcott, 1968: On the Concept of Value-Commitments, *Sociological Inquiry* 38, 135—160.

Parsons, Talcott, 1969: Potity and Society, in *ders.*: Politics and Social Structure, New York, S. 473—522.

Parsons, Talcott, Shils Edward A. (Hrsg.) 1951: Toward a General Theory of Action, Cambridge Mass.

Parsons, Talcott, Bales, Robert F., Shils, Edward A., 1953: Working Papers in the Theory of Action, Glencoe Ill.

Partridge, P. H., 1963: Some Notes on the Concept of Power, *Political Studies* 11, 107—125.

Paterson, T. T., 1955: Morale in War and Work, London.

Patterson, Gerald, Reid, John B., 1970: Reciprocity and Coercion: Two Facets of Social Systems, in: *Charles Neuringer, Jack L. Michael* (Hrsg.), Behavior Modification in Clinical Psychology, New York, 133—177.

Peabody, Robert L., 1964: Organizational Authority: Superior-Subordinate Relationships in Three Public Service Organizations, New York.

Pennings, J. M., Hickson, D. J., Hinings, C. R., Lee, C. A., Schneck, R. E. 1969: Uncertainty and Power in Organizations, *Mens en Maatschappij* 25, 418—433.

Pondy, Louis, 1970: Toward a Theory of Internal Resource-Allocation, in: *Mayer N. Zald* (Hrsg.), Power in Organizations, Nashville Ten., 270—311.

Popitz, Heinrich, 1968: Prozesse der Machtbildung, Tübingen.

Quaritsch, Helmut, 1970: Staat und Souveränität, Frankfurt.

Rabe, Horst, 1972: Autorität, in: *Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck* (Hrsg.), Geschichtliche Grundbegriffe, Bd. I, Stuttgart, 382—406.

Rammstedt, Otthein, 1973: Aspekte zum Gewaltproblem, Ms. (Zentrum für interdisziplinäre Forschung Bielefeld.)

Raven, Bertram H., 1965: Social Influence and Power, in: *Ivan D. Steiner, Martin Fishbein* (Hrsg.), Current Studies in Social Psychology, New York, 371—382.

Raven, Bertram H., Kruglanski Arie W., 1970: Conflict and Power, in: *Paul Swingle* (Hrsg.), The Structure of Conflict, New York—London, 69—109.

Riggs, Fred W., 1957: Agraria and Industria, in: *William J. Siffin* (Hrsg.), Toward the Comparative Study of Public Administration, Bloomington Ind., 23—116.

Riker, William H., 1964: Some Ambiguities in the Notion of Power, *American Political Science Review* 58, 341—349.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ritter, Joahim, 1957: Hegel und die Französische Revolution, Köln-Opladen.

Roethlisberger, Fritz J., Dickson, William J., 1939: Management and the Worker, Cambridge Mass.

Rokumoto, Kahei, 1972, 1973: Problems and Methodology of Study of Civil Disputes, Law in Japan 5, 97—114, 6, 11—127.

Rose, Arnold M., 1967: The Power Structure: Political Process in American Society, New York.

Rostek, Holger, 1971: Der rechtlich unverbindliche Befehl: Ein Beitrag zur Effektivitätskontrolle des Rechts, Berlin.

Ribington, Earl, 1965: Organizational Strains and Key Roles, Administrative Science Quarterly 9, 350—369.

Rushing, William A., 1962: Social Influence and the Social-Psychological Function of Defence: A Study of Psychiatric Nursing, Social Forces 41, 142—148.

Sayre, Wallace S., Kaufman, Herbert, 1960: Governing New York City: Politics in the Metropolis, New York.

Scharpf, Fritz W., 1973: Politische Durchsetzbarkeit interner Reformen im pluralistisch-demokratischen Gemeinwesen der Bundesrepublik, Ms. International Institute of Management, Berlin.

Schelsky, Helmut, 1973: Systemüberwindung, Demokratisierung und Gewaltenteilung: Grundsatzkonflikte der Bundesrepublik, München.

Schermerhorn, Richard A., 1961: Society and Power, New York.

Schluchter, Wolfgang, 1972: Aspekte bürokratischer Herrschaft: Studien zur Interpretation der fortschreitenden Industriegesellschaft, München.

Schmidt, Sieffried J., 1973: Texttheoretische Aspekte der Negation, Zeitschrift für germanistische Linguistik 1, 178—208.

Schmidt, Warren H., Tannenbaum, Robert, 1960: The Management of Differences, Harvard Business Review 38, 107—115.

Schmidt, David R., Marwell, Gerard, 1970: Reward and Punishment as Influence Techniques for the Achievement of Cooperation under Inequity, Human Relations 23, 37—45.

Schwartz, Michael, 1964: The Reciprocities Multiplier: An Empirical Evaluation, The Administrative Science Quarterly 9, 264—277.

Shelley, Harry P., 1960: Focused Leadership and Cohesiveness in Small Groups, Sociometry 23, 209—216.

Sigrist, Christian, 1967: Regulierte Anarchie: Untersuchungen zum Fehlein und zur Entstehung politischer Herrschaft in segmentaren Gesellschaften Afrikas, Otten/Freiburg.

БИБЛИОГРАФИЯ

Simon, Herbert A., 1955: Das Verwaltungshandeln: Eine Untersuchung der Entscheidungsvorgänge in Behörden und privaten Unternehmen, dt. Übers., Stuttgart.

Simon, Herbert A., 1957: Authority, in: *Conrad M. Arensberg u. a.* (Hrsg.), *Research in Industrial Human Relations*, 103—115.

Simon, Herbert A., 1969: *The Sciences of Artificial*, Cambridge Mass.—London.

Smith, Clagett G., Ari, Oguz N., 1964: Organizational Control Structure and Member Consensus, *The American Journal of Sociology*, 623—638.

Smith, M. G., 1960: *Government in Zazzau 1800—1950*, London—New York—Toronto.

Sofer, Cyril, 1961: *The Organization From Within: A Comparative Study of Social Institutions Based on a Sociotherapeutic Approach*, London.

Sorel, Georges, 1936: *Reflexions sur la violence*, 8. Aufl., Paris.

Spaemann, Robert, 1963: *Reflexion und Spontaneität: Studien über Fenelon*, Stuttgart.

Spaemann, Robert, 1972: *Moral und Gewalt*, in: *Manfred Riedel* (Hrsg.), *Zur Rehabilitierung der praktischen Philosophie*, Freiburg, Bd. 1. 215—241.

Sprenkel, Sybille van der, 1962: *Legal Institutions in Manchu China: A Sociological Analysis*, London.

Stinchcombe, Arthur L., 1968: *Constructing Social Theories*, New York.

Strauss, George, 1963: *Some Notes on Power-Equalization*, in: *Harold J. Leavitt* (Hrsg.), *The Social Science of Organizations*, Englewood Cliffs N. J., 39—84.

Tannenbaum, Arnold S., 1962: *Control in Organizations: Individual Adjustment and Organizational Performance*, *Administrative Science Quarterly* 7, 236—257.

Tedeschi, James T., 1970: *Threats and Promises*, in: *Paul Swingle* (Hrsg.), *The Structure of Conflict*, New York—London, 155—191.

Tedeschi, James T., Bonoma, Thomas V., Brown, Robert C., 1971: *A Paradigm for the Study of Coercive Power*, *The Journal of Conflict Resolution* 15, 197—223.

Thibaut, John, 1968: *The Development of Contractual Norms in Bargaining: Replication and Variation*, *The Journal of Conflict Resolution* 12, 102—112.

Thibaut, John W., Riecken, Henry W., 1955: *Some Determi-*

БИБЛИОГРАФИЯ

nants and Consequences of the Perception of Social Causality, *Journal of Personality* 24, 113—133.

Thibaut, John W., Kelley, Harold H., 1959: *The Social Psychology of Groups*, New York.

Thibaut, John, Faucheux, Claude, 1965: The Development of Contractual Norms in a Bargaining Situation under Two Types of Stress, *The Journal of Experimental Social Psychology* 1, 89—102.

Thibaut, John, Gruder, Charles L., 1969: Formation of Contractual Agreements Between Parties of Unequal Power, *The Journal of Personality and Social Psychology* 11, 59—65.

Thomas von Aquino, 1942: *Aristotelis libri acto politicorum cum Commentariis*, Rom.

Thomas von Aquino, *Summa contra Gentiles*, Paris 1863.

Tierney, Brian, 1962—63: «The Prince is not Bound by the Laws»: Accursius and the Origins of the Modern State, *Comparative Studies in Society and History* 5, 378—400.

Turner, Terence S., 1968: Parsons' Concept of «Generalized Media of Social Interaction» and its Relevance for Social Anthropology, *Social Inquiry* 38, 121—134.

Vandermeersch, Leon, 1965: *La formation du legisme: Recherches sur la contribution d'une philosophie politique caracteristique de la Chine ancienne*, Paris.

Veit, W., Rabe, Hannah, Rottgers, K., 1971: *Autorität, Historisches Wörterbuch der Philosophie*, Bd. I, Basel—Stuttgart, Sp. 724—734.

Vickers, Sir Geoffrey, 1965: *The Art of Judgement: A Study of Policy Making*, London.

Walter, Benjamin, 1966: Internal Control Relations in Administrative Hierarchies, *Administrative Science Quarterly* 11, 179—206.

Walter, Eugene V., 1964: Power and Violence, *The American Political Science Review* 58, 350—360.

Watzlawick, Paul, Beavin Janet H., Jackson, Don D., 1967: *Pragmatics of Human Communication: A Study of Interactional Patterns, Pathologies, and Paradoxes*, New York.

Webber, Ross A., 1970: Perceptions of Interactions Between Superiors and Subordinates, *Human Relations* 23, 235—248.

Weber, Max, 1948: *Wirtschaft und Gesellschaft*, 3. Aufl. Tübingen.

Weinrich, Harald, 1967: Linguistik des Widerspruchs, in: *To Honor Roman Jakobson*, Den Haag—Paris, 2212—2218.

БИБЛИОГРАФИЯ

Weltz, Friedrich, 1964: *Vorgesetzte zwischen Management und Arbeitern*, Stuttgart.

Wolfe, Donald M., 1959: *Power and Authority in the Family*, in: *Dorwin Cartwright* (Hrsg.), *Studies in Social Power*, Ann Arbor, 99—11.

Wrong, Dennis H., 1968: *Some Problems in Defining Social Power*, *American Journal of Sociology* 73, 673 — 681.

Yalman, Nur, 1962: *On Some Binary Categories in Sinhalese Religious Thought*, *Translations of the New York Academy of Sciences Ser. 2*, 24, 408—420.

Zald, Mayer N. (Hrsg.), 1970: *Power in Organizations*, Nashville Tenn.

Zaleznik, Abraham, Dalton, Gene W., Barnes, Louis B., 1970: *Orientation and Conflict in Career*, Boston.

А. Ю. АНТОНОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ НИКЛАСА ЛУМАНА

«Начнем пьесу общественной семантики и представим, что Луман — это Гамлет. Он то и дело меняет позиции, но своей перспективе остается верен: он не может сойти со сцены и смотреть на пьесу «Общество» из партера. И так — через системную дифференциацию — он обращает вовнутрь границу с внешним миром зрителей и начинает постановку пьесы в пьесе. Это превращает его в наблюдателя. Пьеса называется «Убийство Гонзаго, или Смерть старой европейской семантики»¹.

1. ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ ОБЩЕСТВО?

Ни один немецкий социолог не повлиял столь сильно на процесс формирования социологической теории, как Никлас Луман — профессор университета города Билефельда. Создав свою, претендующую на универсальность теорию дифференцированных социальных систем, он показал релевантность социологии для таких скорее самостоятельных областей, как юриспруденция, религиоведение, теория искусства, теория познания. В ходе социологического анализа Луман успешно применил системно-теоретические методы, ранее использовавшиеся лишь в

1. D. Dchwanitz. Verlorene Illusionen // Soziologische Revue, Heft 2. 1996. S.127.

таких дисциплинах, как общая теория систем, кибернетика, биология и физиология.

Исходные позиции Лумана были сформулированы в вышедшем в семидесятых и в начале восьмидесятых годов пятитомном труде «Социологическое просвещение» (*Soziologische Aufklaerung*), где лейтмотивом звучала мысль, что социология никак не может принять наследие классического просвещения, ибо несостоятельными оказались сами основания «староевропейской традиции», и прежде всего представления о том, что человек способен сам создавать собственную внутреннюю и внешнюю природу, полагаться на свой разум, идеи которого имели бы общезначимый характер. Потерпела крах вера в прогресс, питавшая надежду на создание «совершенного» общественного порядка и «этического» управления им. Оказалось, что человеческая деятельность и познание руководствуются не разумными основаниями, а какими-то вторичными побуждениями и влечениями, завуалированными и полуосмысленными интенциями, в лучшем случае — социально определяемыми стратегиями. Эти «заднеплановые» ориентиры получили название «идеологии», однако их интерпретации (как «выражения интересов», «бессознательные влечения» или просто «ослепление») не отражали главного — их функциональной направленности на решение все более сложных и системно-специфических проблем.

В своем *opus magnum* «Социальные системы», опубликованном в 1984 году, Луман необъятно расширяет здание своей теории. Если прежде речь шла лишь о теории социальных систем в аспекте их дифференциации, то есть об описании «здания общества, разделенного на кухню, столовую, спальню,

чердак и подвал», то с выходом этой книги в теорию входит новый элемент — автопойесис. Речь идет теперь о конструкции или, скорее, конструировании дома из «балок, блоков, кирпичей», образующих систему присоединяющихся друг к другу и структурно соотносящихся элементов.

Субъект потерял свою монополию на самоотнесенность и рефлексю. Оказалось, что последние в равной мере свойственны и таким самореференциальным системам, как общество и биологические организмы. Люди у Лумана больше не являются частью общества, а принадлежат к его внешнему миру. Общество же *состоит из коммуникаций* — событий, сменяющих друг друга во времени. *Структура общества* представлена учреждениями, способными связывать эти мимолетные события, а принцип структурирования заключается в дифференцировании коммуникаций. В современном обществе дифференцируются не группы людей, а типы коммуникаций, в которых человек участвует, играя роли избирателя, ученика, покупателя etc. Как целое, человек — реалья *внешнего мира* системы, он — наблюдатель, строитель теорий. Однако любая сколько-нибудь универсальная теория общества принадлежит обществу (является следствием и тематизируется в процессе коммуникаций) и в этом смысле обращена на себя саму, является самосодержащей и самореференциальной «пьесой в пьесе». Отсюда — постоянные *парадоксы «удвоения действительности»*, ставшие у Лумана способом ее описания и *самоописания* в таких формах, как «кодирование», «наблюдение второго порядка» etc.

Речь идет о парадоксах самонаблюдения, возни-

кающих в ходе процессов дифференциации систем, и прежде всего, дифференциации систем действия и систем переживаний. Последние нужно понимать в самом широком смысле — как содержание сознания: мыслительные акты, эмоции, ощущения. Несколькими огрубляя Лумана, можно сказать, что эти процессы лежат в основе более поздней дифференциации «специализированной на действиях» системы политики и «редуцированной к переживаниям» системы науки. Впрочем, и в рамках политики протекают процессы самоописания, в результате которых была сформулирована, например, «теория разделения властей». Однако Луман полагает, что эта «теория» таковой не является, ибо ее функция состоит в приписывании определенных *действий*. Научная рефлексия и анализ, а вместе с ними ученый-наблюдатель оказывается перед парадоксом, смысловым коллапсом, ибо, с одной стороны, они должны действовать согласно определенным регулятивам, а с другой фиксируют их как свои объекты, как доступные анализу, разложимые и контингентные реалии. Наблюдатель, аналитик, рассматривая мир как целостность, обнаруживает в нем различия, отличает себя от него, а значит, должен поставить вопрос о своем месте в этом мире и своей функции как (само) наблюдателя, *дистанцировавшегося* от мира именно для того, чтобы иметь возможность этот мир «переживать» и «наблюдать». («Падший ангел», «продавший душу», «вкусившие с древа познания добра и зла» — все это семантические корреляты дифференциации систем действия и систем переживания, появления наблюдающих инстанций). Примерно так рассуждает Луман в своей теоретико-познавательной работе «Сте-

нография», где метафорически описывает эти процессы:

«Дьявол — существо, влекомое импульсом наблюдать Единое, в котором он и сам принимает участие, а значит, он вынужден проводить границу, через которую он (как и политик, политический советник, государь) в состоянии осуществлять наблюдения. Но если Единое есть Добро (и кто при дворе может сомневаться в этом?), то отграничивающий себя наблюдатель — чтобы вообще наблюдать — становится Злом, из чего следует, что еще сохраняются возможности игры дальнейшего самоотграничения, которой и обязан своим появлением человек. Ясно, что Дьявол выступает представителем некоторого порядка, выстроенного на основе различений, и должен их воспроизводить. В средневековье он оказывается космологическим адвокатом всего того, что действует чересчур хаотично, становится Богом *ad hoc*-кратии. (...) Он является то в пышном облачении Великого Инквизитора, то в образе «бедного чертика» — все равно, в модусе ли смешного (для ослабления ужаса) или меланхолической фигуры павшего ангела, обязанного выполнять грязную работу ловли душ грешников, вполне не осознавая — для чего. Во всяком случае он является вторичным принципом, всегда зависимым от того, что невозможно безнаказанно наблюдать. Его проблема — трансцендентальное единство Единого, Истинного и Доброго, которое предрасполагает наблюдателя наблюдать того, кто желает наблюдать это единство, а потому должен от него отграничиваться, а значит, приписывать себе противоположное качество носителя Зла, а себя самого истолковывать как грешника. (...) Парадоксальность делает невозможным определить место пребывания наблюдателя. Он лишь способен наблюдать то, что (dass) он наблюдать не в состоянии»².

С некоторой долей условности название этой интересной работы можно перевести как «сценописание». С упомянутым парадоксом сталкивается актер, играющий по заданной роли (политика, производителя, воспитателя, верующего), которая необ-

2. N. Luhmann. Sthenographie // Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien? Muenchen, 1990. S.132.

ходимо связывает порядок его действий. Однако стоит ему взглянуть на себя со стороны, из партера, глазами зрителя, наблюдателя, ученого-социолога, как эта необходимость рассыпается, ибо ролей существует множество и каждая — контингентна. Смотря на сцену со стороны, актер лишается способности действовать, словно «окаменевают». Здесь Луман пользуется образами античной мифологии. Оказывается, что *Stheno* — вовсе не сцена, а имя античного чудовища — сестры Медузы-Горгоны, при взгляде на которую каждый смертный превращается в камень.

Всякая роль и ролевая коммуникация управляется своим собственным кодом — *парадоксальным единством различного: власти-безвластия, собственности-несобственности, любви-нелюви*, которые мы ниже (п. 2) специально рассмотрим. Аналитик, наблюдатель фиксирует и вскрывает эти — латентные для актера — парадоксальные единства, однако при этом пользуется собственными латентными для него смысловыми кодами (например, кодом истинное-неистинное). Но, формулируя универсальную теорию, наблюдатель, как участник наблюдающей системы, способен и в своей собственной системе обнаружить те же свойства (универсальность!), которые он постулирует для наблюдаемых им систем. Речь уже идет о так называемом *наблюдении второго порядка*.

Действователь-актер не способен пребывать, а тем более действовать (и все-таки действует) одновременно на двух уровнях, вынужден *мифологизировать* реальность, используя средства мифа для обоснования необходимости действовать лишь строго определенным, хотя и случайным с точки зрения

наблюдателя, способом³. Актер играет «пьесу в пьесе», переносит зрительный зал на сцену, оперирует в своем собственном закрытом мире, ориентируясь на регулятивы своей подсистемы, отграничивая *внутри* нее свой внешний мир, хотя и может *приписывать* своим действиям *внешние* причины и побуждения.

2. СМЫСЛ И КОММУНИКАЦИЯ

Почему не покупается истина, любовь или власть?

Почему любят не за власть, деньги или знания?

Почему власть не указывает, что и сколько стоит, не определяет истинность научных предложений, не решает, кто и кого любит?

Почему любовь, денежные сделки и властные распоряжения не проверяются на научную истинность?

В принципе к этим вопросам сводится так называемая *теория дифференциации генерализированных средств коммуникации*, призванная охватить весь социальный универсум и всю его эволюцию. Власть, истина, деньги (собственность), право, религия, искусство, любовь суть коммуникативные коды, то есть принципы упорядочивания (редукции) необъятного в своей комплексности социального и психического мира. Этот мир регулируется смыслом

3. Средства такой мифологизации социальных ролей см.: Антоновский А. Ю. О специфике мифологической ориентации // Религия, магия, миф. Современные философские исследования (ред. Ю. Т. Касавин). М., 1997. С. 100—111. Эстетические аспекты этих процессов изложены в великолепной работе В. В. Соколовой. См.: В. В. Соколова. Феноменология эстетического опыта. М., 2000.

(последним обобщением коммуникативных кодов), неким началом, не имеющим под собой никакого основания, онтического субстрата, субъекта. Он — носитель самого себя, процесс самореференциального воспроизводства — автопойесиса. С помощью смысла социальным системам и сознанию личности удается сделать для себя осязаемой дифференцию между ними и их внешним миром, а тем самым воспринять свою собственную селективность. Именно смысл в постмодерном обществе заменяет понятие субъекта и открывает возможность приписывать свойства самореферентности также и социальным системам. Смысл смысла состоит в указании на другие возможности: одно действие указывает на иные возможные действия и потому смысл — достижение социальных систем действия. Одно переживание может порождать другие, вытекающие из него переживания, и потому смысл одновременно оказывается достижением систем личности.

«Лишь в процессе указания на Другое сознание может реализовать себя, и то же самое имеет значение для коммуникации. «Носитель» (смысла — *пер.*), если вообще стоит сохранять его значение, есть дифференция в отнесениях смысла к Другому, и, со своей стороны, эта дифференция имеет свое основание в том, что всякая актуализация отнесений должна проходить *селективно*»⁴.

Я попробую прояснить некоторые термины Лумана, хотя здесь и не обойтись без значительной тривиализации их значений. *Коммуникативные коды* (власть, истина) и есть те *смысловые* схематизмы, которые управляют селекциями той одной-единственной возможности, которая в данном контексте

4. N. Luhmann. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a. M., 1984. S. 142.

(горизонте возможностей) имеет смысл, актуализируется и в конечном счете конституирует систему, становится ее элементом. Но было время, когда не было власти и истины, права и собственности. Что же тогда определяло селекцию действий и переживаний? Видимо, конкретные, многообразные ситуативные контексты. Если, здороваясь, мне подадут руку, я в ответ протягиваю свою. И это тоже форма влияния, поскольку мой знакомый, выбрав свое действие (*редуцировав комплексность контингентно-возможного*), сузил круг моих возможных ответов. В данном случае возникла система интеракции. Такой процесс обмена действиями Луман называет *переносом редуцированной комплексности или трансляцией селекций*.

Генерализация коммуникативных средств состоит в том, что индивиды начинают выбирать (селекционировать) свои действия, отказываясь связывать их с конкретной ситуацией, пусть даже она и обещает непосредственное вознаграждение: если у меня срочное поручение начальника, я ведь не зайду по пути в кафе. Отныне в любой ситуации, в которой бы ни находился действитель, он ориентируется (*выбирает* свои действия и переживания) на *генерализированный* (то есть обобщающий ситуации) код — власть.

Рассмотрим последовательно систему интеракции как простейшую социальную систему⁵, а затем — такие комплексные системы, как политика, экономика, наука. Последнее включает рассмотрение «проблемы резонанса», то есть способности ука-

5. N. Luhmann. Schematismus der Interaktion // Soziologische Aufklärung. Bd. 3. Westdeutscher Verlag. 1981. S. 81—101.

занных систем реагировать на процессы и на воздействия со стороны внешнего мира системы. Для этого надо кратко представить основные системно-теоретические понятия Лумана.

3. СИСТЕМНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Луман исходит из парсоновской модели социальной системы, в рамках которой действователи («Эго» и «Альтер») согласуют принципиально необозримые и непредвиденные (контингентные) ожидания. В такой социальной системе запускается «автокаталитический» (ускоряемый специальными катализаторами — смысловыми схематизмами) процесс, в результате которого из «двойной контингенции» (случайного характера ожиданий «Альтера» и «Эго») возникает более не контингентное отношение — новый *эмерджентный* порядок. На этом уровне система по-новому реагирует на свой внешний мир, по-другому редуцирует ее комплексность: в себе самой обнаруживает отличие от этого внешнего мира (самореференциальность системы), выделяет себя из него. Из системы интеракции — специфической последовательности коммуникаций среди непосредственно-присутствующих лиц со свойственным ей способами переработки комплексности внешнего мира (смысловыми предметным, социальным и временным горизонтами, в которых система локализует себя, то есть отличает от внешнего мира — см. п. 4) — возникают новые эмерджентные уровни: подсистемы политики и науки системы общества (см. п. 5.). Основная функция системы — регулирование своей дифференции к внешнему миру.

Основные понятия теории Лумана — понятия

внешнего мира (Umwelt) и открыто-закрытой социальной системы: «Социальная система возникает там, где имеет место автопойетическая связь коммуникаций, которая отграничивается в своих, собственных только ей коммуникациях от окружающего мира»⁶.

Связь между высоко комплексным внешним миром и открыто-закрытой по отношению к нему системой, редуцирующей его комплексность, Луман называет *резонансом* — селективным ответом на воздействие внешнего мира системы. Например, в физике отдельная система может резонировать на основе *собственной* частоты колебаний (закрытость границ), но колебания возникают в результате воздействия со стороны внешнего мира системы (открытость границ). В биологии операции нервной системы организма протекают как нейродинамические взаимодействия (собственные закрытые операции), поскольку нейроны взаимодействуют друг с другом, но эти внутренние взаимодействия — ответ системы на состояния внешней среды. Так, состояние внешнего мира должно получить резонанс во внутренних коммуникациях общества (*системы всех возможных коммуникаций*). Проблема же состоит в том, что «социально-культурная эволюция основывается на том, что общество *не должно* реагировать на свой внешний мир, и не может иначе существовать. Так, сельское хозяйство начинает с того, что уничтожает все, что прежде росло на поле»⁷. Кроме того, общество своими внутренними коммуникациями по определению не способно не-

6. N. Luhmann. Ökologische Kommunikation. Heidelberg, 1990. S. 269.

7. Там же. С. 43.

селективно (то есть ограниченно, фрагментарно и неадекватно) реагировать на состояния несопоставимо более комплексного мира *в целом*, «частота колебаний» которого не может «получить резонанс» в коммуникациях общества.

Луман опирается на Гуссерля, который описывает мир как горизонт актуальных интенций, как то, что может получить актуальность лишь как горизонт⁸. Горизонт, «ограничивающий» систему, характеризуется следующим образом:

«Внешний мир системы (как внутренняя предпосылка операций системы) не имеет никаких границ, да он в них и не нуждается. Он являет собой коррелят используемого в системе отношения к Другому (Fremdreferenz) и феноменологически представлен в системе как горизонт. Это означает, что при каждой операции он по мере надобности простирается бесконечно. Если к нему приближаться, он отдаляется, он не может быть ни пересечен, ни достигнут. Он вообще не граница. Он сопровождает каждую операцию системы, в той мере, в какой она соотносится с чем-либо вне ее самой. В качестве горизонта выступает возможный предмет интенций и коммуникаций, но лишь в том случае, если система способна представлять себе внешний мир как единство, а значит, представлять себя саму в своей дифференции ко внешнему миру.

Дискрепанция между комплексностью действительного мира и резюмирующей силой сознания или коммуникации может быть преодолена лишь в том случае, если пространство актуальных интенций ограничивает и потенциализирует все остальное, то есть редуцируется до статуса чистых возможностей»⁹.

Внешний мир сам по себе не информативен. Информации (релевантные для системы состояния и события) суть внутрисистемные достижения, приобретаемые с помощью техники различений. Вне-

8. Там же. С. 51—52.

9. Там же.

шний мир — это абсолютное Все, которое в этом статусе сверхкомплексности абсолютно непрозрачно и недоступно. Система же способна «видеть», то есть выбирать свое и оставлять без внимания (в ранге возможности) другое. Система, таким образом, «видит» только себя, ограничена в своем «зрении» своим горизонтом. То, что «видит» система, и есть ее коммуникации, которые необходимо отличны от мира самого по себе. Событие, полагаемое системой в ее *внешнем* мире и релевантное для нее, *уже всегда внутрисистемное, переработанное ей* событие, но эта закрытость системы означает ее мирооткрытость: «Поскольку все информации и информационные ожидания, то есть структуры, приобретаются через проекции различий, эта закрытость и есть открытость системы, ибо с помощью этой техники система в состоянии узнавать себя саму в своей дифференции по отношению ко внешнему миру»¹⁰. Внешний мир есть то, что уже представлено (а значит, редуцировано, информационно переработано) в системе, и она реагирует на него как на свое внутреннее состояние. Но она открыта, поскольку внешний наблюдатель констатировал бы корреляции между внешним миром системы и ее внутренним внешним миром.

Данная теоретическая структура является предпосылкой для ответа на главный вопрос: *возможно ли и как возможно в общественных (научных, правовых, экономических, политических, воспитательных, религиозных) коммуникациях обсуждать негативные изменения в окружающем нас мире и соответственно действовать, если процес-*

10. Там же. С. 46.

сы самого внешнего мира недоступны системе. При этом надо иметь в виду внутренне дифференцированный характер социальной системы общества. Различение «система — внешний мир» являет собой предпосылку всякого наблюдения внешнего мира, которое осуществляется подсистемами (науки, экономики, политики и т. д.) системы общества, которые и друг для друга являются внешними мирами. Так, государственно-организованную политическую систему экономика и наука рассматривают как свой внешний мир, а значит, освобождают себя от ответственности за политические следствия своих операций. Возникает парадокс: чтобы адекватно отвечать негативным изменениям во внешнем мире, требуется дифференциация частных систем, а дифференциация частных систем ведет к несогласованности их операций и их следствий по отношению к внешнему миру, что и порождает негативные изменения, которые должны быть переработаны на уровне нового *эмерджентного порядка*.

4. ИНТЕРАКЦИЯ — ПРОСТЕЙШАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Простейшая социальная система действия — интеракция — состоит из последовательности (констелляции) коммуникаций между непосредственно присутствующими участниками и должна быть «локализована» в «пространстве» трех измерений: социального, временного и предметного. Каждое действие может быть «исчислено» (участниками интеракции) в рамках этих координат. В *социальном измерении* авторство события может быть самими «участниками» приписано либо «Эго», либо

«Альтеру». Возникает «горизонт» значений от «Эго как автора события» до «Альтера как автора события». Сложность и число значений в данном горизонте увеличивается за счет того, что каждый интерактер не только сам специфическим образом распределяет значения, но предполагает, что то же самое осуществляется и «Другим», приписывает ему свое «исчисление». То, какое значение в этом горизонте будет приписано действию, в сочетании со значениями этого же действия в других горизонтах определяет отбор системой («селекцию» осуществляющей сама система, а не ее «участники») следующего действия.

Временное измерение конституировано горизонтом прошлое-будущее (константное-вариативное). В рамках этого измерения каждому событию может быть приписано значение либо результата прошлого, неисправимого свойства характера или неизменных способностей (двойка ученика «исчисляется» как результат врожденных недостаточных способностей, то есть как результат его прошлого), либо как результат вариативного фактора (лени, нежелания, то есть как то, что возможно изменить в будущем). Соответственно тому или другому выбору значений устанавливаются различные стратегии присоединяющегося поведения, различные санкции и поощрения.

Третье, *предметное измерение* конституировано горизонтом внутреннего и внешнего исчисления, генеральной возможностью воспринимать одно или переходить к другому. Соответственно причины действия могут полагаться либо внутри самой системы действий (внутреннее — *интернальное* — исчисление), либо в ее внешнем мире, например в со-

знании, переживании. Двойка может истолковываться учеником как правильная, адекватная оценка, результат его действий, плохой работы, как обусловленная внутрисистемными правилами, где одно системное действие порождает другое системное действие. Либо как результат нелюбви со стороны учителя (его сознания). Или, что то же самое, как ответ на нелюбовь со стороны ученика. В соответствии с тем, какое значение выбирает («исчисляет» значение действия в горизонте-измерении) «Эго» или «Альтер», наступает или не наступает то или другое действие в рамках данной системы. Согласованность этого «исчисления» в горизонтах ведет к возникновению системы — неслучайной последовательности действий. Из множества возможных действий реализуется лишь одно, имеющее *смысл* в данной системе.

Социальное действие конституировано горизонтами, которые выполняют функцию редукции сложности возможных действий. Каждый горизонт имеет дуальную симметричную структуру — смысловой схематизм, ориентир, отвечающий за отбор («селекцию») участниками именно системных или внутрисистемных действий. В рамках простейшей системы интеракции все возможности выбора действий симметричны. Выбор внешнего или внутреннего, авторства «Эго» или «Альтера», прошлого или будущего в горизонтах действия — равновероятен. Однако в процессе функциональной дифференциации общества эта априорная структура асимметризируется: каждая специфическая, функционально-дифференцированная система (наука, политика etc.), которая имеет своими элементами системы интеракции, так ангажирует сами по себе симмет-

ричные интеракции, что те или иные значения в горизонтах системы получают устойчивые предпочтения. Так, в системах интеракций, ангажированной социальной системой науки, возникает специфическая роль Эго с функцией «наблюдателя, редуцированного к переживанию» (то есть выбирающего внешнее в горизонте внутреннее-внешнее). Эго-наблюдатель скорее склонен искать причины событий в сознании людей — внешнем мире (Umwelt) по отношению к системе действия. Он исчисляет «экстернально», в то время как наблюдаемые, ощущающие непосредственное давление заставляющей действовать реальности и ситуации, переживают причины событий как локализуемые вне их сознания, то есть в непосредственно предшествующих внутрисистемных событиях (асимметризация в пользу «интернальных» предпочтений в горизонте внутреннее-внешнее).

Кроме того, Эго-наблюдатель склонен сводить события к константным значениям (прошлому) во временном горизонте, что являет собой условие суждения о них и их объяснения. Напротив, сам действующий «фасцинирован тем, что в ситуации изменяется и тем самым вызывает его действие»¹¹, то есть склонен выбирать вариативные значения (будущее) во временном горизонте.

Поскольку всякая интеракция в той или иной степени «ангажирована» специфической функциональной подсистемой со специфическими ролями (наукой, политикой, религией и т. д.), то в результате горизонты асимметризируются — в каждом измерении возникают устойчивые распределения

11. Там же. С. 87.

значений (предпочтения, ожидания). С другой стороны, выбор в горизонтах функционально-дифференцированных систем определяется иными смысловыми схематизмами (деньги, власть, истина, право, собственность).

Перейдем к рассмотрению функциональных подсистем системы общества.

5. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

С переходом от стратификационистской дифференциации к дифференциации функциональной был сломлен иерархический мировой порядок и установлены автономные функциональные системы политики, науки, экономики и т. д. Специфика их автономии состоит в открыто-закрытом характере границ этих подсистем. Луман исследует возможности *резонанса*, то есть способность систем учитывать состояния окружающего внешнего мира.

Под экономической системой подразумеваются система операций с деньгами, платежей и т. д., которые дифференцировались от политики и религии. Деньги — смысловой схематизм экономики, то есть ориентир для выбора именно экономических (специфических внутрисистемных действий) в горизонте возможных действий. В новое время экономическая система стала автономной, закрытой, в то время как в средневековье платежи носили универсальный характер, было возможно покупать должности (политическая система), спасение (т. е. индульгенции — система религии) и т. д.

В коммуникациях экономической системы произошел переход от кодирования собственностью к

монетарному кодированию, что определило переменную всего отношения к ее внешнему миру. Прежде каждая операция в экономической системе (платеж, покупка) определялись кодом-альтернативой «собственник-несобственник»: «Эго» покупает, если не является собственником, и, наоборот, продает, если имеет собственность. Напротив, монетарное кодирование ориентирует операции экономической системы кодом деньги. Экономический «Эго» платит за собственность только с целью будущего приобретения денег, а не собственности. Эта ориентация на деньги отграничивает данный вид операций как именно экономические от всех других, что определяет *закрытость системы экономики*. Ранее собственность на землю была основой политической власти собственника. Положение дел меняется с началом дифференциации политики и права. В монетарной закрытой экономике потребности находятся *вне* экономической системы, принадлежат к ее внешнему миру. Платить или не платить определяется ценой, которая не может быть ни справедливой, ни несправедливой и не может регулироваться политическим решением, иначе система была бы не закрытой, а зависела бы от системы права или политики. Система замкнута, поскольку все ее операции ориентируются внутрисистемно, а именно на цены. Но система открыта, поскольку в ценах выражены потребности, локализуемые вне системы, в ее внешнем мире.

Подсистема науки обладает своим специфическим смысловым схематизмом, кодом «истинное-неистинное», специализированным на приобретении нового научного познания. Его функция — снять с *нового* подозрение в ложности. «Это стало возмож-

ным благодаря установлению культурно-исторически невероятной преференции нового и любопытного (*curiositas*), которая, правда, была впоследствии кондиционирована и методологизирована». Это означает, что наука «свои границы находит в себе самой (резонанс!), а не в своих объектах»¹². Свойственная науке дифференция теории и метода коррелятивна открыто-закрытому характеру системы науки. Теории переводят результаты внутренней работы науки в ее внешний мир, «экстернализуют, то есть относят их к действительному миру, *переживаемому* каждым». Участник научной интеракции «исчисляет экстерналино», процедура верификации как раз и состоит в апелляции к универсальности переживания (интерсубъективности) внешнего мира для систем действия. Если теории «репрезентируют открытость», то методы, «применяя код, заботятся о том, чтобы результаты были распределены по значениям истинности и лжи». Методы «репрезентируют закрытость» науки, ибо *исключают* третье значение.

Характерный для современной науки уровень математизации, идеализации и абстракции, «усиление разлагающей и комбинирующей способности», разложивший видимый мир на атомы, молекулы, генетические структуры, а человека — на роли, действия и их компоненты (структурная сверхкомплексность), препятствует резонансу с внешним миром. Наука — самонаблюдающая система. Но система, ориентирующаяся в собственной комплексности, становится гиперкомплексной, что перегружает систему науки, поскольку к ней предъявляются

12. Там же. С. 154.

требования наблюдать общество в целом (как предмет одной из наук, например социологии) и одновременно себя саму как подсистему этого общества: «самоописание науки есть описание описания описания, и так бесконечно».

Проблема рациональности науки ставится Луманом в понятиях комплексности и ее редукции — как рациональность выбора: «Как рациональность может быть рациональной, если из астрономических цифр иных возможностей комбинаций должна быть выбрана только одна?»¹³ Наука, сама будучи системой, должна, следовательно, подчиняться тому, что она постулирует для наблюдаемых ею систем: «ограниченности резонанса по мере собственной частоты колебаний и по мере своего бинарного кодирования»¹⁴.

6. ВЛАСТЬ — КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Держи подальше мысль от языка,
А необдуманную мысль от действий...
Своих друзей, их выбор испытав,
Прикуй к душе стальными обручами...
В ссору вступать остерегайся, но вступив,
Так действуй, чтоб остерегался недруг,
Всем жалуй ухо, голос — лишь немногим,
Сбирай все мнения, но свое храни.

У. Шекспир. Гамлет.

Дифференциация политики от других общественных систем связана с появлением инстанций, принимающих «решения» — предпосылки для коллек-

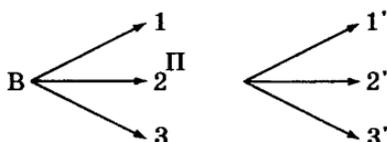
13. Там же. С. 160.

14. Там же. С. 162.

тивных действий. Власть — одна из форм *влияния*, в основе которого — все тот же процесс трансляции редуцированных селекций. Но в рамках дифференцированной политической системы протекание интеракций уже не руководствуется и не мотивируется ее контекстом — естественными, повседневными и наглядными реалиями жизненного мира (понятными влечениями, интересами). Почему же это произошло? Почему возникла, а потом закрепились такая «невероятная» ориентация и мотивация?

Уже такое коммуникативное средство, как язык, предоставляет возможность сказать «нет», то есть отграничить, отклонить, вынести за пределы системы те коммуникации, которые не принадлежат системе. «Да» и «Нет» — всегда ситуативные коды, но заложенный в них потенциал отрицания воплотился в специфических и вместе с тем универсальных коммуникативных средствах: ведь можно отказать *купить* предложенный товар (если он потом не принесет денежного дохода), не принимать теорию за *истину* (если она ей не отвечает), не вступать в сексуальные отношения (если один человек не любит другого). Отклонение предложенной селекции всегда апеллирует к специальной инстанции — кодам коммуникативных средств: истине, любви, деньгам. В этом смысле Луман интерпретирует и эволюцию, сводя ее к процессам отбора и закрепления подобных кодов, одним из которых и является код *власть*. «Эго» принимает селекцию власть имущего, который ограничил пространство его возможных действий, говорит ему «Да», ибо тот обладает властью. Конечно, это тривиальность. Проблемы состоят в выявлении механизмов такой специфической редукции поведения. Природа вла-

сти — в независимости от ее субъективного и объективного контекста, а также от начальных условий ее возникновения.

Здесь В — власть имущий, П — подчиненный, а цифрами обозначаются — решения, отобранные из возможных. Пусть была выбрана возможность под номером «два», в этом случае селекция двойки будет транслироваться дальше, пусть даже начальные условия (исходные конstellации) изменились или совсем сошли на нет.

Власть, таким образом, определяется как «временная генерализация», ибо были устранены иницировавшие ее события. Рожденная в состоянии системной диффузии — на основе обещанных денег, собственности, защиты или любви, то есть коммуникативных средств социальных систем, внешних по отношению к политике, — власть освобождается от этих контекстов. Деньги или любовь уже потому не могут обеспечивать власть, что однажды их получивший будет скорее оказывать влияние, чем ему подчиняться.

Власть, конечно же, связана с интересами. В простых житейских ситуациях интересы — ситуативно-конгруентны. Так, влияние — более простое по сравнению с властью средство трансляции — проявляется там, где предполагаемые действия естественны и непроблематичны. Например, человек не дает упасть предмету, который ему передают. Этот общий интерес (удержать предмет), регулируемый влиянием, еще не требует того, чтобы «Эго» в сво-

их действиях специализировался на том, чтобы предписывать другим их действия. В ходе такой специализации влияние становится контингентным, теряет свою естественно-ситуативную основу, выходит за пределы жизненного мира. В основе этой эволюции лежит возрастание комплексности: все большее многообразие контекстов, где «конгруэнтность интересов» далеко не очевидна. Власть — эволюционный ответ, средство редукции этой комплексности.

В известном смысле власть у Лумана — это фантом, поскольку в конечном счете смещается в сторону подчиненных. Первоначально Луман определяет ее как «ограничение пространство селекций партнера», но на современной стадии ее перманентного усиления (что означает рост селективности в принятии решений) распоряжения *предвосхищаются* подчиненными, что позволяет ею манипулировать. Властитель нужен подчиненному лишь для того, чтобы через него протаскивать свои решения. Всякая власть тем самым сталкивается с противоположным потоком «неформальной власти» подчиненных. Итак, власть регулируется *кодом (бинарным схематизмом) формального-неформального*: всякое решение должно приниматься с учетом формальной и неформальной власти.

Здесь нам открывается все та же ницшеанская модель современного состояния общества: власть подчиненного большинства — носителя *ressentiment* — над избранными героями. Но на место морали — как средство нейтрализации власти у Ницше — у Лумана заступает «*правовое кодирование*».

Итак, власть регулируется кодом правового-неправового. Ситуация усложняется тем обстоятель-

экономическая система получает такое вторичное кодирование коммуникативным средством денег (дополнительно к средству собственности), которое обеспечивает максимальную селективность при выборе предмета покупки — селективность *par excellence*. В случае системы науки вторичное кодирование истины требует для себя не только ее признанных критериев, но и научной репутации, выполняющей сходную функцию. В случае системы интимных отношений вторичное кодирование опирается на «конкретную историю переплетенных биографий».

С другой стороны, вторичное кодирование должно усилить *интеграцию* системы. Примечательно, что в книге «Власть» Луман ни разу не употребляет понятия государства. Но коммуникативное средство «власть» не обладает такой *интегрирующей силой*, как деньги в экономической системе. В «Социологическом просвещении» Луман полагал, что использование власти еще не конституирует единства политической системы. В функциональную систему политики в ходе процесса, который Луман называет «самоописанием системы», должно быть введено дополнительное понятие — «государства», которое бы обеспечило дополнительную мотивацию и интеграцию политической системы. Луман критикует обычные определения государства на основе «тринитарного единства» народа, территории и власти. Государство у Лумана — это самоописание политической системы, семантический артефакт, функция которого — обеспечить независимость политической системы (то есть последовательностей решений, властных сцеплений) от самой власти, от суждений со стороны ее конкретных инстанций.

Государство — высший пункт *генерализации* власти. Государство — как и власть — смысловая референция всех операций политической системы.

Более содержательно власть определяется как «*отношение между отношениями к альтернативам избежания*» (АИ) подчиненного и властителя. АИ — ответ на не конформное поведение: отказ подчиняться и реакция на этот отказ, которые протекают в форме санкций. Для подчиненного эти альтернативы, так сказать, более неприятны, чем для властителя. Перепад в мотивациях (прибегнуть или уклониться от АИ) одновременно означает перепад во властных уровнях. Интересно, что это конституирующее власть *отношение* словно «снимается» в ее втором определяющем признаке. Так, для осуществления власти в норме требуется, чтобы удостоверяющие ее альтернативы избежания (санкции, в конечном счете физическое насилие) вообще бы не запускались, а существовали лишь потенциально как никогда не актуализирующиеся возможности. Где применяется насилие, власть исчезает.

Рост власти в виде уменьшения насилия с ее стороны — вторая социологическая реминисценция старого ницшеанского мотива, который фактически оказывается лейтмотивом представляемой книги, пусть и в системно-теоретическом облачении:

«С возрастанием власти и самосознания уголовное право всегда смягчается; всякое послабление ее и более глубокая подверженность угрозам снова привлекает на свет суровейшие формы последнего. Нет ничего невообразимого в том, чтобы представить себе общество с таким сознанием собственного могущества, при котором оно могло бы позволить себе благороднейшую роскошь из всех имеющихся в его

А. Ю. АНТОНОВСКИЙ

распоряжении — оставить *безнаказанным* того, кто наносит ему вред. Какое мне собственно дело до моих паразитов? — вполне было бы оно сказать в таком случае. — Пусть себе живут и процветают: для этого я еще достаточно сильно»¹⁵.

15. Ф. Ницше. К генеалогии морали. Соч. в 2 томах. М., 1990. С. 451—452.

Научное издание

Никлас Луман
ВЛАСТЬ

Перевод с немецкого *А. Ю. Антоновского*

Художественное оформление *А. Кулагин, А. Мосина*
Оригинал-макет *А. В. Иванченко*

Издательская группа «Праксис»
ИД № 02945 от 03.10.2000

Подписано в печать 9.10.2001. Формат 84 × 108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,4
Тираж 2000 экз. Заказ 1880

ООО «Издательская и консалтинговая группа „ПРАКСИС“»
127486, Москва, Коровинское шоссе, д. 9, корп. 2

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Типография „Новости“»
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 5-901574-06-0

9 785901 574065